

Легенда объ Авдакеѣ святой мученицѣ.

Издаваемая легенда записана мною въ 1900 году отъ слѣпой старухи, крестьянки деревни Ивакина Мамошинской волости Рузскаго уѣзда Московской губ. Агафьи Мироновны ¹⁾, по профессіи знахарки, извѣстной въ округѣ какъ своимъ умѣніемъ заговаривать болѣзни, такъ и замѣчательной памятью и знаніемъ большого числа сказокъ, легендъ и стиховъ. Я записалъ отъ нея всего около сотни сказокъ и легендъ, съ десятокъ духовныхъ стиховъ и нѣсколько пѣсень ²⁾.

Была Авдакея святая великаѣй мученица. Ана ни святой еще была. Былъ купецъ съ купчихою. Купецъ померъ, и купчиха помярла. Астѣлась одна дочь Авдакея. И стали паяжжять къ ней купечискіи сынавья, навѣдавать. Какъ ани ни прѣдутъ, явица манахъ. Лимъ и дѣлать нечиво. Уѣдутъ купечискіи сынавья, манахъ и говарить: «Эхъ, Авдакея, ни за дѣло ты взялась. Расташи ты сваѣ имучиства, ступай въ дивичій монастырь; хорошо твоей душѣ будить». Сталъ Авдакея продавать. Ну коѣи знакомыи стали пріяжжять іе. «Штѣ йто Вы, Авдакея, задумали? Стало быть, Вамъ

1) Мнѣ не удалось при жизни Агафьи Мироновны узнать, откуда она была взята замужъ въ д. Ивакино. Судя по особенностямъ ея говора, она родомъ — или изъ Тепловскаго прихода Васильевской волости Рузскаго у. или изъ Клинскаго у. Московской губ.

2) Одна изъ ея легендъ издана въ составленной мною и Д. Н. Ушаковымъ „Хрестоматіи по великорусской діалектологіи“, № 87, въ фонетической транскрипціи. Здѣсь пришлось отказаться отъ мысли дать такую же точную фонетическую транскрипцію, какъ по типографскимъ условіямъ, такъ и въ видахъ удобства чтенія. Но насколько это возможно при употребленіи буквъ въ ихъ обычномъ, основномъ значеніи, произношеніе передается болѣе или менѣе точно и здѣсь, и только тамъ, гдѣ являються звуки, для которыхъ нѣтъ особыхъ буквъ въ русской азбукѣ, сохраняется обычная орфографія. Къ такимъ звукамъ относятся главнымъ образомъ гласные звуки не подъ удареніемъ и не непосредственно передъ удареніемъ. Произношеніе ихъ сходно съ литературнымъ.

ничябъ ни надомно? Тибѣ самой нужно». — «Ну, ни слушаю я ничего: што задумала, то и дѣлаю». Растачила сваё имучиство по тюрмамъ, па ямамъ, па строгамъ, па бѣдными людьми, па нищій братіи. Астала сибѣ малѣишее дѣло, собраласьшла, идѣтъ дарогой, думаетъ: «Господи, фсѣ я размытарила, фсѣ распродала! што — мяня тамъ ни примуть?» Патходитъ гѣ дивичьему монастырю; манахъ іѣ стрячаютъ. Послужылъ Авдакея фсявѣ три мѣсца въ монастырѣ, — помярла мать Пафитиній или тамъ Лифтиній ихній тамъ набольшая, и придиляютъ іѣ въ эфти въ набольшіи. Нигодавались паптрижены, кой три года тамъ служыли, можетъ, большы: «Какъ это такъ? три мѣсца пожыла; ей только за намъ урыльники насыть, а вы іѣ въ набольшыи сажаетя!» Паткупили паптрижены эти, кой тамъ много служыли время, дваихъ купечискихъ сынавѣфъ: «Какъ мы ѣ повидѣмъ на папирьку, поцалуютъ іѣ; мы тада скажымъ: дастои ли ана въ эфтимъ быть, када іѣ на папирьки палуютъ?» Вядутъ іѣ. Адинъ только шагнулъ, хатѣль къ ней подайтить; ана только: «фв», дунула на нявѣ, онъ и повалилси. Абротилася на лѣваю сторону: «фв», дунуль, ы этотъ упаль. Три мѣсца ана побыла въ эфтимъ, въ набольшы, и помярла. На груди у ней рукописани: «Авдакея, святая мучница». Заразила фсѣ тельи раснымъ ладономъ, даже задохлиси.

Источникъ этой легенды, конечно, — проложное житіе св. преподобномученицы Евдокіи. Такъ какъ оно невелико, то привожу его цѣликомъ по печатному прологу.

Та баше во время царя Траяна, отъ Самаріи Палестинскія, во Иліуполѣ, въ блудѣ первѣе живущи, и многи рачители красотою лица своего привлекиши и богатство много собравши. Потомъ же приде ко Христу, отъ нѣкоего Германа монаха о благочестіи и покаянiи словеса слышавши. И крестися убо Θεодотомъ епископомъ, божественнымъ откровеніемъ повинувшиися. Ибо во ужасѣ видѣвши ангеломъ на небо себе приведену и ангелы радующіися о обращеніи ея, и нѣкоего велми черна лицомъ, рыдающа и плачуща, яко обидима. И взявши свое богатство, нищимъ раздавши, и отиде въ монастырь и добрѣ шествіе постническое преходящи. И пѣкоего отъ первыхъ, именемъ Филострата, пришедша къ ней на память злѣй похоти діаволи, претворившася въ чернца, и отъ спасительнаго пути

отвести ю, она же силою всѣхъ Бога дуновѣніемъ своимъ мертва показа. И паки въ видѣніи глаголавша Господа промысломъ, молитву сотворши, возстави его и поучи. И приведена бывши ко Авриліану царю, оклеветана бывши своими рачителями. Чудодѣйствовавши же, яко и царева отрочица воздвигши, и ко Христовѣ вѣрѣ царя привлече. Потомъ же мучена бывши Діогеномъ игемономъ и тамо чудодѣйствовавши, пущена бысть. И паки по сихъ инымъ воеводою, Викентіѣ именемъ, посѣчена бысть¹⁾.

Какъ мы видимъ, отъ проложнаго житія въ легендѣ осталось очень мало. «Многіе рачители», прельщавшіеся красотой лица Евдокіи, превратились въ легендѣ въ купеческихъ сыновей. О ея поведеніи до поступленія въ монастырь легенда ничего не говоритъ; остался только упрёкъ монаха «не за дѣло ты взялась». Монахъ, который совѣтуетъ Евдокіи идти въ монастырь, конечно, соотвѣтствуетъ монаху Герману проложнаго житія, говорившему Евдокіи «о благочестіи и покаяніи словеса». Въ согласіи съ житіемъ легенда рассказываетъ о томъ, что Авдакея раздаётъ своё имущество бѣднымъ и поступаетъ въ монастырь. Далѣе легенда запомнила случай съ однимъ изъ прежнихъ «рачителей», котораго Евдокія «дуновѣніемъ своимъ мертва показа», но въ легендѣ вмѣсто одного рачителя оказываются двое юношей. Наконецъ, легенда запомнила, что Авдакея «святая мученица». Всѣ остальные подробности внесены легендой и не столько развиваютъ конспективное изложеніе проложнаго житія, сколько искажаютъ его. По легендѣ, Авдакея является христіанкой съ самаго начала; купеческіе сыновья, пріѣзжающіе къ ней, просто женихи, которые сватаются къ ней, какъ къ богатой невѣстѣ. Легенда, далѣе, знаетъ, что безъ денегъ въ монастырь поступить трудно, и посылаетъ Авдакеѣ на помощь монаха. Случай съ юношей, который хотѣлъ «отъ спасительнаго пути отвести» Евдокію, получилъ совершенно новое освѣщеніе. Виновыми оказываются старыя монахини, позавидовавшія Авдакеѣ и подкупившія юношей поцѣловать Авдакею. Для объясненія этой зависти введенъ эпизодъ посвященія Авдакеи въ настоятельницы монастыря. Легенда не вспоминаетъ о воскрешеніи юношей и о мученіяхъ Евдокіи и чрезвычайно наивно объясняетъ, какъ Авдакея стала мученицей.

¹⁾ Прологъ, 1-го марта.

Источники этихъ измѣненій указать не трудно. Поводомъ къ тому, чтобы изобразить Авдакею купеческой дочерью, могло служить упоминаніе проложнаго житія объ ея богатствѣ. Сама она распоряжаться своимъ богатствомъ могла, конечно, только въ томъ случаѣ, если родители ея умерли. Можно указать, какъ параллель, нѣкоторыя сказки, героиней которыхъ является купеческая дочь, оставшаяся сиротою послѣ смерти родителей¹⁾. Для нѣкоторыхъ подробностей легенды основы—бытовые, и потому нѣтъ надобности указывать параллели въ другихъ легендахъ и сказкахъ и духовныхъ стихахъ: таковы пропускъ упоминанія о принятіи христіанства, разговоръ Авдакеи со знакомыми, раздача имущества «по тюрьмамъ, по ямамъ, по острогамъ» и пр., боязнь Авдакеи, что еѣ не примутъ въ монастырь, характеръ работы, которую считаютъ подходящей для Авдакеи старыя монахини. Упоминаніе о «ямахъ» говоритъ за то, что вся формула раздачи имущества получила такой видъ тогда, когда существовалъ еще терминъ «яма» въ примѣненіи къ мѣстамъ заключенія, т. е. не позже царствованія императора Александра II. Подробность о поставленіи святой въ игуменьи, о зависти другихъ монахинь и ихъ козняхъ могли быть литературнаго происхожденія. Наконецъ, рукописаніе, которое находятъ на груди у святой, и запахъ ладана, распространяющійся отъ ея тѣла, явились, несомнѣнно, подъ вліяніемъ духовнаго стиха объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ²⁾ причомъ первая изъ этихъ подробностей оказалась здѣсь совершенно не у мѣста.

Николай Дурново.

¹⁾ Ср. у Афанасьева сказки о Косоручкѣ (№ 158), объ оклеветанной купеческой дочери (№ 194); нѣсколько такихъ сказокъ есть въ моемъ собраніи.

²⁾ См. Безсоновъ. Казѣнки переходячіе, I, №№ 29, 30, 33, 34; Варенцовъ 219; Истоминонъ и Дютшъ 6; Истоминонъ и Ляпуновъ, 5, 8; Романовъ, Бѣлор. Сборн. 357, 360, 364; Сперанскій, Духовные стихи запис. въ Тульской губ., 9, и др.

Развитіе въ греческой политической литературѣ ученія о формахъ государственнаго устройства.

O tempora desiderio et recordatione
dignissima! o dies illos inoffensae serenitatis,
qui nobis veluti e tenebris respiciendi proponuntur!

Orosii hist. II, 11, 8.

Развитіе античнаго государства сопровождалось духовной политической эволюціей, учениями о сущности государственныхъ отношеній. Оказывая непосредственное воздѣйствіе на общественную жизнь и получая отъ нея практическіе импульсы, вырабатывались представленія о формахъ политическаго строя, ихъ относительной и абсолютной цѣнности. Борьба олигархическихъ и демократическихъ партій переходила изъ жизни въ область теоретической мысли и тамъ продолжалась съ такимъ же ожесточеніемъ.¹⁾

Ученія греческихъ мыслителей о государствѣ развивались въ опредѣленной послѣдовательности, которая до настоящаго времени не выяснена въ своихъ основныхъ чертахъ. Объ отдѣльныхъ представителяхъ политическаго мышленія эллиновъ, о Платонѣ, Аристотелѣ, возникла неисчерпаемо громадная литература, но общій ходъ развитія государственныхъ теорій до сихъ поръ еще не получилъ отчетливаго и правильнаго опредѣленія. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи источники недостаточны даже для установленія главныхъ моментовъ эволюціи политической мысли эллиновъ. Во многихъ случаяхъ приходится прибѣгать къ реконструкціи основныхъ политическихъ идей въ потерянной литературѣ на основаніи косвенныхъ и отрывочныхъ замѣчаній, разбросанныхъ въ различныхъ источникахъ. Этотъ методологическій путь былъ намѣченъ

¹⁾ В. П. Бузескулъ. Исторія аѳинской демократіи. 1909. Стр. 296. W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. I. 1870. S. 109.

Фердинандомъ Дюммлеромъ, который произвелъ опытъ восстановленія демократическихъ ученій о государствѣ эпохи Перикла, и олигархическихъ—въ послѣдній періодъ Пелопоннесской войны ¹⁾.

Сознательнаго отношенія къ политической жизни, умѣнія опредѣлять смыслъ и цѣнность государственныхъ формъ греческая мысль достигла въ концѣ VII и въ началѣ VI вв. до Р. Хр. Первые слѣды политическихъ опредѣленій и понятій встрѣчаются у лирическихъ поэтовъ этого времени. «Греческая лирика VII и начала VI в. носить чисто политическій характеръ, и лирическія произведенія для этой эпохи были тѣмъ же, что для нашего времени произведенія публицистическія и памфлеты» ²⁾. Ожесточенная борьба аристократіи съ демократическимъ движеніемъ, прерываемая періодами тиранніи, находила горячій откликъ у лирическихъ поэтовъ, часто непосредственныхъ участниковъ общественныхъ событій своей современности, и они стали первыми выразителями греческаго политическаго самосознанія. Архилохъ далъ достаточно ясное опредѣленіе тиранніи; Эеогнидъ выработалъ первое политическое вѣроисповѣданіе олигархіи; Солонъ уже говорилъ о народовластіи. ³⁾

Въ теченіе продолжительнаго дальнѣйшаго періода мы не знаемъ ничего о греческихъ политическихъ идеяхъ. Только Геродотъ и Эврипидъ бросаютъ новые лучи свѣта. Въ живомъ изложеніи бесѣды знатныхъ персовъ послѣ низверженія владычества маговъ Геродотъ опредѣляетъ свое собственное пониманіе политическихъ отношеній. Безиристрастно и объективно онъ отмѣчаетъ положительныя и отрицательныя черты каждой формы правленія. Монархія имѣетъ за собой рѣшительное преимущество, какъ лучшая организація военныхъ силъ государства, какъ централизація народныхъ силъ для внѣшней борьбы, но личный суверенитетъ влечетъ за собой угнетеніе и обезсиленіе общества. Опасеніе за свою власть заставляетъ монарха подозрительно относиться къ каждому сильному волей и мыслью человѣку; произволъ и насилія—неизбѣжное слѣдствіе единовластія ⁴⁾.

¹⁾ *F. Duemmler*. Kleine Schriften. I. 1901. SS. 150ff. II. 1901. SS. 417ff.

²⁾ *В. И. Бузескулъ*. Исторія аѳинской демократіи. 1909. Стр. 19.

³⁾ *R. Schöll*. Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen. 1890. S. 8.

⁴⁾ *Herod. hist.* III. c. 80.

Олигархическій строй правленія означаетъ собой привлеченіе къ государственной дѣятельности всего лучшаго, что есть въ народѣ, но люди не умѣютъ справедливо дѣлить между собою власть. Каждый хочетъ своего собственнаго преобладанія на счетъ свободы другихъ, каждый, считая себя лучшимъ, можетъ рѣшиться возстаніемъ и кровью добиться единовластія. Олигархія неизбежно приводитъ къ тираниіи ¹⁾.

Демократическая идея воплощается у Геродота въ горломъ и прекрасномъ имени «исономіи», равенства всѣхъ передъ закономъ. Отвѣтственность выборнаго правительства и право всего гражданства рѣшать общественныя дѣла обеспечиваетъ силу и справедливость государственныхъ актовъ ²⁾. Противники демократіи возражаютъ противъ нея основнымъ доводомъ, уже выставленнымъ въ опроверженіе аристократическаго принципа: эгоизмъ и жажда власти выдвигаютъ людей, хотящихъ и умѣющихъ добиться единовластія. Демократія тѣмъ болѣе плоха, что худшіе люди вторгаются въ обсужденіе государственныхъ дѣлъ, нарушаютъ ихъ правильное теченіе своимъ невѣжественнымъ своеволіемъ ³⁾.

Геродотъ — выразитель идеаловъ и міросозерцанія старшаго, «мараѳонскаго» поколѣнія аѳинской демократіи пятаго вѣка. Онъ былъ исповѣдникомъ національнаго воодушевленія въ защитѣ греческимъ народомъ своей свободы противъ персидской монархіи. Это обстоятельство въ связи съ памятью о недавней тираниіи привело Геродота къ противопоставленію главнымъ образомъ народовластія и единовластія. Онъ даже находилъ возможнымъ приписать Геродоту своеобразную идею синтеза этихъ государственныхъ формъ, идею демократической монархіи ⁴⁾.

Сопоставленіе тираниіи и демократіи, какъ основныхъ государственныхъ формъ, еще болѣе отчетливо выступаетъ въ трагедіяхъ Эврипида, которыя имѣютъ для насъ значеніе поэтическаго отображенія идей потерянной и неизвѣстной намъ политической литературы этого времени. Тезей и оиванскій вѣстникъ въ «Проситель-

¹⁾ Herod. hist. III. c. 82.

²⁾ Herod. hist. III. c. 80.

³⁾ Herod. hist. III. c. 81.

⁴⁾ W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. II. 1875. S. 145. «Wahlmonarchie des Talents und Verdienstes...»

ницахъ» спорять о демократіи и монархіи, причеъ Эврипидъ, стоящій преимущественно на сторонѣ умѣренной демократіи, господства въ государствѣ средняго класса, позволяетъ имъ развернуть отрицательныя стороны монархіи, вырождающейся въ тиранию, и демократіи, склонной стать охлократіей ¹⁾. Самъ Эврипидъ не заинтересованъ въ побѣдѣ одного изъ двухъ мнѣній. Отдѣльныя формы государственнаго устройства имѣють для него относительную цѣнность,—поскольку ими достигается высшій идеалъ политической справедливости.

Трудно сказать, какъ обширна и богата идеями была политическая литература, которая изъ жизни и борьбы партійныхъ мнѣній проникла въ поэтическое творчество ²⁾. Достаточно установить основное положеніе, что въ этотъ періодъ главной проблемой государственныхъ ученій было выясненіе отношеній между демократіей и единовластіемъ. Немного спустя самозащита демократіи Аѳинъ противъ персидской монархіи и притязаній античныхъ легитимистовъ-пизистратидовъ потеряла свою политическую остроту, такъ какъ была заслонена другимъ, внутреннимъ политическимъ столкновеніемъ,—олигархіи и демократіи, во всей Греціи и внутри каждого государства въ отдѣльности.

Пелопоннесская война была временемъ лихорадочнаго, страдальческаго возбужденія греческаго общества, временемъ культурнаго и государственнаго расцвѣта Аѳинъ, но расцвѣта нездороваго, сопровождавшагося идейными и нравственными эксцессами. Демократія и олигархія стали въ Атикѣ другъ противъ друга, какъ два разныхъ міра, противоположныхъ во всемъ; народъ и аристократы создали враждебныя міросозерпанія, построенныя на взаимно-исключающихъ принципахъ.

Въ это время много писали и говорили о несовмѣстности и непримиримости политическихъ основъ олигархіи и демократіи, но до насъ дошелъ только совершенно незначительный отрывокъ возникшей тогда партійно-полемической литературы. Памфлетъ неизвѣстнаго олигарха, случайно сохранившійся въ сочиненіяхъ Ксенофонта, одновременно очень субъективенъ, и отражаетъ идеи своего

¹⁾ Euripid. Hiketid. V. 400 ssqu.

²⁾ F. Duemmler. Prolegomena zu Platons Staat. S. 161. (Kleine Schriften. I. 1901).²

времени настолько ясно, что изъ него можно извлечь почти все необходимое для пониманія направлѣній политической мысли этого времени ¹⁾. Здѣсь заключается гениальная критика современной автору демократіи. Неизвѣстный олигархъ главное свое вниманіе обратилъ на противорѣчіе идейныхъ принциповъ олигархіи и демократіи. Народовластіе построено на удовлетвореніи потребностей демоса ²⁾. Соціальная полезность и государственное могущество, достигаемое какими угодно средствами,—его главныя основы. Этому олигархія противопоставляетъ утвержденіе абсолютной цѣнности политическаго благоролства, нравственнаго и культурнаго совершенства ³⁾. Демократія вполне удовлетворяетъ утилитарному государственному принципу, необходимости сильной власти, цѣлямъ обогащенія и соціального усиленія народа. Олигархія выдвигаетъ иной лозунгъ: «благозаконіе». Она требуетъ политическаго строя, основаннаго на строгой правовой законности и полномъ осуществленіи нравственныхъ правъ и обязанностей личности.

Олигархъ доказываетъ полное соотвѣтствіе демократіи съ интересами народа: аѣинская демократія — совершенство народовластія; ни измѣнить, ни реформировать ея нельзя. Или принять или уничтожить. ⁴⁾ Если это было основной общей идеей тогдашей политической литературы, ⁵⁾ то, слѣдовательно, въ началѣ Пелопоннесской войны право данного государственнаго строя на существованіе опредѣляли его соотвѣтствіемъ матеріальнымъ интересамъ не всего общества, а одного только господствующаго класса. Побѣдители безжалостны къ побѣжденнымъ, имѣютъ право властвовать во имя собственнаго эгоизма и откровеннаго насилія. Демократы, по мысли

¹⁾ Новое превосходное изданіе псевдоксенофоновой политіи, выполненное Казинкой, является прекраснымъ филологическимъ изслѣдованіемъ этого памятника политической литературы, но историко-литературное введеніе къ тексту, иѣмецкому переводу и комментарию даетъ очень условное и сомнительное опредѣленіе Политіи. Казинка считаетъ ее образцомъ софистическаго искусства защиты „общепризнанныхъ безсмыслицъ“. Въ виду этого совершенно неисторическаго пониманія старья изслѣдованія, въ особенности Рошера, Кирхгофа, Ю. Шварца и А. Шварца, сохраняютъ все свое значеніе.

²⁾ 11, 19—20 (Ed. „Xenophontis scripta minora“ recognovit Dindorfius. Fase. II. 1898).

³⁾ 1, 5.

⁴⁾ 1, 2; 1, 13.

⁵⁾ Schöll. Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen. 1890. S. 19.

Олигарха, правы, истребляя своихъ враговъ и вводя въ управленіе государствомъ «подлыхъ» людей, но совершенно такъ же справедливо поступать олигархи, низвергнувъ, разрушивъ до основанія демократію, растоптавъ державный демось, властвуя надъ нимъ, угнетая, какъ теперь онъ самъ расправляется со своими врагами.¹⁾

Вырабатывая эти идеи, олигархія шла тѣми же путями политической мысли, что и демократы. Уже Перикль²⁾ и еще откровеннѣе Клеонъ³⁾ право силы превозгласили единственнымъ правомъ демократическаго владычества.

Развиваться дальше въ томъ же направленіи политическое мышленіе не могло; дальше начинается борьба враждующихъ силъ, лишенная всякаго правового и этического оправданія⁴⁾.

Для ученія о государственныхъ формахъ псевдоксенофонтова политія имѣла то значеніе, что здѣсь впервые демократія и олигархія объяснены въ ихъ социальномъ значеніи, какъ организациі государственнаго господства «подлыхъ» или «достойныхъ» людей. Политическое устройство получаетъ здѣсь первое реально-историческое объясненіе. Съ этихъ поръ греческія ученія о государствѣ становятся изслѣдованіями объ отношеніяхъ между демократіей и олигархіей въ предѣлахъ государства-города⁵⁾.

Дальнѣйшее развитіе въ политической литературѣ идей о государствѣ не столько можно понять изъ непосредственныхъ указаний источниковъ, сколько угадать на основаніи косвенныхъ данныхъ. Борьба демократіи и олигархіи, особенной ожесточенности достигшая къ 411 году, сопровождалась попытками государственныхъ преобразованій и вызвала къ жизни новыя идеи и новыя ученія. Рѣшающимъ моментомъ здѣсь явилось то обстоятельство, что демократія оказалась не такой могущественной и устойчивой, какъ она казалась своимъ защитникамъ и противникамъ. Однажды низвергнутая,

¹⁾ I, 9; III, 10—11.

²⁾ Thueyd. hist. II, 63, 2.

³⁾ Thueyd. hist. III, 37.

⁴⁾ Aristot. polit. 1310a. (Ed. Otto Immisch. 1909). „Καὶ τῷ δήμῳ κακόνους ἐσομαι καὶ βουλεύσω ὅτι ἂν ἔχω κακόν“.

⁵⁾ W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. II. 1875. S. 150 считаетъ основнымъ по важности моментомъ противоположную особенность развитія ученій о государствѣ послѣ Геродота и Фукидида; ихъ своеобразие онъ опредѣляетъ, какъ „Abfall vom wirklichen Staat“.

она не могла возвратиться къ господству на старыхъ основаніяхъ, какъ и ея врагамъ нельзя было ограничиться старыми возраженіями противъ нея.

Права силы оказалось недостаточно для демократіи, чтобы сохранить свое господство, а для олигархіи—чтобы удержать захваченную власть. Опыты теоретическаго оправданія и обоснованія двухъ враждебныхъ государственныхъ принциповъ стали содержаніемъ обширной политической литературы этого времени.

Богатый матеріалъ для пониманія политическихъ идей періода между 411 и 403 гг. сосредоточенъ у Фукидида. Самъ онъ, хотя и былъ глубокимъ и внимательнымъ изслѣдователемъ современныхъ ему и прошлыхъ общественныхъ отношеній, Эллады, не внесъ ничего новаго въ ученіе о государственныхъ формахъ. Преобладаніе историческаго чувства надъ теоретическимъ не оставляло въ его изложеніи мѣста для отвлеченныхъ построеній, но онъ далъ политическимъ теоріямъ необходимую фактическую основу, которой не было раньше. Критическая эпоха греческой исторіи получила у него въ совершенствѣ выполненное истолкованіе своихъ идейныхъ и матеріальныхъ движущихъ силъ. Опираясь на Фукидида, греческіе мыслители IV-го вѣка могли держаться исторической основы, понимать свое государство не черезъ призму субъективныхъ построеній, а въ полномъ вѣѣ фактовъ.

Какъ отражались политическія идеи конца пятого вѣка въ потерянныхъ для насъ партійныхъ литературныхъ произведеніяхъ и памфлетахъ, объ этомъ мы можемъ получить достаточныя указанія изъ «Аѣинской политіи» Аристотеля. Въ общемъ количествѣ источниковъ, использованныхъ Аристотелемъ для этого обзора исторіи и устройства аѣинскаго государства, партійныя политическія произведенія, во множествѣ появившіяся въ концѣ Пелопоннесской войны, занимають едва-ли не главное мѣсто.¹⁾ Не только объясненіе ряда фактовъ взялъ отсюда Аристотель, но и политическія оцѣнки государственныхъ дѣятелей²⁾. Совершенно немислимо, конечно, надѣяться вполне выдѣлить изъ состава «Аѣинской политіи» ея доку-

¹⁾ Arist. Ath. pol. c. XXVIII. Здѣсь Аристотель отчетливо показываетъ, что источникомъ его сужденій о Тераменѣ и Никіи были политическіе партійные трактаты.

²⁾ Wilamowitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen. I. 1893. S. 121.

ментальные, историческіе и партійно-политическіе источники. Все это настолько крѣпко спаяно вмѣстѣ критическимъ гениемъ Аристотеля, что уже не можетъ быть достаточно отчетливо разложено на составныя части.

Послѣдніе годы Пелопоннесской войны сопровождались рядомъ явленій, которыя могущественнымъ образомъ содѣйствовали усиленной продуктивности политическаго мышленія. Демократія въ Аѳинахъ, а затѣмъ во всемъ греческомъ мірѣ, была поколеблена въ своихъ основахъ ужасной сицилійской катастрофой, неудачами войны со Спартой и усилившейся олигархической реакціей, настолько значительной, что увѣнчавшійся успѣхомъ планъ войны противъ Аѳинъ, выработанный Лизандромъ, былъ основанъ на систематической поддержкѣ олигархическихъ гетерій и заговоровъ. Въ 411 году олигархамъ удалось низвергнуть демократію, но ихъ замыслы не получили въ данный моментъ полного осуществленія. Эти событія дали сильный толчекъ развитію политическаго мышленія. Возникла обширная политическая литература памфлетовъ, проектовъ новаго государственнаго устройства, опытовъ теоретическаго и практическаго оправданія и отрицанія демократіи и олигархіи. Все это литературное богатство потеряно почти до послѣдняго слова. Однако, сами событія этого страшнаго для демократіи года помогаютъ понять то, чего не досказали источники.

Народное собраніе, подчиняясь захватившимъ власть олигархамъ, приняло предложеніе Писидора объ учрежденіи комиссіи 30, которая должна была выработать проектъ новаго государственнаго строя. Ея задача заключалась въ изученіи древнихъ законовъ, нарушенныхъ или уничтоженныхъ крайней демократіей, и въ разсмотрѣніи проектовъ новыхъ основныхъ законовъ. Каждый желающій получалъ право не только вносить собственныя письменныя предложенія, но даже заявлять лично свои мнѣнія о готовящемся преобразованіи государственнаго строя. Нужно отдать олигархамъ справедливость, что они, если, быть можетъ, не фактически, то въ своихъ постановленіяхъ стремились предоставить общественному мнѣнію полную и неограниченную свободу сужденія о реформѣ.

Въ необычайно возбужденной политической атмосферѣ это должно было вызвать дѣятельный обмѣнъ мыслей и сужденій. От-

сюда возникла богатая политическая литература, которая оставила громадное наслѣдство четвертому вѣку, воспринятое и переработанное въ гениальныхъ теоретическихъ построенияхъ Платона и Аристотеля.

Основная идея сторонниковъ олигархіи выясняется слѣдующимъ образомъ. Олигархическій строй могъ утвердиться только путемъ полного уничтоженія демократіи. Это было политической необходимостью, засвидѣтельствованной авторомъ псевдоксенофоновой политіи. Новое правительство должно было найти свое оправданіе въ какихъ-либо вполне убѣдительныхъ фактахъ, утвердиться на реальныхъ, а не отвлеченныхъ соображеніяхъ. Нельзя было править народомъ способами откровеннаго насилія, нельзя было склонить его на свою сторону, разрушивъ до основанія существующія учрежденія и замѣнивъ ихъ новыми, еще не имѣвшими практической жизненной провѣрки. Олигархи, которые всѣ въ большей или меньшей степени были сторонниками спартанскаго государственнаго строя, покоившагося на незыблемо твердыхъ основаніяхъ древняго Ликургова законодательства, тѣмъ большее значеніе придавали древности и устойчивости государственнаго строя, что враждебная имъ демократія воплощала въ себѣ духъ стремленія къ новому, готовности каждый данный моментъ отвергать волей народа старое и создавать новыя неустойчивыя учрежденія.¹⁾ Въ этомъ и заключался главный доводъ олигарховъ: демократія замѣнила законъ произволомъ народныхъ постановленій; она, въ ея современной крайней формѣ, представляетъ новшество, искаженіе стараго испытаннаго строя, существовавшаго до Перикла. Надо не создавать новое, а возстановить старое, вполне совпадающее, кромѣ того, съ замысломъ олигархическаго преобразованія афинскаго государства. Нѣтъ лучшаго

¹⁾ Thucyd. hist. I. 18, 1—2 даетъ классическое доказательство зависимости силы и могущества государственнаго строя отъ древности и устойчивости его существованія. Bury-A history of Greece, 1900. p. 581. По мнѣнію Дюммлера, (*Duemmler*. Kleine Schriften. II. 1901. S. 423) уже въ это время ученіе объ „отеческомъ строѣ“, созданномъ нѣкогда Солономъ, было извѣстнымъ и общепризнаннымъ мнѣніемъ, раздѣляемомъ даже олигархами. Однако, 29-ая глава „Афинской политіи“ Аристотеля свидѣтельствуетъ о томъ, что идея „отеческаго строя“ возникла въ 411 году, причемъ его защитниками и сторонниками были только олигархи, которые не были еще вполне увѣрены, кого слѣдуетъ считать его основателемъ, Драконта, Солона или Клизмена.

доказательства годности и выполнимости идеала, какъ утверждение, что однажды въ прошломъ онъ уже существовалъ! ¹⁾

Вслѣдствіе этого лозунгомъ олигарховъ стала «*πάτριος πολιτεία*». Реальное содержаніе «отеческаго строя» каждый представлялъ себѣ по своему. Чтобы достигнуть объективной убѣдительности, стали изучать прошлое, начались дѣятельныя изысканія въ области государственныхъ древностей, имѣвшія цѣлью выяснитъ, какъ управлялись Аѣины въ старину, до Перикла, до начала владычества «корабельной черни», въ эпоху, ознаменованную героическими событіями Мидійскихъ войнъ. Однако, архивная работа комиссіи 30 не могла достигнуть вполне досговѣрныхъ результатовъ. Дѣло въ томъ, что въ античномъ мірѣ не было обычая закрѣплять оффиціальными хартіями основныя государственныя законы, не было, вообще, писанныхъ конституцій ²⁾. Государственныя установленія дѣйствовали, какъ реальная сила, какъ правила, установленныя и опредѣляемыя политической практикой. Они развивались органически, а смѣняясь другими, выходя изъ практикки, забывались, если ихъ не заносилъ въ свою лѣтопись историкъ.

Если я не ошибаюсь, среди всего документальнаго матеріала, среди всѣхъ надписей, оставленныхъ намъ античнымъ міромъ, есть только одно эпиграфическое свидѣтельство, одно постановленіе, дающее непосредственное истолкованіе основъ государственныхъ учрежденій: разъясненіе аѣнскимъ народнымъ собраніемъ правъ и обязанностей совѣта 120 въ Эриотрахъ въ Іоніи (455 — 450 до Р. X.) ³⁾

Олигархи нашли только уголовное и гражданское законодательство Драконта и Солона, давъ, такимъ образомъ, теоретикамъ и

¹⁾ *Arnim*. Die politischen Theorien des Altertums. 1910. S. 24.

²⁾ Этотъ фактъ выясненъ и обоснованъ въ статьѣ *B. Niese*. Über Aristoteles' Geschichte der Athenischen Verfassung. (Historische Zeitschrift N. F. 33. (69). 1892). Ср. *Wilamowitz-Moellendorff*. Staat und Gesellschaft der Griechen. S. 59. (Die Kultur der Gegenwart. II. IV. 1910).

³⁾ *Dittenderger*. Sylloge² № 8. Собственно говоря, это не конституція, а разъясненіе способа выбора членовъ совѣта, ихъ обязанностей и приносимой ими клятвы. Содержаніе клятвы бросаетъ свѣтъ на происхожденіе этого конституціоннаго закона. Члены совѣта обязуются хранить вѣрность демократическимъ установленіямъ своего государства, Аѣинъ и всего морскаго союза греческихъ общинъ. Второю, между совѣтомъ и народнымъ собраніемъ въ Эриотрахъ возникли политическія разногласія, вызвавшія необходимость разъясненія аѣнскимъ народнымъ собраніемъ обязанностей совѣта и приведенія его къ покорности передъ демократической партіей.

практикамъ права слѣдующаго вѣка богатый и широко использованный ими юридическій матеріалъ ¹⁾.

Не найдя въ прошломъ фактической основы для политическихъ нововведеній, олигархи прибѣгли къ другому способу оправданія своихъ революціонныхъ замысловъ: умышленно или по добросовѣстному заблужденію они создали историко-политическую легенду о «*πάτριος πολιτεία*», вложивъ въ это понятіе содержаніе своихъ новаторскихъ конституціонныхъ идей и освятивъ проектъ новыхъ государственныхъ учреждений древнимъ именемъ Драконта ²⁾.

Что движеніе политическихъ идей олигарховъ шло именно такимъ путемъ, видно изъ сравненія XXXI-ой главы «Афинской политіи» Аристотеля съ IV-ой. Текстъ законодательнаго постановленія олигарховъ о вводимомъ ими правительственномъ строѣ начинается словами: власть принадлежитъ совѣту 400, согласно отеческимъ законамъ. ³⁾ Здѣсь прямо, такъ сказать, дѣлается ссылка на четвертую главу, гдѣ излагается предполагаемая конституція Драконта и, въ частности, сказано: власть принадлежитъ совѣту 401 ⁴⁾. Въ настоящее время едва-ли есть необходимость доказывать, что конституція Драконта никогда не существовало, что легенда о ней возникла, какъ практическое приложеніе олигархической теоріи о лучшей формѣ государственнаго устройства.

Что касается политическихъ идей демократіи этого времени, то онѣ вырабатывались тѣмъ же путемъ, въ той же послѣдовательности политической логики, но ихъ выясненіе гораздо труднѣй. ⁵⁾ Олигархическихъ публицистовъ мы знаемъ; есть указанія на пар-

¹⁾ Не позже, чѣмъ черезъ два года послѣ сверженія правительства 400, возстановленная демократія ввела въ дѣйствіе уголовное законодательство Драконта. (*Dareste & c. Inscript. jur. gr. II. 1. № 21*). Гораздо большее значеніе для практики имѣла реценція гражданскаго свода законовъ эпохи Солона. Ораторы IV-го вѣка часто ссылаются на нихъ, какъ на высшую и самую авторитетную правовую инстанцію. Во время втораго олигархическаго переворота въ Афинахъ эти законы уже дѣйствовали и были отчасти устранены временнымъ правительствомъ, но опять возстановлены демократіей. *Aristot. Ath. pol. c. XXXV, 2*.

²⁾ Превосходное историко-литературное изслѣдованіе политическихъ идей этого времени далъ *Duemmler. Kleine Schriften, II. 1901. „Die „Αθηναίων πολιτεία“ des Kritias“*. Въ особенности, S. 434. ff.

³⁾ *Aristot. Ath. pol. c. XXX, 1. «βουλευεῖν μὲν τετρακοσίους κατὰ τὰ πατρία»*.

⁴⁾ *Aristot. Ath. pol. c. IV, 3. «βουλευεῖν δὲ τετρακοσίους καὶ ἓνα»*.

⁵⁾ *Duemmler. Kleine Schriften, II. 1901. SS. 431—433.*

тійно-полемическія произведенія наиболѣ замѣчательныхъ олигархическихъ политиковъ, Ъразимаха и Критія; о Стесимбротѣ извѣстно, что онъ писалъ о демагогахъ пятаго вѣка. Недавно найдены новые фрагменты «Апологіи» Антифона ¹⁾. Что же касается демократическихъ памфлетистовъ, то относительно нихъ возможны только неопредѣленные предположенія ²⁾. Извѣстны лишь позднѣйшіе защитники демократіи, уже изъ IV-го вѣка. Въ частности, относительно Исократы Вилламовицъ-Меллендорффъ высказалъ предположеніе, что значительная часть его «Панегрика» была написана въ опроверженіе олигарха іонійца, который въ 404 году издалъ памфлетъ противъ аѳинской имперіи и въ защиту спартанцевъ ³⁾.

Демократія, вскорѣ послѣ переворота возвратившая себѣ правительственную власть, восторжествовала не только открытой силой, но и теоретической защитой принципа народовластія. Олигархическому ученію объ «отеческомъ строѣ» демократы противопоставили собственную аналогичную идею. Въ связи съ идеями политическихъ противниковъ, естественно, надо было доказать, во-первыхъ, что олигархи заблуждаются, считая народовластіе нововведеніемъ, выяснить, что издревле народъ былъ полновластнымъ хозяиномъ въ аѳинскомъ государствѣ; во-вторыхъ, — отвергнуть заявленіе аристократовъ, что они возстановляли «отеческій строй». Этимъ обстоятельствомъ демократы были вовлечены въ необходимость создать свое собственное ученіе о «*πάτριος πολιτεία*», установленной нѣкогда мудрымъ и великимъ законодателемъ ⁴⁾. Политическая психологія древности не выносила безличности государственныхъ учреждений. Кромѣ Драконта, не было болѣе популярнаго имени, чѣмъ имя Солона. Ему и приписали демократы установленіе въ Атикѣ народовластія.

До этого времени Солонъ выступаетъ въ источникахъ исключительно, какъ одинъ изъ семи мудрецовъ. Такъ рассказываетъ о немъ Геродотъ. Для Ѳукидида Солонъ вообще не существуетъ: онъ

¹⁾ *Nikole*. L'apologie d'Antiphon, ou λόγος περί μεταστάσεως. Geneva-Bâle—1907.

²⁾ „Was das für Leute waren, darüber sind nur unsichere Vermuthungen möglich“. Duemmler-Kleine Schriften, II. 1901. S. 434.

³⁾ *J. Bury*. The ancient Greek historians. 1909. P. 180 ssq.

⁴⁾ „Такъ выросли изъ политической полемики начала историко-государственного изслѣдованія, которое никогда не было въ состояніи не было въ состояніи вполнѣ позабыть это свое происхожденіе“. *Beloch*. Griechische Geschichte. II 1614. S. 285.

совершенно не называетъ этого имени. Первые свѣдѣнія о Солонѣ, на которыя можно сколько-нибудь полагаться при изученіи его общественныхъ и законодательныхъ реформъ, мы находимъ у Аристотеля, который питалъ глубокое сочувствіе къ Солону, какъ создателю умѣренной демократіи, основанной на преобладаніи въ государствѣ среднихъ классовъ населенія ¹⁾. До этого времени встрѣчаются или ссылки на гражданское законодательство Солона или же совершенно неопредѣленное представленіе о томъ, что онъ былъ первымъ создателемъ афинской демократіи ²⁾. Наиболѣе часто это представленіе у ораторовъ.

По мысли Исократъ, демократія восходитъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ; она была установлена еще Тезеемъ ³⁾, но истиннымъ ея создателемъ надо считать Солона: онъ утвердилъ ее на послѣдовательномъ и систематически выработанномъ законодательствѣ, временно уничтоженномъ тираннами и восстановленномъ Клисеномъ ⁴⁾. Лисій считаетъ Солона первымъ демократическимъ законодателемъ, ставя его въ ряду великихъ демагоговъ—Θεμιστοκλα и Перикла ⁵⁾.

Эсхинъ называетъ Солона древнѣйшимъ законодателемъ и благодѣтелемъ Аѳинъ, построившимъ впервые демократію на основѣ совершеннѣйшихъ законовъ ⁶⁾.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все увеличивается значеніе, приписываемое Солону въ афинской исторіи ⁷⁾. Наконецъ, Трогъ Помпей называетъ его не столько основателемъ демократическаго строя или

¹⁾ Aristot. polit. 1273 b.

²⁾ Gilliard. Quelques réformes de Solon. 1907, p. 57. Моя задача не соприкасается въ данномъ случаѣ съ вопросами критики фактической достовѣрности. Позднее возникновеніе сообщеній о введеніи Солонѣмъ политической конституціи и первыя упоминанія о ней въ произведеніяхъ политиковъ, имѣющихъ цѣлью доказательство не исторической, а партійной правды, вызываетъ рядъ сомнѣній, высказанныхъ различными учеными и разлочно обоснованныхъ. B. Niese.—Historische Zeitschrift, N. F. 33. (69). 1892. S. 60. Beloch-Griechische Geschichte B. I. 1 Abteilung. 1912. S. 365. проф. Виннеръ—Лекція по исторіи Греціи, I. стр. 90 сл. Эти скептическія сужденія подлежатъ разсмотрѣнію и критикѣ въ другой связи; здѣсь достаточно установленія формальнаго факта: Солонъ не былъ создателемъ перваго вообще государственнаго и притомъ демократическаго строя.

³⁾ Isocrat. Elene, 215 b.

⁴⁾ Isocrat. Areopagitikos, 143a.

⁵⁾ Lysiae orat. XXX, 28.

⁶⁾ Aeschinis orat. I, 32 (6), III, 565, (175), III, 647, (257).

⁷⁾ Wilamovitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen. 1893. I. SS. 39ff.

даже государства, сколько устроителемъ перваго гражданскаго общества въ Атикѣ. До него не было ни законовъ, ни соціальнаго благоустройства. Избираютъ Солонъ и онъ создаетъ первые законы, организующіе первый общественный строй ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ концѣ Пелопоннесской войны аѳинская политическая литература преимущественно сосредоточилась на историко-политическомъ обоснованіи двухъ партійныхъ идеаловъ государственнаго строя. Возникло два противоположныхъ представленія о первоначальномъ, «отеческомъ» строѣ аѳинскаго государства, который будто бы является основнымъ на всемъ протяженіи его политическаго развитія. Олигархи доказывали, что государственное развитіе Аѳинъ исходить изъ олигархіи, установленной Драконтомъ. Это ученіе о „*πάτριος πολιτεία*“ исповѣдывалось умѣренными олигархами. Радикальные враги демократіи стремились къ ея полному уничтоженію, основываясь не на правовыхъ идеяхъ, а на открытой, окровавленной борьбѣ на жизнь и смерть. Во время второй олигархической реакціи олигархи вновь поставили лозунгомъ своихъ стремленій возстановленіе «отеческаго строя» ²⁾.

Демократическіе памфлетисты отвѣчали, что исконнымъ политическимъ строемъ является демократія, существовавшая столько же времени, сколько само аѳинское государство, и впервые построенная на основахъ систематическаго законодательства великимъ Солономъ. Трудно сказать, былъ-ли у позднѣйшихъ историковъ какой-либо другой матеріалъ для изображенія политической реформы Солонъ, кромѣ демократической партійной литературы ³⁾.

Фукидидъ оставилъ живое изображеніе обстоятельствъ, при которыхъ возникло демократическое ученіе объ «отеческомъ строѣ». Когда совершился олигархическій переворотъ 411 года, большинство сторонниковъ демократіи находились въ войскѣ съ флотомъ у Самоса. Солдаты узнали, что въ Аѳинахъ олигархи намѣрены возстановить «отеческій строй» и поэтому лишаютъ ихъ права участвовать въ народномъ собраніи и занимать правительственныя

¹⁾ Just. hist. II, 7.

²⁾ Aristot. Ath. pol. XXXIV, 3. XXXV, 2.

³⁾ Aristot. Ath. pol. VI, 2—3. указываетъ, что при изложеніи фактовъ государственныхъ реформъ Солонъ онъ пользовался демократической литературой, предпочитая выраженія здѣсь мнѣнія клеветническимъ утвержденіямъ олигарховъ.

должности. Они отвѣтили, что олигархи не возстановили, а разрушили «отеческій строй» и что они намѣрены вести войну съ правительствомъ 400, чтобы возстановить издревле существовавшія въ Аѳинахъ основы демократическаго государства ¹⁾).

Они побѣдили и доставили торжество легендѣ о демократическомъ законодательствѣ Солона. Она стала общепризнанной теоріей историческаго происхожденія демократіи. Олигархическая версія «отеческаго строя» была скоро забыта, такъ какъ не нашла продолжительнаго практическаго воплощенія въ политической жизни. Этимъ объясняется, что память о ней сохранилась только въ немногочисленныхъ и незначительныхъ упоминаніяхъ. Аристотель въ «Аѳинской политіи» объединилъ обѣ легенды, расположивъ ихъ въ исторической послѣдовательности и сгладивъ не вполне удачно партійно-полемическіе слѣды ихъ возникновенія.

Такъ какъ конституція Драконта не имѣетъ своего историческаго мѣста, то она не могла не производить впечатлѣнія чего-то извнѣ привнесеннаго, добавочнаго въ Политіи Аристотеля. Это интерполяція, конечно, но не въ текстѣ «Аѳинской политіи», а въ исторіи Аѳинъ... Вопреки давно высказанному и утвердившемуся мнѣнію, конституція Драконта если внесена въ Политію, то на основаніи послѣдовательной и умной редакціонной переработки всего ея текста; Аристотель плохо использовалъ бы свои источники, если бы рассказалъ только о Солонѣ ²⁾). Для исторіи этого законодателя онъ имѣлъ больше источниковъ, но не въ томъ, что касается политическихъ преобразованій. У него была политическая лирика самого Солона, сводъ его гражданскихъ законовъ и партійная литература олигарховъ и демократовъ конца V-го вѣка. Насколько мы знаемъ первые два источника и можемъ судить о нихъ, тамъ нѣтъ никакихъ подтвержденій политической реформы. О Солонѣ Аристотель зналъ не изъ иныхъ источниковъ, чѣмъ о Драконтѣ.

¹⁾ Thuc. hist. VIII, 76, 6.

²⁾ В. Бузескулъ. Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ... 1895. Стр. 309. U. Wilcken. Zur Drakontischen Verfassung. (Apophoreton) 1903. SS. 85, 92 ff. Очень важное значеніе, мнѣ кажется, имѣетъ то мѣсто Политики Аристотеля, гдѣ онъ называетъ строй Солона „отеческимъ“, такъ какъ этотъ терминъ—знамя партійной государственной легенды конца V-го вѣка. Aristot. polit. 1273 b. „δημοκρατίαν καταστήσαι τῶν πόλεων“.

Соотвѣтственно этому такія сообщенія имѣютъ большую литературную, чѣмъ историческую, цѣнность.

Политическія ученія олигарховъ этого времени развивались, кромѣ того, въ сторону идеализаціи спартанскаго государственнаго строя, что оказало значительное вліяніе на развитіе ученій о политическихъ формахъ въ IV вѣкѣ. Идеи «лаконистовъ» были теоретическимъ и нравственнымъ оправданіемъ теорій объ «отеческомъ строѣ» Драконта. Восхищеніе передъ твердостью и могуществомъ лакедемонскаго государства было однимъ изъ дѣятельныхъ мотивовъ, побудившихъ олигарховъ искать въ прошломъ аѳинской исторіи законодателя, подобнаго Ликургу ¹⁾.

Лаконисты въ большинствѣ вышли изъ реакціонной философской школы Сократа, который самостоятельнаго ученія о государствѣ не давъ, но содѣйствовалъ его развитію одной чрезвычайно важной этической идеей: въ основу практической политики должна быть положена политика теоретическая. Руководясь этимъ принципомъ, олигархи требовали отъ государственныхъ дѣятелей полного и яснаго теоретическаго самосознанія. Только тотъ можетъ считаться настоящимъ государственнымъ дѣятелемъ, кто руководится политической наукой ²⁾. Научную политику Сократъ противопоставилъ демократическому невѣжеству ³⁾. Только черезъ посредство философскаго ученія Сократа стали вообще возможны государственныя теоріи, и онѣ были разработаны отчасти самимъ Сократомъ, отчасти его учениками въ идеалистическомъ реакціонно-олигархическомъ направленіи ⁴⁾. Всѣ выдающіеся олигархи вышли изъ его школы ⁵⁾. Эсхинъ имѣлъ всѣ основанія сказать, обращаясь къ аѳинскому народу: «вы казнили софиста Сократа за то, что онъ, какъ вамъ казалось, воспиталъ Критія, одного изъ тридцати, уничтожившихъ народовластіе» ⁶⁾.

¹⁾ W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. I. 1870. S. 233.

²⁾ Plat. Gorg. 521 D—E. Коркуновъ. Исторія философіи права. 1898. Стр. 22. 16.

³⁾ А. Гуляровъ. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. I. 1891. Стр. 85 сл.

⁴⁾ W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles I. 1870. S. 106.

⁵⁾ Arnim. Die politischen Theorien des Altertums. 1910. S. 26.

⁶⁾ Aeschin. orat. c. Timarch. 173. Гомперцъ. Греческіе мыслители. II. СПб. 1913 стр. 71.

Въ атмосферѣ этихъ идей и споровъ развился и опредѣлился геній Платона. Впечатлѣнія юношескихъ лѣтъ, проведенныхъ въ обстановкѣ ожесточенной борьбы олигархіи и демократіи, страстного воодушевленія общества противоположными политическими идеалами, оставили на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе въ его умѣ ¹⁾.

Въ исторіи греческой политической мысли Платонъ занимаетъ совершенно исключительное по значенію мѣсто. Это своеобразный и вполнѣ индивидуальный геній, которому трудно удержаться въ общемъ потокѣ государственныхъ теорій: какъ ни тѣсно онъ связанъ съ ихъ развитіемъ, онъ постоянно выходитъ изъ намѣченныхъ ими границъ мысли творческой самобытной силой своего ума.

Этический интересъ рѣшительно преобладаетъ у Платона надъ политическимъ, а философское построеніе основано на идеалистической метафизикѣ, касающейся дѣйствительности лишь настолько, чтобы немедленно преобразовать ее въ отвлеченныя схемы. Платонъ—первый создатель философско-этической теоріи общества и государства. Политическое ученіе о государственныхъ формахъ усвоено имъ на основаніи олигархической, преимущественно, литературы конца пятого вѣка и развито дальше такъ, что сталъ возможенъ переходъ отъ нея къ теоріи Аристотеля, уже вполнѣ почти свободной отъ партійнаго пристрастія, опредѣлявшаго равнѣе государственный античныя идеи ²⁾.

Хотя Платонъ не обладалъ даромъ научнаго безпристрастія и писалъ, чтобы осуждать или оправдывать, но онъ долженъ быть отнесенъ къ числу теоретиковъ, подобныхъ софистамъ или Сократу.

1) Schwarz. Die Demokratie. I. 1884. S. 65 ff. R. v. Pöhlmann. Geschichte der sozialen Frage und des Socialismus in der antiken Welt. I². 1912. S. 120.

2) Периодъ господства въ греческой литературѣ двухъ ученій объ „отеческомъ строѣ“ представляетъ собой самостоятельную эпоху, рѣзкой гранью отдѣленную отъ прошлаго и отдѣляющую отъ него мыслителей IV-го вѣка. Необходимо отмѣтить, что отношеніе Платона и Аристотеля къ предшествующему развитію политической литературы опредѣляется обычно такъ, что устанавливается почти непосредственная связь между ними и идеями Геродота и Эврипида. Такимъ образомъ, изъ цѣпи идейнаго развитія вырвано большое звено. На самомъ же дѣлѣ, и критика дѣйствительности, и утопія и опредѣленіе государственныхъ формъ у мыслителей IV-го вѣка выросло изъ олигархической и демократической литературы 411—403 гг. Duemmler-Prolegomena zu Platons Staat, S. 171. (Kleine Schriften. I. 1901). Проф. В. Бузескулъ. Исторія афинской демократіи. 1909. Стр. 298—299, 425. Rehm. Geschichte der Staatsrechtswissenschaft. 1896. S. 14 ff.

Эти мыслители, и съ ними Платонъ, оказывали вліяніе на общественную жизнь, отражали въ своихъ теоріяхъ ея противорѣчія, но въ цѣломъ и общемъ стояли въ сторонѣ отъ нея, какъ спокойные, восторженные или негодующіе, но всегда только созерцатели ея движенія. Платону приходилось неоднократно высказываться о формахъ государственнаго устройства, опредѣлять ихъ историческую и метафизическую цѣнность, но его идеи въ этой области лишены послѣдовательности, а тѣмъ болѣе законченности, больше обоснованы на идеалистической индивидуальной психологіи, чѣмъ на фактахъ политическаго развитія.

Самое полное и систематическое построеніе формъ государственнаго устройства дано въ діалогѣ «Государственный дѣятель». Платонъ отмѣчаетъ противоположность идеальныхъ и исторически данныхъ государствъ, относя къ первымъ неограниченную и правовую монархію. Условныя, качественно ограниченныя политическія устройства распределяются въ слѣдующей послѣдовательности ихъ цѣнности: монархія, аристократія, политія, охлократія, олигархія, тираннія¹⁾. Ученіе Платона здѣсь имѣетъ пока, если можно такъ выразиться, эвристическій характеръ: онъ подбираетъ государственныя формы, какъ онъ ихъ находитъ въ исторіи, въ легендахъ и въ философскихъ теоріяхъ; отъ современной ему демократіи онъ нисходитъ до золотого вѣка на землѣ, до царства Кроноса.

Въ началѣ восьмой книги своей «Политіи» Платонъ даетъ другую систему формъ государственнаго устройства, отличающуюся большей сжатостью и метафизической обоснованностью. Онъ указываетъ только четыре формы политическаго строя, ограничиваясь греческими общинами и исключая изъ разсмотрѣнія варварскія государства и утопіи народной и философской легенды. Тимократію Крита и Лакедемона онъ разсматриваетъ не въ реальномъ обликѣ ихъ дѣйствительнаго существованія, а въ идеальномъ представленіи о нихъ, созданномъ врагами афинской демократіи²⁾. Тираннію онъ считаетъ не государственнымъ строемъ, а болѣзненнымъ состояніемъ общества, уродливымъ исключеніемъ³⁾. Единственными исторически данными формами

1) Plat. politikos, 276 c, 301 c, 303 a. *Dueumler*. Das hellenische Königtum. S. 308. (Kleine Schriften. II. 1901). Коркуновъ. Исторія философіи права. 1898. Стр. 29.

2) Е. Трубецкой. Соціальная утопія Платона. (В. Ф. и П. 1908 (II). Стр. 161 сл.

3) Plat. politeia, VIII, 544 c, «ἐσχάτων πόλεως νόσημα».

остаются олигархія и демократія. Поскольку Платонъ разсматриваетъ государство въ его земномъ и реальномъ существованіи, онъ имѣетъ дѣло только съ этими двумя противоположными, по одинаково почти плохими, по его мнѣнію, государственными формами.

Изученіе существующихъ формъ олигархіи и демократіи и критика ихъ съ точки зрѣнія политическихъ и этическихъ принциповъ лежитъ въ основѣ ученія Платона о государствѣ. Попытки присвоить ему законченное ученіе о всѣхъ земныхъ и идеальныхъ государствахъ и универсальной эволюціи политическихъ формъ основаны на введеніи въ систему Платона гораздо позже возникшихъ идей и теорій. Генкель утверждалъ, что у Платона есть полная историко-психологическая теорія развитія и трансформации государственныхъ отношеній. Однако, послѣдовательное выясненіе этой предполагаемой теоріи изъ текста діалоговъ Платона приводитъ къ ряду внутреннихъ противорѣчій¹⁾. Распредѣляя государства по ихъ абсолютной цѣнности, Платонъ на первомъ мѣстѣ ставитъ тимократію, дальше олигархію, затѣмъ демократію и на послѣднемъ—тираннію. Если предположить, что этотъ порядокъ онъ считалъ историческимъ, то получается странная своего рода пессимистическая теорія исторического регресса, перехода отъ первобытнаго счастья ко все болѣе и болѣе плохимъ формамъ общественнаго быта, причемъ на границѣ полного разрушенія совершается внезапный переходъ въ міръ соціальной утопіи²⁾.

На самомъ дѣлѣ, у Платона былъ совершенно иной теоретическій замыселъ³⁾. Все въ природѣ и обществѣ рождается, проявляетъ мощность молодыхъ силъ и неизбежно идетъ къ старости, вырожденію и смерти. Представимъ же отвлеченно аристократическое государство, общество "железныхъ людей, какъ его изображаетъ Гезіодъ, гдѣ господствуютъ чувства чести, гордости, нравственная и физическая сила. Отъ сильныхъ отцовъ рождаются слабыя дѣти,

¹⁾ *H. Henkel. Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat. 1872. S. 57.*

²⁾ Совершенно нѣтъ никакихъ основаній думать, что Платонъ предполагалъ въ началѣ государственной эволюціи лучшія формы политическаго устройства. Единственное мѣсто, которое можно правести въ пользу этого мнѣнія (*Politikos 269 c*), говорить о мнѣйшемъ золотомъ вѣкѣ на землѣ, доисторическомъ и не имѣющемъ къ государственной теоріи никакого прямого отношенія. *E. Zeller. Die Philosophie der Griechen. II, 4. 1889. SS. 892—893.*

³⁾ *Arnim. Die politischen Theorien des Altertums. 1910. S. 32.*

жадные къ золоту, богатствамъ и наслажденіемъ. Этимъ дано психологическое опредѣленіе государства олигархическаго, гдѣ власть — не отъ личной силы, а отъ богатства. Олигархія сильна угнетеніемъ бѣдныхъ. Народъ, возставая противъ невыносимаго гнета жадныхъ и слабыхъ властителей, образуетъ государство въ государствѣ, бунтующую демократію въ нѣдрахъ олигархическаго общественнаго строя ¹⁾. Слѣдовательно, олигархія и демократія — не исторически преемственныя формы общества, а воплощеніе его социальныхъ противоположностей даннаго момента.

Иногда бѣднымъ удается совершить революцію. Они убиваютъ однихъ, изгоняютъ другихъ, грабятъ всѣхъ, а захваченную власть дѣлятъ между собою поровну, по жребію. Демократія, оттѣспившая отъ власти олигарховъ, осуществляясь во всей своей полнотѣ, вращается въ хаосъ насилій, беззаконія, однимъ словомъ, обнаруживаетъ въ себѣ всѣ черты тиранніи. Каждый демократъ скрываетъ въ себѣ тиранна, демократическій образъ мышленія совпадаетъ съ тиранническимъ. Каждый старается захватить власть только для себя, а если ему удастся, — это заслуженное наказаніе для остальныхъ.

Историческая это или социальнопсихологическая, т. е. «соціологическая» форма теоретической конструкціи государственныхъ отношеній? ²⁾ Человѣкъ, по ученію Платона, тождественъ съ государствомъ, но это не имѣетъ значенія «органическаго» принципа, какъ думалъ Спенсеръ, считая Платона предшественникомъ своей соціологии, и лишь выражаетъ общее греческимъ мыслителямъ представленіе, что государственный строй покоится не на учрежденіяхъ, а на живой основѣ гражданства: греческая община — «государстве-гражданство» ³⁾.

Поэтому пяти основнымъ человѣческимъ характерамъ, царственному ⁴⁾, тимократическому, олигархическому, демократическому и

¹⁾ Plat. politeia, VIII, 551 d. „δύο ἀνάγκης εἶναι τὴν τοιαύτην πόλιν, τὴν μὲν πενήτων, τὴν δὲ πλουσίων“.

²⁾ H. Raeder. Platons philosophische Entwicklung. 1905. S. 185. Д-ръ Г. Еллинекъ-Общее ученіе о государствѣ. СПБ. 1903. Стр. 82.

³⁾ Развитие и обоснованіе этой мысли предложено въ статьѣ А. Покровскаго. Къ вопросу объ основномъ характерѣ древнеэллинскаго государства. 1905.

⁴⁾ Въ дѣйствительности, Платонъ очень мало считается съ царскимъ принципомъ, не находя ему мѣста въ своихъ схемахъ; поэтому политическое воплощеніе царственнаго человѣческаго характера отнесено въ область скорѣе идеальныхъ, чѣмъ исторически возможныхъ построеній. Plat. politikos, 303 b.

тиранническому, соответствует пять формъ государственнаго устройства, въ зависимости отъ того, какого типа люди владѣютъ правительственной властью. Когда стоящая у власти аристократія знатности и богатства слишкомъ рѣзко проявить черты олигархическаго характера и въ ней затемнятся ея тимократическія свойства, тогда демократія организуется, какъ революціонная сила, которая, побѣждая, властвуетъ тираннически или прямо переходитъ въ деспотическое единовластіе. Въ основѣ ученія Платона о государствѣ лежитъ наглядное представленіе общества, объединяющаго въ себѣ два враждебныхъ народа — олигархію и демократію.

Въ «Законахъ» Платонъ развилъ свою теорію въ другомъ направленіи. Онъ исторически и пространственно расширилъ объектъ своихъ наблюдений, изобразилъ общество не только въ современныхъ ему очертаніяхъ греческаго государства. Теперь Платонъ считается съ варварскимъ государственнымъ строемъ и беретъ факты изъ далекаго прошлаго общественнаго развитія. Третья книга «Законовъ» заключаетъ въ себѣ очеркъ представленій Платона о естественной эволюціи человѣческаго общества. Первобытное человечество, немногіе люди, уцѣлѣвшіе послѣ древнихъ міровыхъ катастрофъ, живутъ въ полудикомъ состояніи, разрозненные, бѣдные, надѣленные условными добродѣтелями человѣка, еще не упившагося ядомъ культурной утонченности. Первые люди управляются обычаемъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ, во главѣ ихъ стоятъ старѣйшины отдѣльныхъ родовъ, и ихъ примитивный государственный строй можно назвать «династіей» ¹⁾. Это понятіе не находить у Платона болѣе близкаго опредѣленія, но оно поясняется Аристотелемъ, который общественныя начала человечества возводитъ къ тѣмъ же самымъ историческимъ истокамъ.

«Династія» — это власть старѣйшины, главы семьи, въ первобытныхъ общественныхъ соединеніяхъ людей ²⁾. Культурное человѣческое общество начинается, когда разрозненныя селенія объединяются въ городъ-общину и образуютъ государство. Синоикизмъ территориальный совпадаетъ съ политическимъ. Старѣйшины вмѣстѣ обсуждаютъ дѣла общины, дѣлятъ между собой правительственныя

¹⁾ Plat. leges, III, 680 b.

²⁾ Aristot. polit. 1252 b.

и административныя функціи своей власти. Этотъ первый государственный строй имѣеть, такимъ образомъ, въ опредѣленіи Платона вполне аристократическій характеръ ¹⁾.

Отсюда Платонъ переходитъ въ область древнѣйшей греческой исторіи, къ Троянской войнѣ и основанію дорическаго государственнаго союза ²⁾. Въ основѣ политическаго строя этой эпохи Платонъ предполагаетъ царскую власть. Цари Аргоса, Мессеніи и Лакедемона поровну раздѣлили военныя силы и правятъ на основахъ союзнаго договора ³⁾.

До этого момента у насъ имѣется послѣдовательность трехъ государственныхъ формъ: первобытной «династіи», аристократической общины и федеративнаго монархическаго союза. Здѣсь нить историческаго изслѣдованія прерывается. Возвращаясь значительно позже къ историческимъ реальнымъ государствамъ, Платонъ, какъ два основныхъ политическихъ типа, противопоставляетъ монархію и демократію. Существуютъ только эти двѣ основныя и абсолютныя формы государственныхъ отношеній. Полной законченности и историческаго совершенства демократія достигла въ Аѣинахъ. Монархическое единовластіе полнѣ всего выработалось въ Персіи ⁴⁾. Однако, по общей мысли Платона, каждое государство оказывается негоднымъ какъ разъ въ томъ случаѣ, когда оно во всей полнотѣ воплощаетъ присущій ему своеобразный принципъ. Худшее народовластіе то, которое наиболѣе демократично. Самая плохая монархія—неограниченное самодержавіе. Въ Аѣинахъ нѣтъ иного закона, кромѣ произвола разнузданной черни; въ Персіи—народъ совершенно не существуетъ, какъ политическая величина, какъ общество, а между тѣмъ, свобода независимой гражданской общины является необходимымъ условіемъ существованія благоустроеннаго государства; но это имѣеть политическую цѣльность только при условіи наличности могущественной центральной власти. Аѣины и Персія обладаютъ необходимыми элемен-

¹⁾ Plato, leges, III, 681 d.

²⁾ Henkel. Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat. 1872. SS. 72—73. высказываетъ мнѣніе, что между аристократіей и монархіей Платонъ вводитъ въ свою историческую схему демократію. Это лишено всякаго обоснованія въ текстѣ Платона. Если вѣрить Генкелю, то эта историческая послѣдовательность государственныхъ формъ заключается въ слѣдующемъ: монархія, аристократія, демократія, монархія.

³⁾ Plato, leges, III, 683 d.

⁴⁾ Plato, leges, III, 693 d-e.

тами благоустроеннаго государства, но въ односторонней и преувеличенной формѣ. Политической задачей государственной реформы является объединеніе монархическихъ и демократическихъ элементовъ въ правительственномъ строѣ¹⁾. Этому отчасти удовлетворяють дорическія государства.

Такимъ образомъ, послѣдовательно упрощая свою схему формъ государственнаго устройства, Платонъ пришелъ къ заключительному выводу: «есть два политическихъ строя, отъ которыхъ, какъ отъ родителей, произошли всѣ другіе; и одинъ изъ нихъ монархія, а другой — демократія».

Аристотель, его непосредственный преемникъ, развилъ дальше въ томъ же направленіи выработавшіеся принципы разграниченія формъ государственнаго устройства. Какъ Платонъ подвелъ итоги политическимъ идеямъ литературы пятаго вѣка, такъ Аристотель завершилъ въ своей «Политикѣ» развитіе греческаго государственнаго мышленія четвертаго вѣка. Новое приобрѣтеніе Аристотеля заключается только въ томъ, что онъ выработалъ болѣе полную и систематическую схему политическихъ опредѣленій, оставаясь въ общемъ на достигнутомъ Платономъ уровнѣ теоретическихъ воззрѣній.

Предпосылкой пониманія Аристотеля должно быть устраненіе одного недоразумѣнія въ пониманіи его теоріи. Для него число гражданъ, стоящихъ во главѣ правительственныхъ учреждений, количественный принципъ, является случайнымъ и второстепеннымъ признакомъ, совершенно непригоднымъ для теоретически точнаго опредѣленія государственныхъ формъ. Это обстоятельство не всегда принималось въ расчетъ, и отсюда возникали невозможныя искаженія основной мысли Аристотеля. Дарестъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «можно допустить, (какъ думаетъ Аристотель), что государственная власть принадлежитъ или одному человѣку, или небольшому числу гражданъ или большому ихъ количеству. Отсюда — три рода правительственнаго строя, которые называются монархіей, аристократіей и государственнымъ строемъ въ собственномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, «политіей»²⁾.

¹⁾ Plato, leges, III, 701 e.

²⁾ Rodolphe Dareste. La science du droit en Grèce. 1893. P. 239. Zeller. Die Philosophie der Griechen. II³, 2. 1879. SS. 709, 711 страннымъ образомъ соединяетъ въ своемъ пониманіи Аристотеля это толкованіе и правильное воззрѣніе.

Такое изложеніе взглядовъ Аристотеля, которое можно считать общепринятымъ, во всѣхъ отношеніяхъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ всему, что думалъ и на чемъ рѣшительно настаивалъ Аристотель. Его мысль выражена въ самой простой и отчетливой формѣ, не нуждающейся ни въ какомъ насильственномъ толкованіи. «Тотъ признакъ, что верховная власть находится въ рукахъ большинства или меньшинства, есть признакъ случайный при опредѣленіи и демократіи и олигархіи». Настоящимъ признакомъ ихъ различія служить богатство и бѣдность; поэтому, гдѣ власть основана на богатствѣ, владѣтъ имъ большинство или меньшинство, безразлично, мы имѣемъ дѣло съ олигархіей, а гдѣ правятъ неимущіе—тамъ передъ нами демократія» ¹⁾.

Самымъ непосредственнымъ выводомъ отсюда является утвержденіе существованія только двухъ основныхъ формъ государственнаго устройства: правленія бѣдныхъ—демократіи, власти богатыхъ—олигархіи.

Къ этимъ основнымъ формамъ и сводятся у Аристотеля всѣ остальные опредѣленія. Аристократія, въ его представленіи, или лучшая историческая форма олигархіи или отвлеченная идея правленія лучшихъ и благороднѣйшихъ, предполагающая невозможный въ исторической жизни идеализмъ со стороны правящихъ, въ смыслѣ мудраго самоограниченія, и со стороны управляемыхъ, которые сознательно отрекаются отъ власти въ пользу лучшихъ гражданъ. «Политія», какъ государственный строй, покоящійся на политическомъ и социальномъ преобладаніи среднихъ классовъ населенія, нисколько не отличается отъ умѣренной демократіи, какъ она, по исторической традиціи, была выработана Солономъ, который поэтому особенно близокъ и дорогъ Аристотелю.

Что же касается царскаго единовластія, то есть разница между теоретическимъ и практическимъ пониманіемъ его у Аристотеля ²⁾. Теоретически, какъ и у Платона, единовластіе является необходимой

¹⁾ Aristot. polit. 1280 a. «Современные истолкователи политики Аристотеля обыкновенно совершенно не обращаютъ вниманія на дважды повторенное Аристотелемъ признаніе невозможности опредѣлять демократію, какъ правленіе большинства, олигархію—какъ правленіе меньшинства». Коркуновъ-Исторія философіи права 18982. Стр. 54.

²⁾ Deummler. Das hellenische Königtum. (Kleine Schriften. II. 1901) S. 316.

отвлеченной противоположностью народовластія, но въ греческой исторіи Аристотель отрицаетъ существованіе и даже самую возможность монархической государственности ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, путемъ историко-правового анализа Аристотель находитъ пять формъ царскаго единовластія ²⁾. Двѣ главныя изъ нихъ не имѣютъ никакого отношенія къ Греціи. Аристотель выясняетъ особенности персидской монархіи, прекрасно организованной системы самодержавныхъ правительственныхъ учреждений, построенной на основахъ строгаго средоточія въ личности царя политической власти въ соединеніи съ административной децентрализацией ³⁾. Кроме того, Аристотель зналъ еще царскую власть у дикихъ народовъ, гдѣ государь управлялъ подданными, какъ полновластный хозяинъ своимъ домомъ, семьей, слугами и рабами. Такой патріархальный деспотизмъ не является системой государственнаго управленія, и Аристотель не вводитъ его въ свою классификацію. Что же касается Греціи, то здѣсь монархія никогда не была большимъ, чѣмъ административной должностью, пожизненной магистратурой. Здѣсь царь былъ судьей, военнымъ предводителемъ, верховнымъ жрецомъ въ героическую эпоху, высшимъ стратегомъ въ Лакедемонѣ, выборнымъ тиранномъ-айсимнетомъ древняго времени ⁴⁾. Вслѣдствіе этого греческая монархія исключена Аристотелемъ изъ числа политическихъ формъ и отнесена къ административнымъ учрежденіямъ ⁵⁾.

Въ виду того, что монархія бываетъ или «деспотической» или административной, но не «политической», Аристотель приходитъ къ тому, что двумя основными формами государственнаго устройства признаетъ только олигархію и демократію ⁶⁾. Мы опять возвращаемся къ двой-

¹⁾ Aristot. polit. 1284 a.

²⁾ Newman. The Politics of Aristotle. I. 1887. P. 269.

³⁾ Согласно общеэллиническому представленію, государственный суверенитетъ возможенъ только тамъ, гдѣ онъ принадлежитъ всему правомочному гражданству. Гдѣ нѣтъ гражданства, нѣтъ государства, есть только деспотическое правленіе одного — свободнаго надъ всѣми — рабами. Aristot. polit. 1275 a. Въ античныхъ комментаріяхъ къ рѣчамъ Эсхина это мнѣніе выражено въ очень отчетливой формѣ: «Эсхинъ неправильно называетъ единовластіе государственнымъ строемъ; вѣдь, государственный строй представляетъ собой систему законовъ; при единовластии же нѣтъ законовъ, а только — беззаконіе». Scholia in Aeschin. 4. Müller-Oratores Attici. II. 1858. P. 491.

⁴⁾ R. Nordin. Aisymnetie und Tyrannis. Klio, V. S. 404.

⁵⁾ Aristot. polit. 1286 a.

⁶⁾ Aristot. polit. 1290 a, 1301 b. «*πάλιστα δύο γίνονται πολιτείαι, ὁῦμος καὶ ὀλιγαρχία*».

ному дѣленію, какъ у Платона. Олигархія и демократія, по мысли Аристотеля, воплощаютъ въ себѣ такія же основныя противоположности государственнаго бытія, какъ полярности въ природѣ, какъ основныя музыкальныя мелодіи, и изъ нихъ сочетанія образуются всѣ реальныя и идеальныя системы политическихъ устройствъ общества ¹⁾.

Аристотель не предполагалъ, чтобы цѣнность государственнаго строя могла опредѣляться его соотвѣтствіемъ условіямъ и потребностямъ даннаго момента общественнаго развитія. Дѣло въ томъ, что онъ разсматривалъ государства не въ исторической перспективѣ, а измѣрялъ ихъ этико-философскимъ принципомъ степени совершенства, степени приближенія къ «политіи», единственному лучшему строю. Это не является общепризнаннымъ фактомъ. Еще до открытія «Аѳинской политіи» высказывалось мнѣніе, что Аристотель былъ первымъ, кто открылъ послѣдовательность и закономерность превращенія государственнаго устройства изъ патріархальной монархіи въ аристократію, соприкасающуюся въ своемъ историческомъ развитіи съ олигархіей, которая черезъ посредство тиранніи, «дѣтской болѣзни» демократіи, переходитъ въ народовластіе. Это какъ будто подтвердилось первыми главами «Аѳинской политіи», гдѣ Аристотель съ гениальной проницательностью объяснилъ, какъ монархія героической эпохи перешла въ новыя правительственныя формы путемъ распредѣленія между высшими должностными лицами ея главныхъ судебныхъ, военныхъ и жреческихъ функцій ²⁾.

Однако, факты, найденные въ результатъ изученія аѳинскаго строя, Аристотель не обобщилъ до степени универсальнаго эволюціоннаго принципа. Ученіе о естественномъ развитіи государства можно найти у Аристотеля только, если искусственно дополнить его идеи позднѣйшими теоретическими приобрѣтеніями греческой политической мысли. Въ «Политикѣ» много вниманія посвящено вопросу, какъ совершается переходъ отъ олигархіи къ демократіи и къ другимъ, промежуточнымъ, формамъ государственнаго устройства. Въ пятой книгѣ своей главной работы Аристотель далъ не столько ученіе о,

¹⁾ Кн. Е. Н. Трубецкой. Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи. В. Ф. и П. 1890 (IV). Стр. 23.

²⁾ Проф. В. Бузескулъ. Ж. М. Н. П. 1905, октябрь. Часть CCCLXI. Стр. 411.

закономѣрности государственнаго развитія, сколько историческую теорію революцій. По его представленію, одинъ строй переходитъ въ другой исключительно катастрофически. Происходить революціи, совершается паденіе власти, ея разрушеніе, замѣна новой, но ни эволюціи, ни какой бы то ни было естественной послѣдовательности въ этомъ не замѣчается ¹⁾.

Ставя вопросъ о созданіи условій, которыя защитили бы государство отъ болѣзненныхъ революціонныхъ кризисовъ, Аристотель отвѣтилъ на него изысканіемъ политическихъ способовъ обезпеченія его мирнаго существованія, но не развитія. Спокойствіе общества зависитъ отъ такой системы организаціи государственной власти, которая дала бы ей силу, устойчивость, неподвижность, историческое упорство сопротивленія разрушительнымъ революціоннымъ опытамъ, отъ кого бы ни исходили они, отъ честолюбивой личности, мятежной аристократіи или голодной черни. Государство существуетъ или какъ система однажды навсегда опредѣлившихся учреждений, или оно постоянно колеблется борьбой демократическихъ и олигархическихъ партій.

Это правда, что греческое политическое мышленіе, до Аристотеля включительно, имѣло объектомъ своего изученія только государство-городъ, но надо прибавить, что этотъ строй разсматривался въ его современномъ состояніи, безъ отношенія къ условіямъ его происхожденія и возможностямъ перехода къ новымъ общественнымъ образованіямъ, расширяющимъ узкіе предѣлы замкнутой автономной гражданской общины.

Политическая литература конца пятого и четвертаго вв. богато разработала проблемы олигархическаго и демократическаго строя, дала матеріаль и руководящія идеи Платону и Аристотелю, которые и признали демократію и олигархію основными политическими формами и въ исторіи и отчасти въ догматикѣ государственнаго права.

Если бы греческая исторія закончилась въ четвертомъ вѣкѣ, то Аристотеля можно было бы признать послѣднимъ греческимъ политическимъ мыслителемъ, а гражданскую общину — послѣднимъ продуктомъ эллинскаго государственнаго творчества. Эти положенія

¹⁾ *Newman. The Politics of Aristotle. I. 1887. P. 530 ff.*

до настоящаго времени не отвергнуты достаточно безусловно Эдуардъ Мейеръ своимъ авторитетомъ поддержалъ мнѣніе, что еще въ первой половинѣ четвертаго вѣка произошло завершеніе греческой исторіи, «*Ausgang der griechischen Geschichte*». До недавняго времени считалось общепризнаннымъ, что государственное творчество эллиновъ не пошло дальше созданія государства-города, а въ связи съ этимъ Аристотеля ставили на послѣднемъ порогѣ политической литературы

Шёлль патетически утверждаетъ: «У могилы греческой свободы возвышается «Политика» Аристотеля, какъ памятникъ политическаго величія его народа. Что онъ могъ еще изобразить въ наглядномъ представленіи, слишкомъ скоро стало предметомъ антикварнаго изученія» ¹⁾. Генкель думаетъ, что политическое міросозерцаніе античности предстоить намъ въ великихъ системахъ Платона и Аристотеля въ завершеномъ и законченномъ видѣ. ²⁾ Проф. Жебелевъ считаетъ «Политику» послѣднимъ произведеніемъ, послѣднимъ памятникомъ греческой политической литературы ³⁾. Въ самой рѣзкой и въ наименѣе поэтому вѣрной формѣ выразилъ господствовавшее воззрѣніе Е. Трубецкой: «Аристотель жилъ среди общества разлагающагося и неизлѣчимо больного, умирающаго. Политическое міросозерцаніе грековъ въ его эпоху уже закончило циклъ своего развитія; оставалось раскрыть, каковы были причины его разложенія и смерти» ⁴⁾.

Но противъ этого воззрѣнія настойчиво и справедливо возстаютъ Арнимъ: «Черезъ посредство Аристотеля политика стала наукой, которая имѣла въ виду, какъ идеальныя стремленія, такъ и потребности практической жизни. Его теоретическое созданіе ни въ коемъ случаѣ не было и не притязало быть заключительнымъ. Многія нити развитія мысли въ сохранившемся текстѣ «Политики» не доведены до конца; нѣкоторыя ея составныя части производятъ

¹⁾ Schöll. Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen. 1890 S. 36.

²⁾ Henkel. Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat. 1872. S. 98.

³⁾ С. А. Жебелевъ, Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля. (Приложеніе къ русскому переводу «Политики», 1911) Стр. 382.

⁴⁾ Кн. Е. Н. Трубецкой. Политическіе идеалы Платона и Аристотеля. В.Ф. и П. 1890 (IV). Стр. 29.

впечатлѣніе перваго замысла, предварительнаго наброска, который только намѣчаетъ методы дальнѣйшаго изслѣдованія проблемы».¹⁾

Белохъ поддерживаетъ это мнѣніе фактическими указаніями на то обстоятельство, что эллины третьяго вѣка стояли несравненно выше по уровню своего политическаго развитія, чѣмъ современникиThemistocles и даже Перикла. Политическое мышленіе встрѣтило въ жизни новый принципъ государственнаго устройства — монархическій; оно разработало его теоретически, переработало и отвергло, но, освободившись во второй половинѣ III-го вѣка отъ власти македонской монархіи, эллины не возвратились къ старому «πόλις», а перешли къ новому понятію «το κοινόν»²⁾. Богатая политическая литература эллинистической эпохи не только разрабатывала дальше старыя идеи, но развила рядъ новыхъ понятій и теоретическихъ опредѣленій. Даже когда прекратилось самостоятельное государственное существованіе Греціи и она вошла въ составъ Римской Имперіи, политическая мысль не исчерпалась; она оставила омертвѣвшія формы греческой государственности и обратилась къ изученію новыхъ системъ политическаго суверенитета, къ изслѣдованію римской «политикъ».³⁾

Аристотель казался завершителемъ греческаго мышленія о государствѣ только потому, что его система произвольно дополнялась теоретическими идеями позднѣйшаго времени, ему приписывалось больше, чѣмъ онъ далъ. Въ виду этого, задачей изученія греческой политической мысли является возвращеніе чужихъ идей ихъ собственникамъ, — мыслителямъ третьяго вѣка.

Эллинистическое міросозерцаніе дополнило прежнее двойное дѣленіе формъ государственнаго устройства третимъ основнымъ принципомъ, монархическимъ, который до сихъ поръ имѣлъ случайное и второстепенное значеніе.⁴⁾ Другое важное пріобрѣтеніе заключается въ созданіи ученія о всеобщей и естественно необходимой эволюціи государства.

¹⁾ *Arnim*. Die politischen Theorien des Altertums. 1910. SS. 143—144. *Wilamowitz-Moellendorf*. Aristoteles und Athen. I. 1893. SS. 265 ff. *Еллинскъ*. Общее ученіе о государствѣ. СПб. 1903. Стр. 190.

²⁾ *Beloeh*. Griechische Geschichte. III, 1. 1904. S. 553.

³⁾ *Kaerst*. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. II, 1. 1909. S. 201.

⁴⁾ *Eduard Schwartz*. Charakterköpfe aus der Antiken Literatur. 1906. S. 87.

Государственная идея раздвинула узкіе предѣлы гражданской общины, вмѣстила въ себя новыя опредѣленія политическаго суверенитета. Однако, у насъ нѣтъ возможности прослѣдить послѣдовательность возникновенія и развитія этихъ новыхъ идей. Политическая литература эллинистической эпохи дошла до насъ или въ заглавіяхъ трудовъ и въ именахъ авторовъ или въ незначительныхъ фрагментахъ, на которые трудно опираться при выясненіи ея элементарныхъ принциповъ.

Насколько можно судить по отрывочнымъ сообщеніямъ, впервые ввелъ въ греческую политическую литературу обсужденіе монархической идеи Теофрастъ ¹⁾. Для него монархія не была, какъ для Аристотеля, понятіемъ, выходящимъ за предѣлы государственно-правовыхъ опредѣленій. Онъ написалъ не менѣе пяти сочиненій о задачахъ и обязанностяхъ государя, о лучшихъ формахъ организаціи монархической власти въ греческихъ общественныхъ условіяхъ. Не въ меньшей степени, чѣмъ перипатетики, интересовались проблемой царской власти стоики Зенонъ, Клеантъ, Герикулъ и Персей ²⁾, рассматривая ее съ точки зрѣнія своеобразныхъ и для Греціи новыхъ философско-этическихъ идей, которыя разрушили старую нравственность человѣка-гражданина, неограниченно подчиненнаго своей общинѣ, сдѣлали его гражданиномъ вселенной ³⁾. Вся эллинистическая литература опредѣляется этими двумя силами, монархизмомъ и индивидуализмомъ, въ которыхъ растворился старый ограниченный націонализмъ ⁴⁾.

Цѣнность государственнаго строя Платонъ опредѣлялъ качествомъ соединенія въ немъ демократическихъ и монархическихъ учреждений: Аристотель — олигархическихъ и демократическихъ. Ихъ ближайшій преемникъ Дикеархъ далъ новый опытъ политическаго синтеза,

¹⁾ *Dareste*. La science du droit en Grèce. 1893. P. 301 ssqu. Duemmler-Kleine Schriften. II. 1901. S. 463.

²⁾ *Henkel*. Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat. 1872. SS. 19—31.

³⁾ *H. Ritter et L. Preller*. Historia philosophiae Graecae. (Testimonia auctorum). Ed. VIII. Wellmanni. 1898. § 523. *Kaerst*. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. II. 1. 1909. S. 95.

⁴⁾ *Ed. Schwartz*. Charakterköpfe aus der antiken Literatur. 1906. S. 73.

заключающійся въ объединеніи трехъ политическихъ идей, монархической, аристократической и демократической ¹⁾).

Результаты этой вѣковой работы политическаго мышленія хорошо извѣстны: ихъ далъ намъ Полибій. Въ цѣломъ рядъ отрывочныхъ замѣчаній, разбросанныхъ на всемъ протяженіи его громаднаго сочиненія, онъ обсуждаетъ проблемы государственнаго устройства, опираясь на мыслителей перипатетической и стоической школы, а въ шестой книгѣ его возрѣнія изложены въ совершенно отчетливой и законченной формѣ ²⁾).

Относительно государственной теоріи Полибія не установилось до сихъ поръ такого мнѣнія въ ученой литературѣ, которое можно было бы считать общепринятымъ и достаточно опредѣленнымъ. Еще недавно господствовало убѣжденіе, что Полибій самостоятельнаго интереса не представляетъ, такъ какъ онъ повторялъ идеи Платона и Аристотеля, слегка подкрашивая ихъ эллинистической философіей. Генкель считалъ Полибія простымъ подражателемъ ученія Платона. Отъ него онъ заимствовалъ и теорію тройнаго дѣленія государственныхъ формъ и мысль о естественной законмѣрности ихъ историческихъ превращеній ³⁾. Позже Рудольфъ-Скала поддержалъ это сужденіе, но въ болѣе смягченной и ограниченной формѣ. Полибій пользовался Платономъ, но основное вліяніе на него оказали стоики и перипатетики ⁴⁾. Со стороны русскаго ученаго А. И. Покровскаго это мнѣніе встрѣтило рѣшительныя возраженія. А. И. Покровский доказалъ, что совершенно нѣтъ основаній устанавливать какую бы то ни было непосредственную зависимость Полибія отъ Платона. Больше того, имъ высказано сомнѣніе, можно-ли вообще утверждать, чтобы Полибій читалъ Платона или Аристотеля ⁵⁾.

Позже, насколько я знаю, предположеніе, что Полибій заимствовалъ свое ученіе у Платона, больше не возникало. Съ другой стороны, нельзя признать Полибія самостоятельнымъ политическимъ мыслителемъ. Отдѣлъ шестой книги, гдѣ онъ излагаетъ теорію есте-

¹⁾ Ritter et Preller. *Historia philosophiae Graecae*. 1898. § 439.

²⁾ R. Laqueur. *Polybius*. 1913. S. 252.

³⁾ Henkel. *Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat*. 1872. SS. 102—103.

⁴⁾ R. v. Scala. *Die Studien des Polybios*. I. 1890. SS. 102—115.

⁵⁾ Ж. М. Н. П. 1891. Часть CCLXXVI. Июль. Стр. 179—180.

ственной эволюціи трехъ основныхъ формъ государства, написать такъ, что здѣсь не чувствуется индивидуальныхъ усилій мысли: изложеніе и тонъ проникнуты догматической убѣжденностью. Полибій скорѣе излагаетъ общепринятые воззрѣнія и взгляды, чѣмъ создаетъ что-нибудь новое. Принципіальное рѣшеніе вопроса о происхожденіи теоріи Полибія было дано современными изслѣдователями въ такой формѣ: онъ заимствовалъ ее у кого-либо изъ политическихъ мыслителей эпохи эллинизма. Въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, что политико-философское міросозерцаніе Полибія сложилось подъ опредѣляющимъ вліяніемъ стоической школы въ лицѣ того представителя ея, который былъ самымъ чистымъ и многостороннимъ выразителемъ идей Стои,—Паветіа ¹⁾. Однако, послѣдній по времени изслѣдователь Полибія Лакѣръ находитъ возможнымъ основное теоретическое воздѣйствіе на него приписать Дикеарху ²⁾, какъ это было высказано уже давно Целлеромъ ³⁾.

По мнѣнію Лакѣра, перипатетиками не ограничиваются источники, изъ которыхъ возникла государственная теорія Полибія; впервые въ исторіи греческаго теоретическаго мышленія случилось, что римлянинъ содѣйствовалъ выработкѣ взглядовъ эллинскаго мыслителя: Сципіонъ, въ кружкѣ котораго вращался Полибій во время своего пребыванія въ Римѣ, внушилъ ему мысль, новую для грековъ, что государства не создаются законодателями, а вырабатываются путемъ естественной эволюціи ⁴⁾. Едва-ли нужно, по моему убѣжденію, пытаться такъ опредѣленно персонифицировать многообразныя вліянія, какія воспринялъ и переработалъ Полибій. Теоретическія воззрѣнія эллинистическихъ мыслителей выдѣлили путемъ непрерывной интерференціи идей рядъ основныхъ принциповъ, воспринятыхъ и догматически изложенныхъ имъ. Въ отдѣлѣ «Всеобщей исторіи» Полибія, гдѣ онъ изложилъ свою теорію государственной эволюціи, и который является самостоятельнымъ политическимъ этюдомъ, добавленнымъ къ «четвертому изданію» этого труда ⁵⁾, передъ нами разверты-

¹⁾ *Max Bädinger*. Die Universalhistorie im Alterthume. 1895. S. 101.

²⁾ *Laqueur*. Polybios. 1913. SS. 246 ff.

³⁾ *Zeller*. Die Philosophie der Griechen. II³, 2. 1879. S. 893.

⁴⁾ *Laqueur*. Polybios. 1913. S. 249.

⁵⁾ *Laqueur*. Polybios. 1913. SS. 233, 243.

вается государственное учение, лучший и самостоятельный продукт общественной философии эллинистической эпохи, новое, завершающее и последнее завоевание греческого политического гения.

Здѣсь его предѣлъ. Здѣсь, у крайняго порога эллинской исторіи, когда право жизни и творческія силы перешли къ новому властителю жизни, греческая мысль дѣлаетъ послѣднее усиліе и создаетъ три послѣднихъ принципа, которыхъ не хватало въ ученияхъ Платона и Аристотеля. Окончательно устанавливается тройное дѣленіе основныхъ формъ государственнаго устройства, опредѣляется природная необходимость и послѣдовательность ихъ превращеній, раздвигаются границы политическихъ понятій, потому что Полибій говоритъ не о гражданской общинѣ, а вводитъ универсальный, всемірно-историческій принципъ познанія государственнаго бытія.

Своей задачей Полибій ставитъ объяснить естественный переходъ однихъ формъ государственнаго устройства въ другія. Онъ беретъ за исходную точку одинъ изъ моментовъ первобытной исторіи человѣчества, когда міръ поражается стихійными бѣдствіями, разрушающими общество, истребляющими большинство людей. Ничтожные остатки начинаютъ самостоятельный путь культурнаго развитія. Люди, какъ животныя, объединяются вокругъ предводителя, выдѣляющагося физической силой и смѣлостью. Это—первобытное единовластіе, примитивное общественное соединеніе подъ властью сильнаго. Границей власти такого монарха является только степень его собственной личной силы.

Когда культурное развитіе пошло достаточно далеко, монархъ становится правителемъ, сознающимъ факты общественной полезности и блага. Монархическое единовластіе переходитъ въ царскую власть¹⁾. Государь правитъ народомъ черезъ посредство медленно развивающагося правительства; лучшіе представители народа оказываютъ ему содѣйствіе, поддерживаютъ авторитетъ и силу его власти. Качества правителей опредѣляются уже не ихъ физической силой, а нравственными и умственными преимуществами. Это совершается въ незамѣтномъ органическомъ процессѣ, въ зависимости и въ связи съ ростомъ матеріальнаго общественнаго благосостоянія.

¹⁾ Polybii hist. VI, 6, 12.

Съ теченіемъ времени царь, сосредотачивая въ своихъ рукахъ все больше власти и богатства, отдаляется отъ своихъ подданныхъ. Правленіе теряетъ свой патріархальный благожелательный отпечатокъ. Государь личное благо ставитъ выше общественнаго. Жажда богатства и наслажденій увлекаетъ его къ несправедливостямъ и насиліямъ. Царская власть превращается въ тираннію, въ насильственное и беззаконное владычество. Народъ ищетъ себѣ защитниковъ среди лучшихъ представителей общества. Они становятся во главѣ народнаго возмущенія противъ тиранна и, уничтоживъ выродившуюся царскую власть, создаютъ новое, аристократическое правленіе ¹⁾. Долго знать пользуется своимъ преобладаніемъ въ интересахъ всего общества. Аристократы являются мудрыми и твердыми защитниками бѣдныхъ и слабыхъ. Черезъ нѣсколько поколѣній потомки первыхъ освободителей народа начинаютъ смотрѣть на свою власть, какъ на средство удовлетворенія собственнымъ своекорыстнымъ цѣлямъ. Развратъ и жадность смѣняютъ старыя добродѣтели, и аристократія превращается въ жадную олигархію, грабящую народъ и издѣвающуюся надъ нимъ ²⁾.

Насильственное правленіе олигархіи не продолжается долго. Народъ подымаетъ возстаніе, убиваетъ и изгоняетъ насильниковъ, но не возвращается къ царской власти, потому что свѣжа еще память объ эпохѣ тиранніи, и беретъ управленіе государствомъ въ свои собственные руки. Возникаетъ демократія, свободное и строго законное народовластіе, руководимое правомъ и совѣтами лучшихъ людей. Позже въ средѣ демократическихъ правителей выдѣляются люди съ сильно развитымъ честолюбіемъ и эгоизмомъ. Съ другой стороны, богатые начинаютъ все болѣе угнетать народъ экономически.

Чѣмъ болѣе обостряется социальное неравенство, чѣмъ больше растетъ въ народѣ сознаніе матеріальной угнетенности, тѣмъ въ большей степени вырастаетъ значеніе честолюбивыхъ руководителей народа. Они разжигаютъ народныя страсти и воодушевляютъ чернь социалистическими идеалами. Зависть къ богатству переходитъ въ желаніе совершить великій социальный грабежъ богатыхъ, слѣлать,

¹⁾ Polybii hist. VI, 8, 1.

²⁾ Polybii hist. VI, 8, 5.

свою жизнь счастливой на ихъ счетъ ¹⁾. Демократія, проникаясь социалистическими идеями, теряетъ почву закона и права, замѣняетъ ихъ насиліемъ и грабительствомъ. Чернь объединяется подъ руководствомъ своихъ вождей, убиваетъ богатыхъ, дѣлитъ ихъ имущество, производитъ уравнильное перераспредѣленіе земли, повергаетъ общество въ анархію ²⁾.

Въ этомъ состояніи первобытной дикости и разнузданности страстей общество не можетъ оставаться долго. Прежде чѣмъ социализмъ повергнетъ государство въ пропасть послѣдняго разрушенія, появляется смиритель одичавшаго человѣчества, и на самомъ краю бездны желѣзной рукой схватываетъ его, насиліемъ смиряетъ ожесточеніе социальной борьбы и утверждаетъ спасительное единовластіе ³⁾.

Съ этого момента эволюціонный кругъ общественнаго развитія начинается снова. Нетрудно замѣтить, что новый циклъ развитія не повторяетъ въ точности уже пройденнаго культурнаго пути. Новое единовластіе совсѣмъ непохоже на первобытную монархію; сходное въ нихъ—только принципъ власти, покоящейся на личной силѣ и смѣлости. Новый циклъ становится, вмѣстѣ съ тѣмъ, вторымъ большимъ періодомъ развитія всемірной исторіи.

Представляя себѣ ученіе Полибія въ этомъ теоретическомъ образѣ, мы еще не достигли пониманія его основного своеобразія. Остается большое идейное противорѣчіе. Вѣдь, если законъ смѣны государственныхъ формъ, какъ онъ изложенъ Полибіемъ и истолкованъ мною, общезначимъ и неограниченно универсаленъ, то римскій правительственный строй, смѣшанный, объединяющій въ себѣ царскіе, аристократическіе и демократическіе принципы, нарушаетъ этотъ законъ послѣдовательности. Въ немъ въ одной государственной системѣ дано то, что составляетъ содержаніе длительного историческаго процесса.

Не волей законодателя, а въ длительномъ естественномъ развитіи возникъ этотъ строй; какъ же его примирить съ этимъ зако-

¹⁾ Polybii hist. XV, 21, 7; VI, 9, 8.

²⁾ Pöhlmann. Geschichte der socialen Frage und des Socialismus in der antiken Welt. I². 1912. S. 418.

³⁾ Polybii hist. VI, 9, 9.

номъ неизбежнаго вырожденія каждой формы правленія, какъ можно рассчитывать на продолжительность и устойчивость римскаго государства? ¹⁾

Отвѣтъ на это надо искать въ опредѣленіи Полибіемъ двойственности каждой формы правленія. Всякій государственный строй удовлетворяетъ общественному благу въ условіяхъ историческаго момента, но онъ носитъ въ себѣ зародыши собственнаго разложенія, и въ новыхъ условіяхъ оказывается непригоднымъ. Въ царской власти коренится возможность ея превращенія въ насильственное единовластіе: нравственная основа аристократіи разѣдается олигархическими инстинктами, а демократія склонна къ увлеченію социалистическими замыслами, ведущими къ господству насилія и кулачнаго права.

Съ другой стороны, противъ отрицательныхъ свойствъ каждого государственнаго строя спасительнымъ средствомъ является введеніе другой системы правленія. Демократія спасаетъ общество отъ олигархическаго вырожденія аристократіи; социальное грабительство черни прекращается царской властью, и, въ свою очередь, когда монархъ становится тиранномъ, его смиряютъ лучшіе представители общества.

Этотъ кругооборотъ взаимодѣйствія правительственныхъ принциповъ можетъ привести къ тому, что когда данная форма государственнаго строя вырождается въ свою противоположность, новый строй не уничтожаетъ ее, а только устраняетъ вредныя и отрицательныя стороны. Въ историческомъ развитіи римскаго государства случилось такъ, что монархія была не уничтожена возмущившейся аристократіей, а только ограничена въ своихъ вредныхъ для общества проявленіяхъ. Такъ же не оказалось возможнымъ олигархическое государство, потому что демократія оказала знати необходимое противодѣйствіе, сама находя преграду для своего крайняго развитія въ уже существующей царской власти. Въ результатъ великихъ историческихъ столкновеній и событій, безъ участія личной воли законодателей, подъ влияніемъ естественной эволюціи, выработался въ Римѣ лучшій государственный строй, который можетъ рассчитывать на значительную продолжительность существованія, если только какое-либо

¹⁾ Polybii hist. VI, 10, 14.

изъ трехъ основныхъ началъ не побѣдить и не превратить своего исключительнаго преобладанія въ общественное бѣдствіе.

Въ виду этого, настаивая на такомъ именно объясненіи теоріи Полибія, я не рѣшился бы сказать, что онъ возстановилъ старую теорію постоянныхъ повторныхъ цикловъ общественной эволюціи, безсмысленнаго кругообращенія народовъ въ тѣхъ же самыхъ формахъ государственнаго бытія, гдѣ конецъ соприкасается съ началомъ, какъ у змѣи, поѣдающей свой собственный хвостъ, по выраженію Гегеля. Едва-ли правильно допустить, что ученіе Полибія было частнымъ приложеніемъ къ общественнымъ явленіямъ старыхъ представленій о циклическомъ повтореніи міровыхъ процессовъ, тождественныхъ во всемъ отъ величайшихъ всеобщностей до мельчайшихъ фактовъ¹⁾. Полибій былъ далекъ отъ провозглашенія «этого космическаго безразличія, плетущаго свою ткань безъ начала и конца»²⁾.

Въ быстромъ пересмотрѣ греческихъ политическихъ ученій о формахъ государственнаго устройства логическій путь довелъ насъ до Полибія, и дальше намъ идти некуда. Здѣсь настоящій конецъ эллинскаго мышленія о государствѣ, завершенный теоретически и политически.

Поэтому становится понятнымъ, что Макиавелли, возвращая государственное право къ его античнымъ источникамъ, положилъ въ основу своего ученія не Платона и Аристотеля, а Полибія. Флорентинскій мыслитель сознательно воспринималъ политическія идеи древности въ ихъ окончательной и наиболѣе полной формѣ.

Валентинъ Розицынъ.

¹⁾ J. Bury. The ancient greek historians. 1909. P. 204.

²⁾ Гомперцъ. Греческіе мыслители. I. Стр. 126. 1911.

По Элладѣ.

(Изъ лекции, читаннаго 15 ноября 1913 года въ Педагогическомъ Отдѣлѣ Харьковского Историко-Филологическаго Общества).

Въ XIX вѣкѣ изученіе греческой старины вступило въ новую эру. Археологія открыла невиданные горизонты для исследователей. Знаменитый Шлиманъ, съ дѣтства мечтавшій отыскать легендарную Трою, раскопавъ Гиссарлыкъ, нашелъ девять городовъ, лежавшихъ одинъ надъ другимъ. Совершенно неожиданно были открыты незадолго доселѣ догреческая культура гомерической Трои. Затѣмъ раскопки Микенъ, Тиринса и Крита открыли другую, также догреческую культуру — критомикенскую. Кромѣ того, были раскопаны Елевсинъ, Дельфы, Олимпія, и мы стали ближе къ изученію античной жизни. Вотъ почему теперь, для детальнаго, живого знакомства съ нею необходимо на мѣстахъ изучать памятники старины.

Уже много лѣтъ я хотѣлъ увидѣть Элладу. Въ апрѣлѣ 1913 года мнѣ посчастливилось привести въ исполненіе задуманное путешествіе и этотъ путевой очеркъ является его результатомъ. Въ то время на близлежащемъ Востокѣ была союзническая война. Греція, Сербія, Болгарія и Черногорія уже успѣли въ нѣсколько мѣсяцевъ одолѣть турокъ, взять Адрианополь. Но, при этомъ, какъ ни неудаченъ былъ моментъ для путешествія, тѣмъ болѣе интересными и захватывающими были нѣкоторые моменты этой поездки.

Въ первыхъ числахъ апрѣля я выѣхалъ изъ Харькова въ Одессу. Несмотря на предостереженія пароходства, что «въ виду войны мязки воюющихъ державъ погужены, а порты и проливы минированы, что Русское О-во снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность... и т. д.», — я все-таки рѣшилъ ѣхать.

13 апрѣля, послѣ двухдневнаго плаванія въ открытомъ морѣ, мы увидѣли малоазійскій берегъ.

Долго пароходъ шелъ по Босфору. По обоимъ берегамъ пролива расположены дачи со сказочными, нависающими надъ водой домами, окруженныя виноградниками. Наконецъ, вдали показался Константинополь.

Цѣлый лѣсъ крышъ, изъ которыхъ то тамъ, то здѣсь высятся стройный минаретъ. Я уже различалъ желтоватый массивъ св. Софіи.

Пароходъ до темноты успѣлъ войти въ гавань и пристать къ набережной Галатѣ.

Узкія, кривыя улицы. Высокіе дома съ закрытыми окнами гаремовъ. Среди нихъ, въ какомъ-нибудь закоулкѣ, пріютилось десятка два могилъ, или мечеть съ высокимъ минаретомъ. Всюду разношерстная толпа; преобладаютъ красныя фески и незнакомый гортанный разговоръ. Всюду грязь, запахъ баранины и оливковаго масла. Это — Константинополь. Правда, это относится не ко всѣмъ частямъ города — и европейскія части — Галатѣ, Пѣра сплошь и рядомъ застроены прекрасными палаццо, — но и здѣсь узкія, кривыя, нерѣдко ступенчатыя улицы. — По главнымъ улицамъ проведенъ конный трамвай, при мнѣ бездѣйствовавшій: всѣ лошади были взяты въ артиллерию. — Стамбуль, отдѣленный отъ другихъ частей города водами Золотого Рога, соединенъ двумя мостами. Здѣсь помѣщаются всѣ министерства, живетъ великій визирь, находятся почти всѣ мечети и Оттоманскій музей.

Перейдя мостъ, вы окунаетесь въ узкую, похожую на коридоръ, улицу. Нѣсколько поворотовъ и передъ вами ипподромъ; — т. е. площадь, занимающая мѣсто византійскаго ипподрома. Вблизи его находится знаменитая Константинопольская мечеть св. Софіи. Снаружи это массивная, сплошная масса надстроекъ и стѣнъ, увѣнчанныхъ однимъ колоссальнымъ куполомъ. Четыре минарета окружаютъ зданіе. Св. Софія, построенная въ VI вѣкѣ при императорѣ Юстиніанѣ, была свидѣтельницей всей византійской исторіи. Съ 1453 года она превращена въ мечеть.

Входите внутрь. Васъ охватываютъ тишина и полумракъ. Черезъ нарѣзку входите въ колоссальнѣйшій залъ, раздѣленный на три

корабля. Надъ среднимъ гигантскій куполъ. Нога, лишенная обуви, мягко ступаетъ по толстымъ коврамъ. Храмъ теперь лишень живописи. Знаменитыя византійскія мозаики замазаны. Только иногда виднѣются изъ-подъ штукатурки характерный византійскій крестъ или надпись. Въмѣсто иконъ развѣшаны голубые щиты со священными изреченіями пророка.

Выйдя изъ св. Софіи, зайдемъ въ знаменитую сокровищницу искусства, въ Оттоманскій музей. Здѣсь хранятся саркофаги Сидонскаго некрополя, въ томъ числѣ прекрасно сохранившійся «Саркофагъ Александра Великаго», на которомъ еще свѣжа древняя раскраска. Въ музеѣ много финикійскихъ Астартъ, а въ одномъ залѣ до потолка простерся каменный Вааль, разрывающій жертву. Много греческихъ саркофаговъ съ шествіемъ Діониса, каменныхъ Деметръ и Аполлоновъ; много застывшихъ архаическихъ улыбокъ, обломковъ кампей, съ изображеніемъ невиданнаго ужаса и отчаянія, какъ напр. изображеніе распятаго Марсіа, — подчасъ тонко и нѣжно изваянныхъ, а подчасъ грубо и едва замѣтно, что говоритъ о глубокой древности памятника. Осмотрѣвъ музей, я долго еще бродилъ по узкимъ извилистымъ улицамъ.

Но вскорѣ я долженъ былъ уѣхать изъ этого очаровательнаго уголка Востока. Съ грустью я видѣлъ, какъ уплывааетъ берегъ, какъ турецкій пилотъ выводитъ нашъ большой, неуклюжій пароходъ изъ лабиринта судовъ, броненосцевъ и катеровъ. Наконецъ, мы далеко отъ берега; прямо передъ нами чистый горизонтъ Пропонтиды. Направо и налево раскинулась столица Востока. Путь лежитъ въ Дарданеллы, мимо Чатаджи и другихъ мѣстностей, уже занятыхъ союзниками. Меня поразило, прежде всего, цвѣтъ воды Мраморнаго моря, гораздо болѣе нѣжный и лазурный, чѣмъ Чернаго. Тихо и плавно шелъ пароходъ, слегка только вздрагивая отъ ударовъ винта. Завтра утромъ мы должны проѣзжать Дарданеллы.

Едва зашѣрѣло, — я проснулся. Вышелъ на палубу. Вокругъ холмистые берега. На нихъ турецкія укрѣпленія съ грандіозными пушками. Мы плывемъ мимо турецкой эскадры; четыре броненосца, миноноски и много угольныхъ транспортовъ стоятъ подъ парами. Черезъ этотъ проливъ, узкій, извилистый, нѣкогда переправлялись

Дарій, Ксерксъ. Его же послѣдній велѣлъ бичевать за бурю, разметавшую построенный мостъ.

Вдали — дома Чанакъ-Калесси (турецкое названіе Дарданеллы).

Около 7 часовъ утра, предводимые турецкимъ пилотомъ, мы оставляемъ Дарданеллы. — Вышли изъ пролива; въ утреннемъ туманѣ направо вырисовываются горы Имброса и Самооракін, родины таинственнаго культа Матери боговъ, культа Кабировъ. На лѣвомъ берегу находится Иліонъ, священный городъ Пріама.

На горизонтѣ, южнѣе Имброса виднѣется силуэтъ Лемноса — и вскорѣ мимо насъ проплылъ небольшой, цвѣтушій Тенедось. Возлѣ него мы замѣтили дымки греческаго броненосца «Аверовъ» и миноносцевъ, стерегущихъ турецкую эскадру. Наконецъ, спустя 8 час. по выходѣ изъ Дарданеллы, показался изящный, цвѣтушій Лесбось.

Растянувшись въ длину, весь островъ представляетъ сплошную горную цѣпь, плѣняя нѣжными силуэтами.

На солнцѣ блестѣли крыши города Митилень. Здѣсь родилась эолійская лирика; здѣсь жила знаменитая поэтесса Сапфо, десятая муза; ее, гласить пѣсня, Аполлонъ принялъ въ свой хороводъ. Вмѣстѣ съ Сапфо и Алкей пѣлъ здѣсь свои гимны вину и любви.

Но и островъ остался уже позади; и долго звенѣлъ въ ушахъ сапфическій гимнъ Афродитѣ:

О богиня, съ трона цвѣтовъ внемли мнѣ,
Зевса дочь, рожденная пѣной моря!
Ты не дай позорно погибнуть въ мукахъ
Сапфо несчастной!...

Но уже показалась Смирна... Пароходъ поворачиваетъ налѣво и часа черезъ два мы у пристани.

Осмотръ Смирны я рѣшилъ произвести на обратномъ пути; это вышло весьма удачно, такъ какъ, задержанный русскимъ консуломъ, нашъ пароходъ простоялъ здѣсь четыре дня. Вечеромъ мы снялись и, оставивъ вправо Хіосъ, держали путь на Пирей. Завтра утромъ я долженъ увидѣть Аѳины!

Море было бурно и была легкая качка.

Афины ¹⁾.

Было яркое солнечное утро. Нашъ пароходъ медленно входилъ въ гавань Пирея. Я разглядывалъ раскинувшійся на берегу небольшой городокъ. Это — Пирей, основанный Θемистокломъ, гавань столицы Аттики. Но съ высокой палубы виденъ не только онъ: вдали, на фонѣ желтоватыхъ горъ, вы узнаете хорошо знакомый по фотографіямъ афинскій акрополь. Пароходъ остановился. Послѣ первой неизбежной суеты и суматохи вы нанимаете лодочника и съ особымъ чувствомъ переѣзжаете на берегъ Эллады. Съ какимъ-то непонятнымъ, страннымъ ощущеніемъ вы ѣдете по чистымъ улицамъ новаго незнакомаго городка, знавшаго славное прошлое. Всюду вывѣски на чужомъ языкѣ, непонятный странный разговоръ. Чистый и изящный. Пирей насчитываетъ 60000 жителей. Современный городъ отстроился недавно: еще въ 1835 году на этомъ мѣстѣ было нѣсколько рыбацкихъ хижинъ, носившихъ названіе «Porto Leone» — по мраморнымъ лвамъ, находящимся нынѣ въ Венеціи.

Электрическая дорога, соединяющая Пирей съ Афинами, доставляетъ васъ черезъ 18 минутъ въ центръ Аттики. Сначала поѣздъ мчится по желтоватой пустынѣ. Поворотъ — и впереди во всей красѣ афинскій акрополь. Затѣмъ поѣздъ ныряетъ въ тоннель — и черезъ мигъ вы находитесь въ центрѣ города на πλατεῖα τῆς Ὁμονοίας — Площади Согласія. Вокругъ пальмы, асфальтовые ровныя улицы и ослѣпительно-бѣлые дома. Все залито южнымъ солнцемъ. Вы оглушены, послѣ тихаго морского путешествія, немолчнымъ звономъ трамваевъ, криками уличныхъ гаменовъ, предлагающихъ національныя флажки и газеты. Однако, надо подумать и о пристанищѣ. Пользуясь совѣтомъ спутника-грека, я остановился въ отелѣ Alexandre le Grand Ξενοδοχεῖον μέγας Ἀλέξανδρος, гдѣ за три драхмы (около 1 р. 20 к.) получилъ прекрасную комнату.

Иностранца поражаетъ эта кипучая жизнь афинскихъ улицъ, сплошь заставленныхъ столиками. Вы устали — садитесь за любой и за 10 лептъ (около 4 копеекъ) получаете чашку прянаго турецкаго

¹⁾ *Struck*. Griechenland Band I: Attika. Wien-Leipzig. 1911. *Ch. Diehl*. Excursions archéol. en Grèce Paris. 1911. *A. Beaunier*. Le sourire d'Athènes. Paris. 1911. *Bädekers*. Griechenland. Leipzig. 1908.

кофе или рахатъ-лукумъ. Въ Аѣинахъ съ пригородами 145000 жителей. Это, какъ видите, небольшой, но чистый и изящный городъ. Между двумя главными площадями—Согласія и Конституціи находится центръ города. Университетскій проспектъ (Λεωφόρος τοῦ Πανεπιστημίου) и улица Стадіона (Ὁδὸς Σταδίου) являются главными улицами, на которыхъ расположены почти всѣ общественныя зданія, магазины и пассажи. Здѣсь же, рядомъ, возлѣ королевскаго дворца, находится прекрасный паркъ, краса и гордость современныхъ Аѣинъ.

И надъ всѣмъ этимъ плѣнительнымъ, европейскимъ городомъ возвышается огромная сѣрая скала, обнесенная неприступной стѣной. На скалѣ, вверху, вы узнаете и Парѣенонъ и Эрехионъ и Пропилеи; это—акрополь, святыя святыхъ древнихъ Аѣинъ, грандіозный алтарь богинѣ—покровительницѣ города. Какъ отзвукъ прошлыхъ столѣтій, какъ призракъ, онъ царитъ надъ городомъ и производитъ съ перваго же взгляда колоссальное, неизгладимое впечатлѣніе.

Надъ Аѣинами безсильны вѣка. Въ незапамятныя доисторическія времена здѣсь возникло поселеніе—и съ тѣхъ поръ каждая эпоха клала свой отпечатокъ. Здѣсь археологи нашли слѣды гоме-рической и критомикенской культуры. Затѣмъ греки, римляне, византійцы, западные рыцари и турки—всѣ поочередно здѣсь жили и оставили слѣды своей жизни.

Всякій прїѣзжающій въ Аѣины стремится, прежде всего, взойти на акрополь—и не удивительно: слишкомъ эффектно и, сказалъ бы, трагично положеніе этого удивительнаго памятника древней жизни. Акрополь представляетъ собой сѣрую каменную глыбу, отесанную вверху въ видѣ площади, а съ боковъ отвѣсно—чтобы сдѣлать стѣны неприступными. Кромѣ того, вся скала со всѣхъ сторонъ обнесена прочной каменной стѣной. Черезъ лабиринтъ кривыхъ и узкихъ улицъ, мимо портика Аттала, «Башни вѣтровъ» и друг. памятниковъ, подходимъ къ акрополю съ западной стороны. Черезъ ворота Beulé посѣтитель попадаетъ—по мраморной лѣстницѣ въ Великія Пропилеи—торжественный входъ въ священный участокъ кремля. Мраморныя колонны обступаютъ васъ въ нѣсколько рядовъ. Еще нѣсколько ступеней—и вы въ оградѣ Аѣины—Полиады. Передъ вами находятся два храма. Направо—Парѣенонъ, и налево—Эрехионъ. Парѣенонъ, святилище дѣвы Аѣины отличается отъ всѣхъ

храмовъ акрополя своими внушительными размѣрами и своимъ положеніемъ. Много восклицаній было по поводу этого знаменитаго храма. Не повторяя ихъ, надо признать, что Парѳенонъ — единственное въ своемъ родѣ, unicum. Онъ подавляетъ васъ своей грандіозностью, строгостью и силой дорического стиля.

Этотъ храмъ воздвигнутъ въ блестящую эпоху Перикла, эпоху вдохновеннаго патріотизма и почитанія боговъ, спасшихъ родину отъ персовъ. И двѣ съ половиной тысячи лѣтъ стоитъ Парѳенонъ, не утративъ своей красоты и величія. Его обезображивали пристройками и надстройками, превращая то въ храмъ, то въ церковь, то въ мечеть, и, наконецъ, въ пороховой складъ, пока въ XVII вѣкѣ не сокрушила его венеціанская бомба. Но онъ и теперь еще стоитъ цѣлымъ наполовину, и его развалины все еще гласятъ о славіи Перикла. Налѣво отъ Парѳенона (отъ входа) находится изящный іоническій храмъ богини Аѳины — Полиады — такъ называемый Эрехѳіонъ.

Здѣсь, гласитъ преданіе, Аѳина состязалась съ Посейдономъ о владычествѣ надъ этимъ городомъ. И Посейдонъ, подаривъ коня, затѣмъ ударилъ трезубцемъ о скалу и даровалъ Аѳинамъ врядъ ли кому полезный соленый источникъ (находившійся здѣсь). Аѳина же взростила оливку и благодарный городъ превознесъ свою благодѣтельница. (Возлѣ Эрехѳіона росла священная маслина). Между прочимъ, этотъ сюжетъ былъ представленъ на западномъ фронтонѣ Парѳенона.

Въ углу акрополя, въ восточной его части находится музей. Въ теченіе 19-го вѣка въ кремлѣ производились раскопки и найденное для насъ безцѣнно. Прежде всего, въ 1882 году въ юго-западной части акрополя былъ найденъ цѣлый рядъ фигуръ. Черезъ 3 года раскопки сѣверной стѣны дали неожиданные результаты. Было найдено въ персидскомъ мусорѣ 14 женскихъ фигуръ въ позахъ просительницъ — коры.

Найденные памятники стоятъ упоминанія, потому что они являются памятниками любопытнаго переходнаго періода, когда символическое, связанное традиціями искусство начинаетъ преобразовываться въ чисто патетическое. Стоитъ взглянуть на любую изъ этихъ коръ. Еще одежда безжизненна и схематична, еще вся фигура застыла въ традиціонной позѣ — но лицо, но руки уже живы, уже стремятся дѣйствовать на чувства зрителя!

Выйдя изъ священнаго теменоса черезъ Великія Пропилеи, вы замѣчаете налѣво высокую площадку, на которой стоитъ небольшой іоническій храмъ Безкрылой Ники. Этотъ изящный храмъ тоже представляетъ образецъ нѣжной іоники и построенъ, какъ и прочія святилища акрополя, изъ древняго мрамора. Красиво сочетаніе желтоватаго мрамора съ лазурнымъ эллинскимъ небомъ.

Храмъ Ники реставрированъ трудами нѣмецкихъ археологовъ изъ обломковъ турецкаго бастиона, въ свою очередь, составленнаго изъ фрагментовъ античнаго храма. Онъ представляетъ целлу, обнесенную колоннадой по 4 колонны—съ западной и восточной сторонъ.

Отсюда, говоритъ древній миѳъ (Pausan. I, XXII, 4--5) старикъ Эгей смотрѣлъ на море, въ тоскѣ ожидая Тезея, храбро уѣхавшаго на Критъ, къ Миносу. Отсюда онъ бросился внизъ, когда увидѣлъ черные паруса сыновняго корабля—символь его гибели. Съ этой площадки открывается «классическій», прекрасный видъ на юго-западъ Средней Греціи. *Подъ вами—Аѳины, окруженныя цѣпью горъ. Дальше—море и горы Пелопонниса. Это какъ бы сцена для созерцанія «классическихъ закатовъ».

Выйдя изъ воротъ Beulé отдадимся легкой тропинкѣ, вьющейся подъ южной стѣной акрополя. Сначала направо, какъ пропасть, пустуетъ полукруглый амфитеатръ Одеона, построеннаго Геродомъ Аттическимъ. Сохранились мѣста для зрителей, сцена и фасадъ, зіяющій огромными пустыми окнами. Они всѣ поддымились—видно страшный пожаръ уничтожилъ театръ. Далѣе тропинка приводитъ въ храмъ Асклепія. Здѣсь не осталось камня на камнѣ. Въ разрушенныхъ портикахъ собраны обломки статуй—и лежатъ они здѣсь, какъ мертвецы. Возлѣ колоннъ въ скалѣ акрополя прорубленный входъ. Полутемная пещера... Васъ охватываетъ темнота и прохлада послѣ ослѣпительнаго блеска и зноя эллинскаго весенняго дня. Въ углу икона Христа, лампадка, а въ полу—бассейнъ съ холодной водой. Здѣсь же—кружка для питья и нѣсколько свѣчей. Тишину нарушаетъ журчанье набѣгающей воды. Какъ далеку отъ этихъ мѣстъ христіанскій Богъ!

Черезъ нѣсколько минутъ тропинка приводитъ въ священнѣйшій теменосъ Іакха—въ театръ Діониса, гдѣ знаменитые трагики ста-

вили свои пьесы. Вы изумляетесь: такой маленькій театр... Неужели это «тотъ самый»? Полукруглая орхестра... Еще видно мѣсто для жертвенника, еще улыбается мраморный Панъ, оббитый, обезображенный. Здѣсь же, рядомъ—старикъ-силень поддерживаетъ карнизъ проскенія... Еще уцѣлѣли и мѣста для зрителей и вы даже можете прочесть на почетныхъ креслахъ, кому они принадлежали... Почти на каждомъ сохранилась надпись «жреца такого-то божества». Срединное мѣсто занимаетъ кресло жреца бога Діониса - Освободителя.

Необычайное впечатлѣніе получается отъ этого театра: впечатлѣніе уюта—и вмѣстѣ покинутости, современности—и все-таки въ каждомъ камнѣ чувствуется полетъ столѣтій.

Данный видъ театръ пріобрѣлъ со II вѣка по Р. Хр.—Императоръ Адріанъ заново отдѣлалъ сцену и мѣста для сидѣнія.

Отъ акрополя пойдете къ «Колоннамъ»—къ жалкимъ остаткамъ грандіознѣйшаго храма Зевса Олимпійца, достроеннаго тѣмъ же Адріаномъ. Это былъ третій по величинѣ храмъ, послѣ Эфеса и Селинунта. 15 колоннъ еще сохранились. На этомъ мѣстѣ еще Писистратъ началъ строить храмъ Зевсу, ибо, гласило преданіе, здѣсь впервые Девкаліонъ, этотъ греческій Ной, соорудилъ алтарь отцу боговъ и людей.

Достроенный Адріаномъ храмъ имѣлъ 104 коринѣскихъ колонны семнадцати метровъ высоты и двухъ въ діаметрѣ!

Одиноко стоятъ пятнадцать оставшихся колоннъ и производятъ неизгладимое впечатлѣніе. Я любилъ къ нимъ приходить на закатѣ, когда весь акрополь, какъ силуэтъ, выдѣляется на огненномъ небѣ. (Рис. № 1).

Къ храму Зевса почти непосредственно примыкаетъ городской паркъ. Здѣсь искусной рукою умѣло соединены пальмы, олеандры и мимозы съ акаціями, платанами. Здѣсь же, вблизи, находится высохшее при мнѣ русло знаменитаго Илисса, по берегамъ котораго бродила нѣкогда Аѳина, прислушиваясь къ шелесту тростника. Мнѣ рассказываетъ, какъ богиня срѣзала тростинку и изобрѣла флейту. Полетѣла, радостная, на Олимпъ, сообщила богамъ о флейтѣ. Но при игрѣ щеки надулись; богамъ стало непріятно отъ нарушенной красоты лица. И осмѣянная Аѳина съ проклятіемъ бросила на

землю свою флейту. А дальнѣйшій моментъ закрѣпилъ скульпторъ Миронъ въ своемъ Марсіи, который нашелъ флейту, и хочетъ, и боится ее поднять. За Илиссомъ находится Стадіонъ, возстановленный Аверовымъ на мѣстѣ античнаго. Черезъ пропилеи въ коринфскомъ стилѣ вы попадаете въ помѣщеніе для 50000 человекъ.

Но уже далеко за полдень. На улицахъ — ни души. Аѣины какъ будто вымерли. Южное солнце даетъ себя чувствовать.

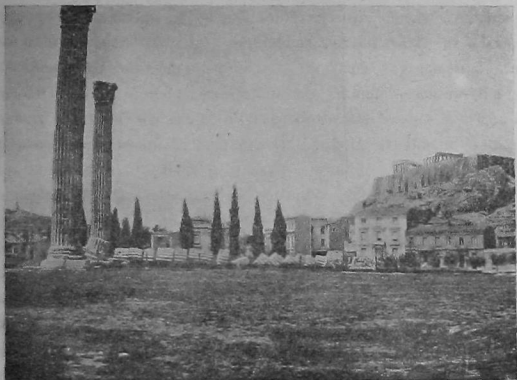

Рис. № 1. Аѣины. Храмъ Зевса.

Какъ я успѣлъ замѣтить за время моего двухнедѣльнаго пребыванія въ Аѣинахъ, уличная жизнь наиболѣе интенсивна утромъ, часовъ до одиннадцати, и затѣмъ къ вечеру, часовъ послѣ пятишести. А днемъ жизнь на улицахъ прекращается.

До сихъ поръ мы съ вами видѣли почти только храмы и святилища; — какъ будто только то, что человекъ посвятилъ богу, — достойно безсмертія. Но въ Аѣинахъ есть одно мѣсто, отъ котораго непосредственнѣе, живѣе дышитъ на насъ античная жизнь. Это — кладбище при Дипилонѣ, въ области древняго Керамика. Оно расположено въ концѣ улицы Пирея, гдѣ отъ нея отдѣляется Священная дорога въ Елевсинъ. Отъ древнихъ городскихъ воротъ Дили-

лона, по обѣ стороны античной дороги находятся могилы. И кажется, что это—современное кладбище, только не видно крестовъ. Еще сохранились надгробныя стелы: изъ эпитафій можно узнать, кто и когда погребенъ... И вы съ изумленіемъ узнаете, что это могилы 5-го, 4-го и 3-яго вѣковъ до нашей эры, — настолько живо и «современно» это кладбище. Здѣсь, подъ открытымъ небомъ стоятъ такія знаменитыя надгробія, какъ стела двухъ сестеръ Деметріи и Памфилы (4 в. до Р. Хр.), стела Гегесо, памятникъ Дексилея, поражающаго на конѣ юношу, памятникъ керкирскихъ пословъ и др. Здѣсь же, на каменномъ пьедесталѣ представленъ быкъ во всемъ бѣшенствѣ молодой силы. Кладбище при Дипилонѣ—это одна изъ интереснѣйшихъ достопримѣчательностей Аѣины. Отъ каждаго надгробія вѣетъ мыслью о разлукѣ со сладкою брэнною жизнью, мыслью о неминуемой Мойрѣ. Возлѣ могилъ произведены раскопки и глубоко подъ землей видны склепы и гроба.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, внѣшній обликъ Аѣины, этого удивительнаго города, гдѣ современность столь причудливо переплетается съ сѣдою древностью, нерѣдко претендующей на жизненность и современность... Прежде чѣмъ разстаться съ Аѣинами, заглянемъ въ *Ἐθνικὸν Μουσεῖον*—Национальный археологическій музей, находящійся въ сѣверной части города на *Ὁδὸς Πατησίων*. Роскошное бѣлое зданіе въ классическомъ стилѣ имѣетъ 24 залы, расположенныхъ вокругъ двухъ внутреннихъ дворовъ. Въ первыхъ залахъ (отъ входа прямо) помѣщены микенскія древности. Здѣсь можно поближе заглянуть въ эту таинственную эпоху. Это было царство сильныхъ титановъ-пеласговъ. Всюду — и на знаменитыхъ кубкахъ изъ Ваффіо, хранящихся здѣсь, — и на лезвіи золотого кинжала, всюду вы видите сцены борьбы: то человѣкъ укрощаетъ свирѣпаго быка, разрывающаго тебета, то смѣло нападаетъ на львовъ, обратившихся въ бѣгство! Взгляните на золотыя маски покойниковъ: сильные, крупныя до грубости черты, желаніе властвовать и повелѣвать.

Залы вальво отъ входа заняты памятниками уже греческаго искусства. Сначала васъ обступаютъ архаическіе Аполлоны (похожіе на мюнхенскаго Аполлона Тенейскаго), ярко рисующіе борьбу художника съ камнемъ; рядомъ—знакомыя коры. Затѣмъ идутъ

залы уже классическаго искусства. Праксителейскій Евбулидъ, нѣсколько головъ работы Скопада—ихъ можно сразу узнать по глубоко посаженнымъ глазамъ съ тѣнью отъ надбровныхъ дугъ; искусство познало грустные мотивы. Здѣсь же находится знаменитая елевсинская стела: Деметра съ Персефоной посылають Триптолема проповѣдывать людямъ земледѣліе. Далѣе находится богатое собраніе памятниковъ эллинистическаго періода. Пути искусства найдены, цѣли достигнуты; художникъ владѣетъ всѣми возможностями и средствами — и искусство изъ патетическаго становится декоративнымъ и символическимъ. Среди залъ лежитъ нагая менада. У стѣны улыбается задрапированный Панъ. Чтобы скрыть непріятный переходъ отъ козла къ человѣку, художникъ одѣлъ бога гиматіемъ... Большое впечатлѣніе производитъ слѣдующій залъ, гдѣ собраны надгробія разныхъ эпохъ и мѣстъ. Всюду одно настроеніе, одна мысль о смерти, о разлукѣ съ милою жизнью. Вотъ госпожа въ послѣдній разъ смотритъ въ зеркало: ни къ чему уже красота... въ цѣломъ рядѣ стелъ изображены каменные пожатія передъ вѣчной разлукой. Затѣмъ богатое собраніе саркофаговъ, и въ глубинѣ срединнаго зала находится знаменитый бронзовый Гермесъ изъ Антикиоеры, найденный въ морѣ. Остальные залы занимаетъ коллекція античныхъ вазъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ путешествіе по Элладѣ, я совершилъ двѣ прогулки по Атикѣ: въ Елевсинъ и на Пентеликонъ черезъ Кефисію.

Елевсинъ.

Съ именемъ Елевсина, священнымъ для древняго грека, связанъ общеизвѣстный мифъ о Деметрѣ и Персефонѣ.

«Въ своемъ наиболѣе глубокомъ смыслѣ, говоритъ Э. Шюре, елевсинскій мифъ представляетъ символически исторію души, ея сходженіе въ матерію, ея страданіе во мракѣ забвенія, а затѣмъ ея вознесеніе и возвратъ къ божественной жизни. Другими словами—это драма грѣхопаденія и искупленія въ эллинской формѣ.» Нѣкоторые же ученые полагають, что Персефона является олицетвореніемъ Весны, что весь мифъ говоритъ о таинствѣ зерна, упавшаго въ землю и снова появившагося весной на поверхности.

Во время больших Елевсиній — праздника въ честь богинь, изъ Аѳинъ по Священной дорогѣ совершалась ночная процессія посвященныхъ. И теперь существуетъ эта *Tērā 'Odōs*, въ точности соотвѣтствующая античной. Послѣдуемъ по ней въ священный городокъ богини. Выбравъ ясный безвѣтренный день, я налегкѣ утромъ вышелъ изъ отеля. Отъ Дипилона начинается Священная дорога. Сначала путника обступаютъ городскіе дома. Ихъ смѣняютъ безковечные ряды оливковъ, превращающихъ бѣлую пыльную дорогу въ тѣнистую аллею. Но уже остались позади и оливки — и дорога идетъ по безводной безлѣсной Атикѣ. Прямо впереди Эгалеійскія горы — Скарамангъ и Пойкилонъ. Черезъ какой-нибудь часъ пути по открытой равнинѣ, Священная дорога входитъ, извиваясь, въ горы.

Видъ мѣстности рѣзко мѣняется. То васъ обступаютъ лѣсистыя горы, то вы ныряете въ живописныя долины съ прянымъ запахомъ тиміана. Вскорѣ налѣво показывается куполь стариннаго византійскаго монастыря Дафни, построеннаго въ XI в. на мѣстѣ древняго святилища Аполлона. Послѣ Дафни дорога начинаетъ спускаться къ морю и открывается прекрасный видъ на нѣжно-голубую даль Елевсинскаго залива и Саламинъ. Путь обступаютъ невысокія горы и направо, у подножія одной изъ нихъ, находятся развалины античнаго храма Афродиты. Въ скалѣ видны ниши для культовыхъ статуй; кругомъ разсыяны остатки фундамента храма...

Въ воздухѣ жарко и душно. Только издали доносится колокольчикъ пасущихся стадъ и жалобный крикъ мула.

Выйдя изъ горъ, Священная дорога спускается къ морю и идетъ вдоль Елевсинской бухты. Направо отъ дороги блестятъ соленыя озера Реты, уровень которыхъ поднять аршина на два искусственной дамбой. Они богаты рыбой и славились ею еще въ древности. Только елевсинскіе жрецы имѣли право ее ловить.

Вдали видны дома бѣднаго албанскаго селенія Левсина. Черезъ часъ пути среди оливковъ я пришелъ въ священный участокъ Елевсина.

Взоръ поражаетъ множество мраморныхъ фундаментовъ, колоннъ, каштей, пьедесталовъ отъ статуй, разбросанныхъ по всему теменосу.

Аѣинское археологическое общество въ лицѣ археолога Филіоса производило здѣсь раскопки (1882—1895), и передъ нами его результаты¹⁾. Прежде всего вы входите въ Большія Пропилеи, построенныя Адріаномъ по образцу аѣинскихъ. На мраморномъ стилобатѣ еще сохранились остатки 16 іоническихъ колоннъ.

За Большими слѣдуютъ Малыя Пропилеи. И здѣсь уцѣлѣли на мраморной площадкѣ основанія колоннъ; а въ полу до сихъ поръ видны полукруглыя дуги, по которымъ двигались створчатые ворота. Поднявшись, далѣе, по античной, вырубленной въ скалѣ, лѣстничкѣ, вы попадаете въ храмъ Деметры, *τηλεστήριον*. Отъ него уцѣлѣло немного. Сохранились основанія колоннъ изъ пороса, и вырубленные въ скалѣ акрополя, служившей стѣной, скамьи для мистовъ. Здѣсь они сидѣли, ожидая «великаго посвященія». Интересно, что раскопки открыли постройки разныхъ эпохъ. На мѣстѣ, занимаемомъ храмомъ Деметры, былъ открытъ болѣе древній Писистратовскій храмъ. Вблизи него, на нѣкоторой глубинѣ были найдены слѣды микенскихъ построекъ. Внизу-древнѣйшая стѣна, идущая въ опредѣленномъ направленіи; выше — античная, построенная въ иномъ направленіи: какъ будто забыли о древнѣйшихъ постройкахъ. Здѣсь же находятся глубокіе погреба и колодцы. Быть можетъ, въ нихъ разыгрывались подземные акты мистерій? Весь теменось обнесенъ стѣной. (Рис. № 2).

Прогулка на Пентеликонъ.

На сѣверо-востокъ отъ Аѣинъ, выгодно выдѣляясь бѣлымъ поясомъ мрамороломенъ, возвышается горная цѣпь Пентеликонъ. Всклѣсть на главную вершину Вайяти (1109 м.) можно съ нѣсколькихъ сторонъ. Я выбралъ путь черезъ Кефисію. Селеніе Кефисія соединена съ Аѣинами желѣзной дорогой и представляетъ любимое дачное мѣсто. Здѣсь римскій поэтъ Авлъ Геллій писалъ свои «*Noctes Atticae*» на виллѣ своего друга Герола Аттика. Широкія улицы-аллеи обсажены платанами, мимозами, олеандрами. Вдоль нихъ текутъ ручейки отъ знаменитаго источника Кефалари. Нашъ путь лежитъ къ Вайяти.

¹⁾ *Philios, Eleusis, ses mystères, ses ruines et son musée. Athènes 1896.*

Сначала дорога ведет по широкой долине; затѣмъ—по каменистому руслу ручейка и выходитъ на античную дорогу, тщательно проложенную для доставки въ Аѣны мрамора. Почти всѣ храмы Атики построены изъ пентеликонскаго мрамора. Предгорья Вайяти покрываетъ чахлый кустарникъ. Дорога начинаетъ замѣтно подниматься и идти по оголенному мрамору. Часа черезъ два пути я пришелъ къ ломкамъ. Всюду глыбы взорваннаго, частью отесаннаго мрамора. Взоръ слѣпить его бѣлизна. А вдали уже начинаютъ

Рис. № 2. Елевсинъ. Большія и Малыя Пропилеи.

открываться горизонты. Чтобы скорѣе достигъ вершины, гдѣ древле стоялъ алтарь Аѣинѣ, а теперь—тригонометрическій сигналъ, я бросилъ дорогу и пошелъ прямо вверхъ. Черезъ полтора часа труднѣйшаго подъема, кое-какъ я достигъ вершины. На ней видны слѣды древняго алтаря богини. Съ вершины открывался поразительный видъ. Благодаря чистому воздуху видны были горы Фокиды. Выше всѣхъ возвышался свѣтловой Парнасъ. На сѣверѣ раскинулась гористая Евбея; восточнѣе, на морскомъ горизонтѣ сѣрѣли очертанія кикладскихъ острововъ. Подо мной, какъ на картѣ, лежала вся

Аттика и Беотія съ ея невмысокими горами. Только на сѣверо-западъ горизонтъ отчасти скрытъ лѣснымъ Парнетомъ, который выше Вайяти.

Между тѣмъ дня оставалось немного. Солнце склонялось къ закату и надо было спѣшить. Но... непредвидѣнный случай едва не разрушилъ мои планы. Спускаясь съ вершины, я остуился и нога застряла въ расщелинѣ. Отъ сильной боли я долженъ былъ сѣсть — и о немедленномъ спускѣ нельзя было и думать. Однако, надо было спѣшить. Кое-какъ, съ величайшимъ трудомъ я началъ небываемый спускъ. Нога скользила, не находя прочной опоры; руки ранили острые камни.

Уже къ ночи я вернулся въ Кефисію, а оттуда въ Аѣны. Поврежденная нога разболѣлась и это должно было отчасти измѣнить планъ пѣшеходнаго путешествія по Элладѣ.

Но, все-таки Средняя Греція до Итѣа почти вся пройдена пѣшкомъ.

Путешествіе по средней Греціи и Пелопоннису.

Эпизодъ съ ногой, поврежденной на Пентеликонѣ, заставилъ слегка измѣнить маршрутъ. Въмѣсто пѣшеходнаго путешествія черезъ Елевсинъ, Киеронъ въ Оивы, пришлось воспользоваться желѣзной дорогой. 29 апрѣля я сѣлъ въ поѣздъ на Оивы.

Вмѣстѣ съ нами ѣхало много солдатъ на театръ военныхъ дѣйствій. Провожаемые родными и близкими, они при отходѣ поѣзда открыли пальбу изъ ружей и револьверовъ.

Черезъ три часа довольно утомительной дороги поѣздъ пришелъ въ Оивы. Небольшое зданіе вокзала съ краснорѣчивою надписью «ΘΗΒΑΙ».

Оивы.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи, за засѣяннымъ полемъ расположены Оивы. Теперь это бѣдный греческій городокъ, насчитывающій три съ половиной тысячи жителей... (Рис. № 3).

«Въ эти мѣста, говоритъ древнее преданіе, пришелъ изъ Финикіи Кадмъ и принесть азбуку и искусство обработки металловъ». Здѣсь яснѣе всего видны узы, связывавшія нѣкогда Востокъ съ эллинскимъ міромъ. И самое названіе Оивъ, и легенда объ Эдипѣ

и сфинксы — невольно напоминают Египетъ. И, быть можетъ, правъ проф. Группе, что истоки эллинской культуры на Востоке.

Уже одно мѣстоположеніе Оивы указываетъ на ихъ древнее происхожденіе; какъ Афины, она далеко расположена отъ моря и имѣютъ какъ бы природный, естественный кремль, называемый Кадмеей. Теперешній городъ весь умѣстился на Кадмее; Оивы никогда не оправились отъ разрушенія въ IV вѣкѣ до Р. Хр. великимъ македонскимъ завоевателемъ.

Рис. № 3. Оивы. Видъ отъ вокзала.

Семивратныя Оивы! Уже античная исторія застаётъ ихъ второстепеннымъ греческимъ городомъ. Ихъ расцвѣтъ относится къ легендарнымъ временамъ Орхоменскаго государства, временамъ похода аргонавтовъ. Тогда, говорить то же преданіе, могучій выходецъ изъ Финикіи распространилъ свое господство надъ всей Беотіей, и покорилъ грозныхъ жителей Орхомена.

Правда, въ четвертомъ вѣкѣ до нашей эры, силой генія двухъ личностей, Оивы снова возвысились и даже стали во главѣ эллинскихъ государствъ. Но ихъ гегемонія не была прочной: Пелопидъ и Епаминондъ погибаютъ какъ побѣдители, какъ герои, — и разсы-

палась эфемерная мощь Оивъ... Всегда Оивы тяготѣли къ Востоку—это доказываетъ и ихъ измѣническая по отношенію къ грекамъ политика во время Персидскихъ войнъ, и ихъ связи съ Сузами во время ихъ гегемоніи. И, повидимому, это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на загадочное негреческое происхожденіе этого города.

Прелесть Оивъ заключается въ живописной мѣстности, обрамленной панорамой горъ. На югѣ синеватый Кивоеронъ, жилище Эринній, священное мѣсто Діонисовскаго культа. Западнѣе возвышается любимый музами Геликонъ, до половины заросшій лѣсомъ. Далѣе столпились дельфійскія горы; надъ ними главенствуетъ снѣговой Парнасъ, жилище свѣтлаго Аполлона.

На сѣверѣ блещитъ Копандское озеро, окруженное горами. О нихъ еще будетъ рѣчь впереди. Тамъ—область древняго Орхоменскаго царства. Восточнѣе раскинулись горы Евбея и аттический Парнетъ, откуда лежалъ путь.

За двѣ драхмы я нашель въ *Ξενοδοχεῖον τοῦ Κάδμου*, гостиницѣ Кадма, комнату—и ночлегъ обезпеченъ. Пока еще свѣтло, пройдемъ по этому интересному городу. Всюду тѣнистыя улицы—аллеи съ много-говорящими названіями: *Ὁδὸς Ἐπαμεινώνδου*, *Πυθαγόρου*, *Ἀντιγόνης*... Всѣ онѣ обсажены акаціями и платанами; ихъ вѣтки сплелись вверху и въ сумеркахъ здѣсь темно. По обѣимъ сторонамъ улицъ журчатъ потоки ключевой воды—это Кадмъ провелъ ее съ ближайшихъ горъ. Но улица живетъ. Всюду вы встрѣчаете то степенныхъ грековъ въ бѣлыхъ національныхъ фустанеллахъ—юбочкахъ, съ пистолетами у пояса, то красивыхъ загорѣлыхъ подростковъ. Всѣ съ любопытствомъ васъ оглядываютъ и привѣтствуютъ ласковымъ *(ὁ) γεια σου*—*jassu* (будь здоровъ).

Почти ничего не осталось отъ древнихъ Оивъ, кромѣ мѣстности и названій.

Правда, Археологическое Общество въ 1906 году нашло здѣсь слѣды дворца микенской эпохи, и часть стѣнъ съ приблизительнымъ расположеніемъ воротъ.

Въ сѣверной части Кадмеи, у средневѣковой башни, находится музей, гдѣ, кромѣ безчисленнаго множества надгробій, саркофаговъ и разбитыхъ вазъ, интересенъ Херонейскій левъ, недавно перевезенный со своего мѣста. Поставленный въ отдѣльномъ помѣщеніи,

онъ представляетъ внушительное зрѣлище. Вообразите сидящаго льва, высѣченнаго изъ бѣлаго камня вышиной до десятка метровъ.

На третій день я отправился далѣе. Боль въ ногѣ прекратилась и я рѣшилъ пѣшкомъ идти въ Ливадию.

Дорога шла по беотійской низменности, кое-гдѣ прерываемой горными кряжами. Уже къ вечеру, послѣ цѣлаго дня пути почти безъ остановокъ, я входилъ въ Ливадиc, гдѣ древле былъ Трофонскій оракулъ. Почти 40 километровъ отдѣляютъ Оивы отъ Ливади; но ровная, прекрасная дорога (нѣсколько похожая на крымское шоссе) помогла преодолѣть въ одинъ день это разстоянiе.

Городъ Ливадиá имѣетъ 6¹/₂ тысячъ жителей; онъ живописно расположенъ у подножiя скалистаго Лафистiона, увѣнчаннаго руинами средневѣковаго замка. Бурная, стремительная рѣка Геркина течетъ среди города, приводя въ движенiе мельницы и доставляя электрическую энергiю для освѣщенiя. Культурный, чистый городокъ, центръ хлопчатобумажнаго производства средней Греции. Первое, что поражаетъ взоръ—огромное число плѣнныхъ турокъ и греческихъ солдатъ. Чтобы найти гостиницу, я обратился съ просьбой къ первому попавшемуся офицеру, который оказался кѣмъ то въ родѣ полицiймейстера Ливади. Любезно распросилъ онъ меня, кто я, откуда, и очень обрадовался, узнавъ, что я русскiй, „Ρωσσία εἶνε ἡ ἀδελφή τῆς Ἑλλάδος“—«Россiя сестра Эллады», сказалъ онъ, дружески пожимая руку. Затѣмъ онъ позвалъ солдата и велѣлъ меня отвести въ гостиницу «Аверовъ».

Привѣтливость и радушiе греческаго населенiя къ иностранцамъ много облегчаетъ путешествiе. До сихъ поръ слово „ξένος“ означаетъ не только чужестранца, но и гостя. И обращаются съ вами, какъ съ гостемъ. Всякiй прохожiй привѣтствуетъ васъ ласковымъ „(ὁ) γειά σου“—«здоровья» или „καλό ταξίδι“—«добрый путь!». Въ глуши Греции вы еще встрѣтите пастуховъ и поселянъ, которые живо напоминаютъ знакомыя античныя лица.

На слѣдующее утро, ясное и солнечное, я отправился осмотрѣть столицу Мивiйскаго царства—Орхомень. Сначала дорогу обступаютъ невысокiя горы, со слѣдами средневѣковыхъ башенъ. Затѣмъ, перейдя желѣзную дорогу, вы вступаете въ предѣлы бывшаго Копайдскаго озера, теперь почти осушеннаго. То тамъ, то здѣсь

блестять осушительные каналы. Уже издали налѣво видна гора Аконтіонъ и на ней, въ видѣ маленькой точки—орхоменскій акрополь. Вдали, прямо передъ вами дома бѣднаго греческаго селенія Скрипу. Вы—въ предѣлахъ древнаго Копайдскаго озера.

Копайдское озеро и Орхомень¹⁾.

Берега Копайса усеяны загадочными циклопическими постройками, состоящими изъ сложенныхъ каменныхъ глыбъ. Уже древніе забыли объ ихъ строителяхъ и создали легенду о жившихъ здѣсь гигантахъ. Копайдское озеро занимало нѣкогда обширное пространство. Древнее минійское племя, жившее за два или три тысячелѣтія до Р. Хр., пыталось регулировать, какъ египтяне, воды своего озера. Работы по осушенію Копайса, предпринятыя въ 1883 году инженеромъ М. Камбанисомъ, обнаружили три древнихъ канала для отвода воды черезъ подземныя расщелины (катавотры) въ море²⁾. Теперь озеро, въ значительной степени осушенное, окружаетъ весь сѣверо-западъ горы Аконтіона.

Когда вы пройдете деревню Скрипу и съ сѣверной стороны начнете подниматься на акрополь, вы наталкиваетесь прежде всего на раскопанный дворецъ ранней микенской эпохи. Орхоменскія раскопки Шлимана, Дерпфельда и Булле 1903-го и 1905-го года нашли здѣсь пять культурныхъ слоевъ, указывающихъ на нѣсколько бывшихъ здѣсь поселеній. (Рис. № 4).

Возлѣ горы, недалеко отъ монастыря Богородицы была откопана такъ называемая Сокровищница царя Мипія (τὸ Θησαυροφυλάκιον τοῦ Μιπῆου); — круглый *Θόλος* снабженъ помѣщеніемъ для саркофаговъ. Широкій входъ, или „*δρόμος*“, выложенъ большими глыбами мрамора. Отъ сокровищницы къ вершинѣ акрополя идутъ древнія стѣны, опоясывавшія, повидимому, весь городъ. Акрополь, расположенный на склонѣ Аконтіона, сложенъ изъ колоссальныхъ глыбъ. Лѣстница, высѣченная въ скалѣ, ведетъ къ площадкѣ со стѣной прочной и красивой кладки.

¹⁾ Интересенъ альбомъ снимковъ и плановъ съ объяснительнымъ текстомъ составлен. *Bulle. Orchomenes. Die älteren Ansiedelungsschichten.* München 1907.

²⁾ *M. Cambanis. Le desséchement du Lac-Copaïs par les anciens.* Bull. de Corresp. hellen. XVI. 1892, стр. 121; XVII. 1893 стр. 322.

Отсюда очень красивый видъ на Беотію. На востокѣ и западѣ подъ вами блеститъ поросшій тростникомъ Копансъ. Южнѣе—въ воздушной перспективѣ видны Киѳеронъ и Геликонъ. На западѣ цѣпь горъ замыкаетъ снѣговой Парнасъ.

Осмотрѣвъ акрополь, я направился въ сопровожденіи школьниковъ по лѣвому склону Аконтіона; тамъ у озера долженъ находиться знаменитый источникъ харитъ, древняя Акидалія. Не доходя до него я вдругъ увидѣлъ, изумленный, странную картину. На

Рис. № 4. Орхомень (Беотійскій). Видъ на акрополь.

глубинѣ 4—5 саженой, въ проточной водѣ Копанса виднѣются мраморные обломки колоннъ, алтарей; еще нерушимой стоитъ дверь въ это подводное святилище. «Что это такое?» изумленно спросилъ я мальчика-грека. «Ναὸς τῶν Νυμφῶν» — «Храмъ Нимфъ» — отвѣтилъ онъ. Чтобы лучше убѣдиться и разглядѣть этотъ диковинный подводный храмъ, я началъ рискованный спускъ. Вся гора была изрыта странными искусственными отверстиями, какъ будто вѣкогда она вся была одѣта мраморомъ.

Цѣпляясь за нихъ, можно спуститься ниже и, повиснувъ надъ водой, лучше разглядѣть это мѣсто. Что это такое? Залитый храмъ

или такъ устроенный для культа нимфъ? Ни Павсанія, ни Бедекеръ не могли ничего сказать объ этомъ интересномъ святилищѣ.

Спустившись внизъ, мы по плотинѣ сначала достигли источника Акидалии, гдѣ есть нѣкоторые слѣды древняго храма. Затѣмъ по плотинѣ же, кое-гдѣ залитой выступившими водами озера, мы пришли въ деревню Скрипу.

Сама по себѣ, деревня представляетъ мало интереснаго; убогіе крестьянскіе домики, нѣсколько кофеенъ и ресторанъ. Но вниманіе привлекаютъ церкви. Въ Скрипу есть нѣсколько крохотныхъ византийскихъ церквей. Входите. Тишина и полумракъ. Древняя византийская живопись глядитъ со стѣнъ и потолка.

Часовъ въ пять по полудни я покинулъ эти легендарныя мѣста и направился назадъ въ Ливадію. Прямо впереди дороги виденъ Геликонъ, родина музъ. Въ его отрогахъ прячется Ливадія. Часамъ къ девяти я возвратился въ гостиницу «Аверовъ», чтобы на завтра отправиться въ дальнѣйшее странствованіе.

На слѣдующее утро я вышелъ изъ Ливадіи по дорогѣ въ Дельфы. Пустынная, однообразная дорога по горамъ. То вы ныряете въ долину, то снова взбираетесь на отроги сначала Геликона, затѣмъ Парнасса. Пока тянется этотъ монотонный путь—вспомнимъ о священныхъ Дельфахъ, о значеніи ихъ для древняго эллина.

Нѣкогда, говоритъ дельфійская богословская легенда, въ этихъ мѣстахъ обитало грозное чудовище Пифонъ. Но съ острава Делоса, на пятый день по рожденіи, приходитъ, перелетѣвъ на треножникъ море, свѣтлый Аполлонъ Дельфиніосъ. Чудовище имъ убито, темное начало побѣждено свѣтлымъ; но сребролукій богъ осквернилъ себя убійствомъ—и здѣсь, гдѣ еще тогда было святилище Плутона и оракулъ Гей—здѣсь долженъ былъ принять очищеніе Аполлонъ Дельфиніосъ, и далъ свое имя этому мѣсту: вмѣсто Пифо оно стало называться Дельфами... Между тѣмъ дорога уже шла по пустынному ущелью. Отсюда отвѣтвлялась тропинка на Парнассъ, въ городъ Арахова. На этомъ перекресткѣ, по гречески *σύντροφι*, Эдипъ по преданію убилъ своего отца. Вокругъ пустынно и мертво. Ни селенія, ни источника. Только мрачныя скалы и валуны. По такой дорогѣ надо пройти нѣсколько часовъ, все вверхъ, по отрогамъ Парнасса. Въ одномъ изъ ущелій высоко бѣлѣетъ могила храбраго

Іоанна Мегасть, уничтожившаго въ 1856 году заѣвшую здѣсь шайку разбойниковъ. Черезъ 9 часовъ пути отъ Ливадіи впервые попадаетея подорожный ресторанъ Земенѳ. Роскошный платанъ осѣняетъ источникъ. Словоохотливый, но суровый на видъ грекъ въ фустанеллѣ (юбочкѣ), съ пистолетами у пояса принесъ сыръ, баранину и кружку парнасскаго вина.

Но не всякій можетъ пить греческое вино, приправленное смолой рициной. Эта любовь грековъ къ рицинату восходить къ византійскимъ временамъ. Еще епископъ Ліутпрандъ, посоль при византійскомъ дворѣ, жалуется на невозможность пить греческое вино, приправленное рициной.

Уже поздно вечеромъ, утомленный, я пришелъ въ горный городокъ Арахова, расположенный подъ самой вершиной Парнасса.

Переночевавъ въ гостиницѣ любезнаго Андрея Вевеля, я на слѣдующій день отправился далѣе. Вскорѣ я увидѣлъ мрачное ущелье Федріадъ, въ которомъ находятся Дельфы.

Вдали бѣлѣло зданіе дельфійскаго музея.

Дельфы.

Грозныя, нависшія скалы. Мрачное ущелье, дождливое и туманное. На небольшой площадкѣ, вправо отъ дороги, на косогорѣ Федріадъ лежитъ откопанный французскими археологами священный участокъ Дельфъ. Здѣсь, изъ скалистой расѣлины вырывались сѣрные пары, одуряющіе сознаніе. Питоія, сидѣвшая надъ парами, бормотала безсвязныя слова—и древніе видѣли въ этомъ божественный голосъ. И неудивительно: здѣсь, въ этомъ мрачномъ ущельи, гдѣ со всѣхъ сторонъ надвинулись скалы, гдѣ почти всегда идетъ дождь или осѣдаетъ облако—здѣсь, дѣйствительно, душа человѣка явственнѣй чувствовала присутствіе божества. Эта стихійность и величественность природы Дельфъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ другихъ мѣстностей Греціи. Нѣкоторую параллель представляетъ Дарьяльское ущелье на Кавказѣ: и тамъ и здѣсь мрачность природы соединяется съ грандіозностью и величественностью.

И вотъ здѣсь, гдѣ, казалось, яснѣе слышенъ голосъ божественныхъ откровеній, здѣсь съ незапамятныхъ временъ уже существовало

святилище. Согласно мѣѳу, о которомъ мы уже говорили, Аполлонъ убилъ грозное, мрачное чудовище, жившее въ Федріадахъ. Въмѣсто Писона здѣсь воцарился свѣтлый богъ. Совѣтъ амфиктіоновъ, завѣдывавшій святилищемъ, еще въ древности постановилъ праздновать въ память этого событія Пивійскія игры. На протяженіи всей античной исторіи Дельфы играютъ видную роль, какъ посредникъ и объединитель греческихъ государствъ. Только въ IV в. по Р. Хр. Феодосій Великій положилъ конецъ культу Аполлона. Опустѣло оставленное святилище, а нарастающая земля скрыла его отъ хищныхъ взоровъ. Только въ XIX вѣкѣ ученые принялись за раскопку Дельфъ. Трудность этого предпріятія увеличивалась еще тѣмъ, что на мѣстѣ теменоса стояла греческая деревня Кастри. Но въ дѣло вмѣшалось французское правительство, ассигновавшее 2 милліона франковъ. Домъ за домомъ была скуплена вся деревня и построена въ другомъ мѣстѣ, немного отступя къ западу. Только тогда французскіе археологи (Вешеръ, Фукаръ, Госсулье) могли приступить къ раскопкамъ священнаго участка.

Теперь Дельфы совершенно откопаны, и каждый можетъ по фундаментамъ и др. остаткамъ провѣрить описаніе «Бедекера древности» — Павсаніа, посѣтившаго Дельфы во II вѣкѣ нашей эры.

Весь теменосъ обнесенъ стѣной. Въ юго восточномъ углу находятся главные ворота, отъ которыхъ къ главному храму Дельфъ — святилищу Аполлона Савроктонъ ведетъ широкая *Ἱερά Ὁδός* — священная дорога, выложенная огромными каменными плитами.

Сначала, до перваго поворота, дорога идетъ мимо сокровищницъ греческихъ государствъ, дошедшихъ только въ фундаментахъ, и мимо даровъ — посвященій аргивянъ. Всюду видны ниши и pedestals отъ увезенныхъ или разбитыхъ статуй. Въ Дельфахъ, по среднему подсчету, было 3500 статуй! Возлѣ сокровищницы аоніянъ — единственной, почти цѣликомъ реставрированной, дорога дѣлаетъ поворотъ и идетъ направо вверхъ. Всюду масса разбитыхъ колоннъ, открытыхъ фундаментовъ, поросшихъ чахлой травой. Все это производитъ неизгладимое впечатлѣніе; надо припятъ во вниманіе, что надъ всѣми этими руинами, этимъ бѣлымъ мраморомъ нависаютъ сѣрыя, мрачныя Федріады. Священная дорога подходитъ вплотную къ террасѣ, на которой стоитъ храмъ Аполлона. Къ этой террасѣ, сложенной

полигонально изъ каменныхъ глыбъ, примыкаетъ хорошо сохранив-
шійся портикъ аонянъ. Еще можно прочесть посвященіе богу,
начертанное гигантскими архаическими буквами.

Дорога все время идетъ вверхъ. Обогнувъ первую терассу, она
идетъ параллельно съ нею и достигаетъ высоты святилища Аполлона.
Возлѣ храма, не доходя до него, на глыбѣ пороса можно прочесть
посвященіе хіосцевъ: ΧΙΟΙ ΑΠΟΔΔΩΝΙ ΤΟΝ ΒΟΜΟΝ — здѣсь нѣ-
когда стоялъ жертвенникъ Аполлону. На другой сторонѣ дороги,

Рис. № 5. Дельфы. Священная дорога.

среди хаоса фундаментовъ ясно видно круглое подножіе памятника
Платейской битвы, — часть котораго теперь стоитъ въ Константино-
полѣ, на Ипподромѣ. Памятникъ представлялъ змѣевидную колонну,
наверху которой стоялъ треножникъ. «Послѣ платейской побѣды,
говоритъ Геродотъ, (IX, 81) эллины отдѣлили десятую часть для
дельфійскаго божества и на нее пожертвованъ былъ золотой тре-
ножникъ, тотъ, который стоитъ на трехголовой мѣдной змѣѣ очень
близко къ жертвеннику». (Рис. № 5).

Обогнувъ жертвенникъ хіосцевъ, Священная дорога приводитъ
къ храму Аполлона, центру всего теменоса. По своему положенію

и величинѣ онъ превосходитъ всѣ остальные зданія священнаго участка. Храмъ былъ построенъ въ VI вѣкѣ до нашей эры и имѣлъ 6×15 дорическихъ колоннъ. Въ центрѣ святилища находился знаменитый срединный камень *Ὀμφαλός*. Однажды, говорить мнѣ, отецъ боговъ и людей захотѣлъ узнать центръ земли. Для этого съ ея крайнихъ предѣловъ (видъ земли, думали древніе, вытянутый кругъ, обтекаемый Океаномъ) онъ пустилъ двухъ орловъ, которые прилетѣли одновременно въ Дельфы къ этому камню. Здѣсь сердце міра... Западная часть храма, такъ назыв. адитонъ, заключала то святая святыхъ, гдѣ изъ расщелины вырывались сѣрные пары.

Выше храма откопанъ театръ, слегка напоминающій афинскій. Кромѣ того, на священномъ участкѣ открыто множество фундаментовъ зданій, назначеніе которыхъ не всегда можно установить съ достовѣрностью.

Осмотрѣвъ теменосъ, я вышелъ черезъ тѣ же главные ворота и попалъ въ цѣлый лабиринтъ откопанныхъ построекъ, дворовъ и погребовъ. Ходить здѣсь не безопасно: того и гляди упадешь въ подземелье, которыхъ здѣсь немало. Кое-какъ по тропинкѣ я выбрался на дорогу и направился въ ущелье, откуда течетъ знаменитый Кастальскій ключъ.

Со всѣхъ сторонъ скалы. Небо сдѣлалось еще болѣе хмурымъ и началъ моросить дождь. Внизу, въ глубинѣ ущелья красиво застряло облако. Возлѣ крохотной каплички св. Іоанна находится Касталія. До сихъ поръ струится холодная влага, нѣкогда очищавшая приходившихъ къ Аполлону. Если пройти вдоль ручейка, текущаго изъ ущелья, то направо замѣтны вырубленные въ скалѣ ниши, а подъ ними,—остатки древняго бассейна, до сихъ поръ полного воды. Именно здѣсь, по преданію, принималъ очищеніе убійца Писона и здѣсь же очищались приходившіе къ богу...

По дорогѣ, которую указываетъ тотъ же ручеекъ, я направился въ узкое мрачное ущелье, гдѣ обиталъ Писонъ. Метра два шириной, оно идетъ далеко вглубь; кое-гдѣ видны слѣды лѣстнички, вырубленной въ скалѣ. Наверху чернѣютъ чахлая сосенки, окутанныя легкимъ облакомъ. Оно спустится скоро и сюда...

Недалеко отъ Касталіи расположенъ священный участокъ—Мармаріа. Здѣсь находится нѣсколько древнихъ святилищъ, посвященныхъ мѣстной Аѳинѣ.

Вблизи раскопок находится небольшой музей. Здѣсь хранятся всѣ находки, представляющія наибольшую цѣнность. Среди нихъ нельзя не отмѣтить бронзового возницу — даръ Полизала, побѣдившаго на играхъ¹⁾. Здѣсь же хранится алтарь Аполлона, Срединный камень и мн. др.

Въ Кастри, въ пансіонѣ любезнаго Параскева я прожилъ два дня. На третій я собрался въ дальнѣйшій путь. Мнѣ предстояло пересѣчь знаменитую въ древности по Священнымъ войнамъ Крисейскую долину и прійти въ приморскій городокъ Итеа къ приходу парохода на Патры. Сначала дорога вьется по склонамъ Федриадъ, мимо мѣстъ, гдѣ стояли нѣкогда цвѣтущіе города. Куча безформенныхъ камней указываетъ на мѣстоположеніе города Дельфы. Дорога, далѣе, идетъ черезъ цвѣтущую деревню Хрисо, расположенную на развалинахъ древней Криссы. Затѣмъ ровная тѣнистая дорога идетъ по Крисейской долинѣ, мимо оливковыхъ деревьевъ. Долина окаймлена горами, а сверху ярко и привѣтно свѣтитъ теплое южное солнце. Темная и мрачная обитель Аполлона осталась позади...

Итеа, куда я пришелъ, черезъ 3 часа — маленькій приморскій городокъ. Широкія улицы — дороги. Одноэтажные дома. А за ними синѣетъ Коринѳскій заливъ, окаймленный снѣговыми горами Пелопонниса. Къ вечеру пришелъ небольшой греческій пароходъ, къ ночи доставившій меня въ Патры. Долго любовался я съ моря красивымъ снѣговымъ Парнассомъ, пріютившемъ у себя мрачныя Дельфы.

Пелопоннисъ.

Патры.

Только поздно вечеромъ сверкнулъ вдали Патрасскій маякъ. Была свѣтлая прохладная ночь. До горизонта бѣжала въ море лунная дорожка и какъ-то фосфорически блестялъ снѣгъ на прибрежныхъ горахъ. Часамъ къ одиннадцати вечера мы увидали огоньки Патръ и вскорѣ уже входили въ гавань. Патры второй городъ послѣ Аѳинъ и очень живописенъ на фонѣ снѣговыхъ горъ.

¹⁾ Принадлежность дара этому имени — не вполне достоверна.

Гостепріимный Параскева, у котораго я жилъ въ Кастри снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ своему другу, содержанию патрасской гостиницы Hotel de l'Angleterre.

Здѣсь меня приняли какъ знакомаго, съ чисто эллинскимъ радушіемъ. Патры насчитываютъ 40.000 жителей и имѣютъ видъ небольшого, но довольно чистаго, приморскаго городка. Тѣ же безчисленныя кофейни и кондитерскія, къ которымъ такъ привыкъ глазъ въ Афинахъ.

Особенно живописенъ моль, съ котораго открывается морской горизонтъ Коринѣскаго залива. На слѣдующее утро съ раннимъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Олимпію. Шесть часовъ пути проходитъ незамѣтно. Поѣздъ мчится по сочнымъ, живописнымъ лугамъ Ахайи, оканчивающимся на югѣ снѣговымъ Эрманоомъ. За Ахайей начинается Элида. Всюду растительность и холмистыя невысокія горы. Часовъ въ одиннадцать утра поѣздъ подходит къ станціи «Олимпія».

Олимпія.

Какая разница съ Дельфами! Ни горъ, ни ущелій,—мягкій пасторальный ландшафтъ. Долина Алфея и Кладея, въ которой находится Олимпія, ограничена цѣпью невысокихъ горъ, большей частью поросшихъ кустарникомъ. И здѣсь, среди высокихъ и развѣсистыхъ пинній находятся развалины храмовъ, палестръ, гимнасій. Еще не все откопано — и получается впечатлѣніе, что земля рождаетъ стѣны, выходящія изъ слоя почвы, нанесенной Алфеемъ. Дѣло въ томъ, что съ торжествомъ христіанства Олимпія была забыта, землетрясеніе разрушило храмы, а Алфей, измѣнившій свое обычное русло, сталъ заносить иломъ священный теменось. И только въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія (1875—1881) нѣмецкой ученой экспедиціей были произведены раскопки, увѣнчавшіяся блестящими результатами для науки: были открыты фундаменты всѣхъ олимпійскихъ зданій, множество памятниковъ искусства, надписей и проч.¹⁾ Все это находилось почти на двухсаженной глубинѣ!

¹⁾ См. изданіе *Куртуса* «Олимпія»; *Luckenbach*, Olympia u. Delphi — München u. Berlin 1904; *Ch. Diehl*, Excursions archeol. en Grèce, стр. 203 слл.

Олимпія знаменита своими празднествами въ честь Зевса и нѣкоторыхъ мѣстныхъ героевъ — Геракла и Пелопса. Празднества, происходившія черезъ четыре года, сопровождались играми, побѣда на которыхъ считалась величайшею честью для эллина. Установили эти состязанія, говоритъ преданіе, идейскій Гераклъ. Другое преданіе связываетъ установленіе игръ съ именемъ Пелопса. Нѣкогда, говоритъ мифъ, здѣсь жилъ грозный царь Ойномай, имѣвшій дочь Гипподамію. Домогавшимся руки его дочери онъ предлагалъ конное состязаніе съ собой; съ побѣдой получить счастливый руку невѣсты. Но обычно, во время пути Ойномай сбрасывалъ жениховъ въ пропасть. Однажды къ нему пришелъ юноша Пелопсъ, прося руки Гипподаміи. Ойномай предложилъ то же условіе; герой согласился, но... самъ Ойномай сброшенъ въ пропасть подкупленнымъ возницей. Гипподамія сдѣлалась женой побѣдителя, а съ тѣхъ поръ, гласитъ легенда, было установлено почитаніе Пелопса, какъ прообраза олимпійскихъ побѣдителей.

Изъ отеля, гдѣ я поселился, узкая дорожка ведетъ мимо музея черезъ поле къ священному участку. По легкому деревянному мостику переходите Кладей, почти высохшій. Налѣво чернѣетъ поросшій пинніями холмъ Кроноса. Подъ нимъ находятся раскопки. Вниманіе разсѣивается огромнымъ количествомъ фундаментовъ, разбитыхъ на части колоннъ, пьедесталовъ и обломковъ статуй.

Священный округъ вмѣщалъ въ себѣ три главныхъ святилища: Зевса, Геры и Матери боговъ. Внѣ теменоса, огражденнаго стѣной и портиками, находится множество откопанныхъ зданій, какъ на примѣръ Булевтерій, Леонидеснъ, Палестра и Гимнасій. Тамъ и сямъ разбросаны длинные портики.

Обозрѣвая раскопки, остановимся на двухъ наиболѣе замѣчательныхъ памятникахъ Олимпіи — храмѣ Зевса и Геры.

Храмъ Зевса Олимпійца дошелъ до насъ въ разрушенномъ состояніи. Сохранился огромный фундаментъ изъ пороса, а рядомъ лежатъ въ безпорядкѣ поверженные, разбитыя колонны, сваленныя землетрясеніемъ. Жутко смотрѣть на зрѣлище стихійной силы. Огромныя дорическія колонны распались на барабаны, далеко откатившіеся отъ храма. Среди нихъ поросла трава и чахлый кустарникъ. Самъ храмъ по своей величинѣ занимаетъ первое мѣсто

въ священномъ участкѣ. Построенный въ V в. до Р. Хр. онъ имѣлъ 6×13 дорическихъ колоннъ. Внутри стояла знаменитая статуя Зевса изъ золота и слоновой кости работы Фидіа.

Сѣвернѣ Зевсова храма у холма Кроноса находится Гѣрайонъ. Весь заросшій пинніями, онъ очень красивъ сочетаніемъ деревьевъ съ темнымъ поросомъ, изъ котораго воздвигнуто святилище. Въ Олимпіи вы почти не встрѣтите мрамора; такъ какъ храмы, почти всегда штукатурились и всегда раскрашивались, то не важно было, изъ какого матеріала они созидались. Если не было подъ руками мрамора, пользовались болѣе грубымъ камнемъ — поросомъ. Такъ было и здѣсь. И это обстоятельство придаетъ олимпійскимъ развалинамъ особый оттѣнокъ: мрачные, сѣрые, почти черные камни въ тѣни развѣсистыхъ пинній — картина, неизгладимо остающаяся въ памяти. Святилище Геры считается однимъ изъ древнѣйшихъ греческихъ храмовъ и это доказываетъ одинъ домыселъ археолога Дерифельда.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ храмѣ изъ кусковъ можно воссоздать только нижнюю часть. Выше извѣстнаго уровня и цела и колонны какъ бы обрѣзаны — и нигдѣ нѣтъ недостающихъ частей. А слой зеленоватой глины, покрывавшій внутренность храма, наводитъ на мысль, что верхняя часть его была сдѣлана изъ необожженной глины, размякшей въ послѣдствіи отъ дождей. Кромѣ того, колонны, окружавшія храмъ, неодинаковой величины. И это обстоятельство, по свидѣтельству Павсаниа, говоритъ о древности храма: первыя колонны были изъ дерева и по мѣрѣ сгниванія замѣнялись каменными; замѣна происходила въ разные эпохи, отсюда и разница въ колоннахъ.

Между храмомъ Зевса и Геры откопанъ изящный круглый храмъ іоническаго стиля. Въ противовѣсъ чернымъ развалинамъ Зевсова храма и Герайона Филиппіонъ, — такъ называется этотъ памятникъ, радуется взоръ бѣлизной мрамора. Его выстроилъ Филиппъ II Македонскій въ память побѣды при Херонѣ (IV в. до Р. Хр.).

Это — памятникъ гибели греческой свободы.

Весь священный участокъ устланъ фундаментами древнихъ святилищъ и сокровищницъ. Но осмотрѣ ихъ, я по пути зашелъ въ музей. Здѣсь собраны всѣ предметы, найденные при раскопкахъ.

Благодаря илу Алфея, упавшіе фронтоны храма Зевса не разбились окончательно и, возсозданные, помѣщены въ главномъ залѣ музея. На восточномъ фронтонѣ представлена сцена договора Ойномая съ Пелопсомъ, моментъ ихъ клятвы. По обѣ стороны центральной фигуры Зевса стоятъ кланущіеся. За ними—прекрасная Гипподамія и ея мать. Уже готовы колесницы для состязанія и возлѣ каждой возницы. И въ этомъ каменномъ молчаніи пяти обособленныхъ вертикалей есть что-то въ высшей степени трагическое. Каждый изъ нихъ занятъ собственными мыслями. Художникъ съумѣлъ изобразить это неумовимое настроеніе. Мы чувствуемъ, что участь одного изъ нихъ рѣшена. На западномъ фронтонѣ представлена битва кентавровъ съ лапидами. Лапиды на свою свадьбу пригласили кентавровъ. Пьяные они напали на пѣвѣсть лапидовъ. Завязалась борьба, въ которую вмѣшались женихи. Этотъ моментъ и представилъ художникъ. Отъ всей композиціи вѣетъ необычайной силой. Посреди дерущихся спокойно стоитъ центральная фигура Аполлона.

Черезъ главный залъ проходите въ меньшій и передъ вами Гермесъ Праксителя. Изваянный изъ желтоватаго, чуть-чуть золотистаго мрамора, богъ держитъ на рукахъ крохотнаго Діониса и силится забавлять ребенка. На губахъ Гермеса лежитъ снисходительная улыбка, — а Діонисъ тянется рученками къ виноградной лозѣ.

Осмотрѣвъ музей, я уѣхалъ изъ Олимпіи черезъ Патры, Коринѳъ, Мегару въ Аѣны.

Огдохнувъ нѣсколькой дней, я собрался въ обратный путь — въ Россію. Свачала я предполагалъ уѣхать на пароходѣ «Сенегаль» компаніи Messageries Maritimes. Но финансовыя осложненія заставили отложить отъѣздъ. И это было къ лучшему. Пароходъ «Сенегаль» наскочилъ въ Смирнскомъ заливѣ на турецкую мину и взорвался.

Черезъ три дня, благодаря любезности аѣнскаго профессора г. Адамантіи Адамандіу, денежный инцидентъ былъ улаженъ, и я сѣлъ на русскій пароходъ «Аѣонъ». Но при мнѣ въ Смирнѣ случился эпизодъ, едва не стоившій намъ жизни.

Изъ Пирея мы выѣхали вечеромъ. На утро, во время завтрака, я услышалъ про гибель «Сенегала» и, желая узнать поближе, вышелъ

на палубу. Мы находились въ Смирнскомъ заливѣ. Направо, возлѣ французскаго броненосца, лежалъ въ водѣ разбитый «Сенегаль». Мина ударила въ носъ и развернула бортъ метровъ на 10. Въ это время навстрѣчу намъ показался небольшой пароходъ подъ американскимъ флагомъ, шедшій изъ Смирны. Пароходъ взялъ слегка вправо, давая мѣсто нашему огромному судну. Но не успѣлъ онъ отъ насъ отойти и десяти саженой, какъ мы услышали глухой взрывъ, столбъ дыма, досокъ и людей, взметенныхъ на большую высоту, пароходъ на нашихъ глазахъ раскололся и черезъ двѣ или три минуты исчезъ подъ водою. Мы не успѣли опомниться, броситься на помощь. Тѣ, кто не былъ убитъ или оглушенъ взрывомъ, нашли гибель въ волнахъ. При этой катастрофѣ, какъ мы узнали послѣ, погибло 98 человѣкъ! Правда, около 70 человѣкъ подобралъ французскій броненосецъ—но въ какомъ состояніи! Контуженные силой взрыва, частью съ оторванными частями тѣла, почти всѣ калѣки.

Картина гибели усиливалась тѣмъ, что на берегу еще находились родные и друзья, провожавшіе погибшихъ; на ихъ глазахъ произошла катастрофа.

Потрясенные присшедшимъ, мы полнымъ ходомъ направились въ Смирну и здѣсь узнали другую новость: мы спаслись только чудомъ. Оказывается и «Сенегаль», погибшій три дня назадъ, и «Невада», погибшая на нашихъ глазахъ, явились жертвами турецкой небрежности. Восемь минъ сорвалось съ якорей и плавали по заливу. На нихъ наткнулись оба парохода. Вслѣдствіе этого, Смирна была объявлена временно закрытой для входа и выхода судовъ, пока турки не очистятъ проходъ. Четыре дня простояли мы арестованными. Пользуясь этимъ, я болѣе подробно смогъ осмотрѣть городъ.

Смирна—одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Востока. Подъѣзжая съ моря, вы видите на фонѣ далекихъ горъ живописно раскинувшійся городъ, увѣнчанный вверху развалинами древняго акрополя.

Узкія кривыя улицы, иногда сплошь перекрытыя крышей. Множество ковровыхъ магазиновъ. Что-то сказочное есть въ созерцаніи тысячъ показываемыхъ тканей и ковровъ. Смирна торговый центръ Востока и славится именно коврами. По набережной тянется конный трамвай, привозящій васъ къ горѣ, гдѣ расположено мусульманское кладбище. Оно очень красиво, обсаженное кипарисами и

платанами. Отсюда прекрасный видъ на расположенный внизу городъ, на широкій смирскій рейдъ. Заливъ замыкають мощные горные кряжи. Направо на горизонтѣ легендарный Сипиль. Съ нимъ связано имя царицы Ніобы. Мнѣ передаетъ, какъ дочь малоазійскаго царя Тантала, оиванская царица Ніоба возгордилась своимъ смертнымъ счастьемъ и разогнала оиванокъ, хотѣвшихъ привести жертвы Латонѣ. Чѣмъ хуже Ніоба Латоны? Не четырнадцать ли дѣтей у нея, тогда какъ у богини только двое? Но разгнѣванная Латона велитъ этимъ двоимъ—Аполлону и Артемидѣ—наказать гордую царицу. Безжалостныя стрѣлы безсмертныхъ губятъ одного за другимъ цвѣтущихъ сыновей и дочерей Ніобы. И сама царица, не выдержавъ горя, превращается въ камень—и боги переносятъ ее сюда, на родимый Сипиль. Здѣсь родина такихъ жестокихъ сказаній.

Подъ горою внизу Смирна. Изъ массы домовъ тамъ и здѣсь высится стройный минаретъ съ полумѣсяцемъ.

И долго бродилъ я по этому прелестному, экзотическому уголку Востока, гдѣ все ново, все заманчиво непривычному глазу.

Только на четвертый день къ вечеру было получено разрѣшеніе плыть дальше. Съ большой осторожностью шелъ пароходъ по опаснымъ мѣстамъ. Подъ водою были видны останки взорванной «Невады». Она погибла въ безопасномъ фарватерѣ, впереди буйковъ, обозначающихъ мины. Черезъ три дня плаванія мы уже подходили къ Одессѣ, гдѣ распространился было слухъ о гибели «Аеона».

Въ началѣ іюня я былъ уже въ Харьковѣ.

Заканчивая описаніе моего путешествія, спѣшу выразить глубокую признательность и благодарность профессору Θεодору Ивановичу Шмиту, много облегчившему мой путь. Какъ знатокъ Греціи, онъ предложилъ маршрутъ данной поѣздки, далъ много чрезвычайно цѣнныхъ совѣтовъ и снабдилъ письмомъ къ вышеупомянутому г. Адамандіу.

Константинъ Гриневичъ.

Происхожденіе эллинистическаго культа царей.

Однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ религіозно-политическихъ институтовъ древняго міра былъ тотъ культъ царствующаго монарха, который легъ въ основу государственной жизни народовъ эллинистической эпохи. Съ тѣхъ поръ, какъ на смѣну старымъ республиканскимъ формамъ античной государственности выступила абсолютная монархія съ ея бюрократической организаціей и претензіями на универсальное господство, — личность царя дѣлается основнымъ центромъ политической жизни и постепенно присваиваетъ себѣ всѣ тѣ прерогативы, которыя вѣкогда были неотъемлемой собственностью греческаго полиса. Безусловное самодержавіе водворяется не только въ образовавшихся изъ древняго царства Ахеменидовъ восточныхъ странахъ: въ собственной Греціи, тамъ, гдѣ еще недавно господствовали принципы высокой политической свободы, воля какаго-нибудь ничтожнаго діадоха значить теперь несравненно болѣе, чѣмъ всѣ параграфы вѣковой конституціи. Ни въ одну эпоху всемірно-историческаго развитія абсолютная монархія не достигаетъ такого полнаго расцвѣта, какъ это было въ эллинистическомъ мірѣ. Людовокъ XIV, съ его знаменитымъ принципомъ «*L'état c'est moi*» могъ бы позавидовать блестящему положенію своихъ древнихъ единомышленниковъ, такъ какъ, несмотря на все могущество французскаго короля, ему все-же не доставало того, чѣмъ были такъ сильны Птолемеи и Селевкиды, — полнаго господства надъ церковью. Въ средніе вѣка и на зарѣ новой исторіи монархъ править «Божьей милостью», которая легко можетъ отвернуться отъ своего помазанника, въ случаѣ если послѣдній дѣлается противникомъ духовенства. Въ эллинистическомъ мірѣ царю не угрожаетъ съ этой стороны

никакой опасности: онъ самъ богъ, и его воля должна быть священной для народа, независимо отъ его поступковъ. Какое-бы доминирующее значеніе въ исторической жизни даннаго народа ни имѣло жреческое сословіе, оно не можетъ быть опаснымъ для того монарха, который причисленъ къ лику боговъ и не знаетъ надъ собою другого, болѣе высшаго существа. Мало того: въ эллинистическихъ государствахъ жрецы царскаго культа были своего рода *архіереями*, верховными начальниками надъ всѣми другими священнослужителями. Такимъ образомъ, интересы высшаго духовенства были неразрывно связаны съ прочностью трона и, разумѣется, было-бы странно, если-бы жрецы возстали противъ собственнаго бога.

Обожествленіе личности царствующаго монарха не представляетъ собою чего либо безусловно новаго, свойственнаго исключительно эллинистической эпохѣ. Извѣстно, что культъ царей существовалъ съ древнѣйшихъ временъ тамъ, гдѣ онъ и впоследствии получилъ наиболѣе блестящее развитіе,—въ Египтѣ. Но,—что особенно характерно для эпохи эллинизма, — царскій культъ далеко перешагнулъ за предѣлы страны фараоновъ и сдѣлался постояннымъ атрибутомъ всѣхъ монархическихъ государствъ на побережьѣ Средиземнаго моря. Свободолюбивая Греція не только не противодѣйствуетъ побѣдоносному шествію новой идеи, но, напротивъ, является своего рода распространительницей царскаго культа и заноситъ его даже туда, гдѣ ранѣе не существовало ничего подобнаго, — напр., въ Сирію. Историкъ, привыкшій къ различнаго рода политическимъ метаморфозамъ, не можетъ, однако, не удивляться при видѣ той изумительной быстроты, какою сопровождался переворотъ въ государственной жизни древней Греціи, — переворотъ, приведшій къ полному уничтоженію политической свободы старыхъ временъ и безусловному торжеству восточнаго абсолютизма. Трудно повѣрить, чтобы тотъ самый Демосѳенъ, который еще недавно направлялъ громы и молніи противъ побѣдоноснаго царя Филиппа за его стремленіе къ господству надъ Греціей, черезъ какой нибудь десятокъ лѣтъ могъ совѣтовать афинянамъ согласиться на обожествленіе Александра, несмотря на то, что послѣдній въ то время не только издѣвался надъ греческой свободой, но явно стремился поработить Элладу и сдѣлать ее простой провинціей своей варварской монархіи. Прошло всего

какихъ-нибудь 15 лѣтъ послѣ смерти великаго аѳинскаго борца за свободу, когда его соотечественники, забывъ все прошлое величіе своей родины, толпились съ факелами въ рукахъ вокругъ Димитрія Полиоркета, провозглашая его богомъ-спасителемъ (θεὸς σωτήρ). Позднѣе, когда обожествленіе личности царя приняло официальный характеръ, греческіе подданные Египта, Сиріи, Пергама и другихъ эллинистическихъ государствъ точно такъ же, какъ и туземное население, были обязаны участвовать въ царскомъ культѣ, не говоря уже о томъ, что самыя формы этого культа имѣли, какъ мы увидимъ далѣе, чисто-эллинскій, а отнюдь не восточный характеръ. Это обстоятельство заставляетъ большинство современныхъ изслѣдователей смотрѣть на царскій культъ, какъ на чисто греческое созданіе, въ противоположность распространенному ранѣе въ исторической наукѣ взгляду, въ силу котораго обожествленіе царствующаго монарха было приписано торжеству восточныхъ традицій надъ міромъ умирающаго эллинизма. Еще Белохъ не рѣшается цѣликомъ отвергнуть воздѣйствія Востока на образованіе эллинистическаго культа; — обоготвореніе Александра было, по его мнѣнію, первымъ актомъ вліянія покореннаго населенія на побѣдителей и привело въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи къ торжеству византизма¹⁾. Совершенно противоположная точка зрѣнія была выставлена Корнеманомъ²⁾, по мнѣнію котораго царскій культъ въ своей первоначальной формѣ представлялъ собой не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе древне-греческаго почитанія героевъ, и инициатива въ введеніи этого культа принадлежала не Александру и діадохамъ, а самимъ грекамъ³⁾. Противъ этого взгляда возстаетъ Керстъ⁴⁾, который, однако, не отрицаетъ преобладающаго значенія греческихъ элементовъ въ первоначальной организаціи эллинистическаго культа, а расходится съ Корнеманомъ лишь въ томъ отношеніи, что не можетъ признать полнаго тождества между обожествленіемъ Александра и первыхъ діадоховъ съ одной стороны и древнимъ почитаніемъ ге-

¹⁾ Griechische Geschichte, III 1) стр. 51. См. также стр. 369 слл.

²⁾ Klio I (1901) стр. 52 и сл.

³⁾ Подобнаго же мнѣнія придерживается Ad. Bauer, Vom Griechentum zum Christentum (1910) стр. 61 и сл.

⁴⁾ Geschichte des hellenistischen Zeitalters II (1909) ст. 418. См. также Rh. Mus. т. 52 (1897) стр. 42 и сл.

роевъ съ другой. Царскій культъ въ эпоху эллинизма былъ съ точки зрѣнія Керста, лишь «дальнѣйшимъ развитіемъ религіозныхъ и политическихъ идей, коренящихся въ греческомъ міровоззрѣніи, но эти идеи получили совершенно своеобразный, отличный отъ древнихъ вѣрованій, характеръ. Обоженствленіе царствующаго монарха было непосредственнымъ результатомъ того могучаго индивидуалистическаго прогресса, въ силу котораго вѣра въ божественное начало государства смѣнилась вѣрою въ сверхчеловѣческую, богоподобную личность. Въ возникновеніи эллинистическаго культа рѣшающая роль принадлежитъ, такимъ образомъ, Греціи, но не той Греціи, которая извѣстна намъ подъ именемъ «классической», а новой, прошедшей черезъ призму культурно-политическаго процесса IV вѣка, обновленной и духовно-реформированной Элладѣ. Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ возникновеніи царскаго культа Греціи принадлежала несравненно болѣе рѣшающая роль, чѣмъ это предполагалось ранѣе, но съ другой стороны, едва-ли возможно совершенно отрицать вліяніе древне-восточныхъ традицій на обоготвореніе эллинистическихъ монарховъ. Нельзя, какъ намъ кажется, приписывать простой случайности тотъ въ высокой степени характерный фактъ, что наиболѣе блестящее развитіе официального культа царей имѣло мѣсто какъ разъ тамъ, гдѣ издревле существовала вѣра въ божественность монарха—въ Египтѣ. Съ другой стороны, по совершенно справедливому замѣчанію Вилькена ¹⁾, не случайно было и то обстоятельство, что въ единственной изъ эллинистическихъ монархій, возникшей не на восточной почвѣ, въ Македоніи, царскаго культа совершенно не существовало. Обоготвореніе личности царя представляетъ собою апоѳеозъ монархической идеи, а послѣдняя, внѣ всякаго сомнѣнія, родилась не на развалинахъ умирающаго полиса, а въ мірѣ тысячелѣтняго абсолютизма, на Востокѣ, и только оттуда совершила свое побѣдоносное шествіе на Западъ. Обыкновенно указываютъ, что обоготвореніе личности было не свойственно религіозному міросозерцанію восточныхъ народовъ, гдѣ между божествомъ съ одной стороны и человѣкомъ съ другой лежала непроходимая пропасть, между тѣмъ какъ

¹⁾ Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde von L. Mitteis und U. Wilcken (1912) I, стр. 98.

греческій антропоморфизмъ вполне допускалъ такое сближеніе. Греческіе боги не были творцами міра и, подобно простымъ смертнымъ, были рождены во времени; они не гнушались вступать въ связь съ земными дѣвушками, и дѣти отъ этихъ браковъ, какъ напр., Гераклъ, сами впослѣдствіи причислялись къ числу небожителей. Вѣра въ возможность вознесенія человѣка на небо, дѣйствительно, существовала въ Греціи, но она вовсе не была совершенно чужда и Востоку:—достаточно указать на извѣстное сказаніе объ Уть-Напиштимѣ, героѣ древне-вавилонскаго эпоса о Гильгамешѣ. Вообще, вѣра въ возможность близкаго единенія человѣка съ божествомъ исчезаетъ только въ томъ случаѣ, если религіозная система даннаго народа начинаетъ принимать монотеистическій характеръ, а послѣдній вовсе не представлялъ собою какую то исключительную особенность восточнаго міровоззрѣнія: изученіе эллинской философіи показываетъ, что въ религіозномъ міросозерцаніи Греціи монотеизмъ съ теченіемъ времени нашелъ, быть можетъ, болѣе совершенное выраженіе, чѣмъ это было на Востокѣ. Нельзя наконецъ говорить о какой то неизмѣримой пропасти между божествомъ и человѣкомъ на томъ самомъ Востокѣ, гдѣ обоготвореніе царя существовало съ древнѣйшихъ временъ и какъ нельзя болѣе импонировало общей монархической организаціи. Правда, мы не можемъ документально установить вліяніе древне-вавилонскаго культа царей на государственное устройство восточныхъ странъ позднѣйшаго времени, но при томъ огромномъ значеніи, которое выпало на долю древняго Вавилона, извѣстнаго рода психологическое воздѣйствіе представляется вполне правдоподобнымъ⁶⁾. Персидское государство не знало обоготворенія монарховъ, но то рабское преклоненіе (Προσκύνησις) подданныхъ передъ особою царя, которое было такъ отвратительно для свободолюбивыхъ эллиновъ, скорѣе могло содѣйствовать возникновенію эллинистическаго культа,

⁶⁾ Ср. Wendland, Die hellenistisch-römische Kultur in ihren Beziehungen zu Judentum und Christentum (1912) стр. 124. Впрочемъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что идея о царѣ-спасителѣ—*βασιλεὺς σωτήρ*—скорѣе греческаго, чѣмъ восточнаго происхожденія, какъ это неправильно предполагаетъ Winkler (Altorientalische Geschichts-auffassung стр. 64). Но дѣло идетъ здѣсь не о мессіанскомъ значеніи монархической власти, а о культѣ царей, какъ государственномъ учрежденіи, что, дѣйствительно, имѣло мѣсто въ древнемъ Вавилонѣ (Radau, Early Babylonian History стр. 307).

чѣмъ древне-греческое почитаніе героевъ⁷⁾. Мы не станемъ, наконецъ, указывать на то огромное вліяніе, которое, разсуждая а ргіогі, должны были оказать вѣковые устои египетской государственности на происхожденіе позднѣйшей идеи божественнаго начала монархической власти,—сама исторія возникновенія эллинистическаго культа не даетъ, какъ намъ кажется, права совершенно игнорировать египетскіе элементы въ процессѣ обоготворенія Александра Великаго и его преемниковъ.

Древне-восточная вѣра въ божественное происхожденіе царской власти не была чужда и Греціи въ начальный періодъ ея исторической жизни. Авторъ эпоса производитъ власть Агамемнона отъ самого Зевса:

«Да будетъ единый владыка,

Царь единый, которому Кроноса хитраго сыномъ

Скипетръ данъ и законы затѣмъ, чтобы царилъ онъ надъ нами».

Но въ ту эпоху царская власть доживала послѣдніе дни своего существованія и не имѣла уже никакого обаятельнаго ореола въ глазахъ подданныхъ. Выступившая на смѣну древней монархіи греческая аристократія точно также пыталась санкціонировать свое господство ссылками на божественное происхожденіе,—большинство знатныхъ родовъ выводилось теперь отъ боговъ и національных героевъ Эллады. Но несравненно болѣе важное значеніе имѣлъ тотъ культъ основателей городовъ (ἡρώες κτίσταις), который особенно распространялся среди дорическихъ племенъ. Алтарь героя находился обыкновенно на главной площади города, и всѣ граждане приносили на немъ свои жертвы⁸⁾. Но несмотря на широкое распространеніе героическаго культа среди греческихъ общинъ, дѣло никогда не доходило до почитанія живого человѣка и только въ эпоху упадка политической независимости Эллады можно констатировать нѣсколько случаевъ подобнаго рода. Такъ, по словамъ Плу-

⁷⁾ О различіи между проскинезой и царскимъ культомъ см. *Niese* (Hist. Zeitschr. т. 79, 1897, стр. 5 слл.). Напротивъ, *Radet* (Revue des univ. du midi, Bordeaux. 1895, 139) сближаетъ между собой эти два явленія, основываясь преимущественно на словахъ Атоссы у Эсхила въ „Персахъ“, 157. Ср. также пясаргадское изображеніе Кира съ аммоновыми рогами и головнымъ уборомъ египетскаго бога-царя. *Верманъ*, Ист. искусства (русск. пер.) т. I, стр. 277.

⁸⁾ *Pfister*, Der Reliquienkult im Altertum I (1909) стр. 295.

тарха ¹⁾), знаменитый спартавскій полководец Лизандръ удостоился героическихъ почестей со стороны самосцевъ, которые воздвигли ему алтарь и устроили въ честь его торжественныя игры. Приблизительно въ это же время Діонисій Сиракузскій объявилъ себя сыномъ Аполлона, а Клеархъ изъ Гераклеи—сыномъ Зевса. Впрочемъ, въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ нельзя усматривать обоготворенія властелиновъ въ томъ смыслѣ, какой пріобрѣло оно въ эллинистическую эпоху: оба тиранна хотѣли, вѣроятно, просто легитимизировать свою власть ссылками на божественное происхожденіе, что, какъ мы видѣли, сплошь и рядомъ имѣло мѣсто среди представителей аристократическихъ родовъ. Вообще, обожествленіе живого человѣка едва-ли могло широко распространиться въ Греціи до Македонской эпохи, — скорѣе оно носило чисто спорадическій характеръ и ни въ какомъ случаѣ не выражало собой обще-народныхъ вѣрованій. ²⁾ Обстоятельства совершенно измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ царство Ахеменидовъ пало подъ ударами молодого македонскаго царя Александра, и греческій міръ пришелъ въ живое соприкосновеніе съ мало извѣстной ему ранѣе древне-восточной культурой. Къ этому времени относится возникновеніе того царскаго культа, который съ тѣхъ поръ началъ постепенно ложиться въ основу вновь образовавшихся монархій эллинистической эпохи. Культъ великаго завоевателя такъ или иначе послужилъ прообразомъ и даже непосредственнымъ источникомъ позднѣйшихъ обожествленій эллинистическихъ царей, и поэтому для насъ является чрезвычайно важнымъ прослѣдить исторію возникновенія этого культа и опредѣлить, насколько сильны были въ немъ греческіе элементы съ одной стороны и древне-восточныя традиціи съ другой.

Наиболѣе важнымъ моментомъ въ исторіи возникновенія культа Александра является, безспорно, то паломничество въ оазисъ бога Аммона, которое предпринялъ царь во время своего египетскаго похода. Жрецы провозгласили Александра сыномъ Аммона, и это названіе сдѣлалось съ тѣхъ поръ какъ-бы вторымъ именемъ царя, неразрывно связаннымъ съ его культомъ, подобно тому, какъ въ впо-

¹⁾ Lys. 18 (Ср. F. H. G. II, 481, 65).

²⁾ Ср. Pfister, ук. соч, II (1912) стр. 589, который, впрочемъ, противорѣчитъ себѣ на стр. 179 (I т.).

слѣдствіи имена Сотера, Филадельфа, Эвергета и т. д. стали употребляться въ качествѣ дополнительныхъ именъ діадховъ. Но кто же былъ этотъ могущественный богъ, сыгравшій для Александра такую-же роль, какъ Сараписъ для Птолемеевъ или Аполлонъ для Августа? Самое названіе его «Зевсъ—Аммонъ» указываетъ на ту эпоху, когда древне-египетскія божества особенно часто стали ассоціироваться съ греческими, и когда впервые были положены прочные зачатки столь могущественнаго въ послѣдствіи религіознаго синкретизма. Но все же культъ этого бога былъ чисто египетскаго происхожденія, и почитаніе его въ Греціи вплоть до похода Александра было распространено ничуть не болѣе, чѣмъ культъ другихъ иноземныхъ боговъ. Мы не видимъ никакого основанія считать, подобно Керсту, что египетское происхожденіе Зевса—Аммона не сыграло никакой роли въ процессѣ возникновенія царскаго культа, такъ какъ Александръ опирался не на мѣстное, а на универсальное историческое значеніе этого бога ¹⁾. Если Керстъ находитъ возможнымъ сослаться на слова Роде ²⁾, что «герой, эмансипированный отъ своей локальной оболочки, превращается въ бога», то неужели-же подобнаго рода метаморфоза мѣстнаго божества въ универсальное менѣе допустима по отношенію къ Аммону, который къ тому-же еще до Александра вышелъ за предѣлы своей первоначальной отчизны? Какъ сынъ Аммона, Александръ несравненно болѣе могъ легитимизировать свою всесвѣтную власть, чѣмъ въ качествѣ основателя или благодѣтеля малоазіатскихъ городовъ. Съ другой стороны, походъ въ оазисъ Аммона чрезвычайно важенъ для оцѣнки того глубокаго переворота, который произошелъ съ теченіемъ времени въ самой личности царя и который такъ или иначе не могъ не воздѣйствовать на образованіе новаго культа. Вмѣстѣ съ походомъ въ Египетъ былъ навсегда похороненъ тотъ пылкій юноша, который выступилъ въ Азію съ очевиднымъ намѣреніемъ осуществлять идеи папаллинизма, идеи, нѣкогда носившіяся еще передъ его отцомъ Филиппомъ, другомъ и сподвижникомъ великаго Исократы. Съ этихъ поръ Александръ начинаетъ постепенно превращаться въ настоящаго,

¹⁾ Hist. Zeitschr. т. 38 (1895) 1 h. стр. 29 и Gesch. d. hell. Zeitalt. II, 377, Того-же мнѣнія придерживается *Ad. Bauer*, ук. соч. стр. 54.

²⁾ *Psyche* 12 стр. 184.

восточнаго деспота, и недалеко то время, когда онъ потребуеъ отъ приближенныхъ грековъ варварскаго поклоненія своей особѣ. Быть можетъ, выступая въ Аммоновъ оазисъ, Александръ не задавался какими — нибудь универсально историческими планами и намѣревался только въ глазахъ мѣстнаго египетскаго населенія легитимизировать свою власть, какъ наслѣдника древнихъ фараоновъ; но въ послѣдствіи, внѣ всякаго сомнѣнія, онъ сдѣлалъ попытку уподобить Египту весь покоренный міръ, попытку, увѣнчавшуюся, какъ извѣстно, полнымъ успѣхомъ. Уже непосредственно послѣ похода царя въ оазисъ, два эллинскихъ святилища признали совершившійся фактъ и въ свою очередь объявили Александра сыномъ Аммона, это были милетскій оракулъ Аполлона и сивилла Атенаида въ Эриерахъ. Но далеко не вся Греція послѣдовала примѣру услужливыхъ оракуловъ. — фактъ, показывающій, что культъ Александра, какъ сына Аммона, не имѣлъ рѣшительно ничего общаго съ той героизаціей царя въ Теосѣ и, можетъ быть, въ Клазоменахъ, о которой намъ еще придется упомянуть. Еще въ 324 г., когда македонское правительство потребовало отъ греческихъ городовъ признанія Александра богомъ, это предложеніе встрѣтило крайне оппозиціонное, частью даже насмѣшливое отношеніе, — достаточно вспомнить знаменитое постановленіе спартанцевъ: «если Александръ хочетъ быть богомъ, то пусть онъ будетъ имъ». И хотя обожествленіе царя было въ концѣ концовъ признано, все же существованіе оппозиціи противъ этого новшества служить въ нашихъ глазахъ доказательствомъ не греческаго происхожденія культа Александра. Послѣдній былъ обожествленъ не какъ высоко выдающаяся надъ обыкновенными смертными личность, не какъ греческій герой или потомокъ Геракла, а какъ сынъ египетскаго Аммона, и самый фактъ обожествленія является, по видимому, зловѣщимъ симптомомъ упадка національной религіи и, что несравненно важнѣе, признакомъ разложенія классической государственности. Обоотвореніе Александра было первымъ актомъ той могущественной оріентализаціи государственнаго и общественнаго быта древней Греціи, которая именно съ этого времени начинаетъ постепенно подтачивать основные устои старой европейской культуры. Въ особенности афиняне ярко выразили это чужеземное происхожденіе царскаго культа, возведя, непосредственно послѣ призна-

нія Александра богомъ, культъ Аммона на степенъ государственной религіи ¹⁾ и даже переименовавъ свою священную тріеру «Саламинію» въ «Аммоніаду» ²⁾. Еще много времени сіуесть послѣ смерти Александра греки сознавали тѣсную связь между обоготвореніемъ царя и культомъ Зевса—Аммона, на что указываютъ портреты этого бога на монетахъ діадоховъ ³⁾. Въ концѣ царствованія Александра культъ его уже получилъ всеобщее распространеніе, и оппозиція противъ него постепенно умолкла. Когда греки отправляли въ 323 году къ царю посольства, то они выбрали для этой цѣли не обыкновенныхъ пословъ, а ѳеоровъ, пришедшихъ привѣтствовать Александра, какъ бога. (Агг. VII. 23).

Но по ряду съ этимъ признаніемъ божественности монарха, Александръ былъ кромѣ того обоготворенъ нѣкоторыми общинами, какъ герой-покровитель города. По словамъ Страбона ⁴⁾, вблизи Теоса существовала посвященная Александру роща, гдѣ были организованы въ честь царя торжественныя игры, носившія названіе Александрей. Съ другой стороны, культъ Александра сохранился до римскаго времени въ Эриорахъ ⁵⁾ и до III вѣка въ Клазоменахъ, если только въ послѣднихъ можно вывести его существованіе изъ позднѣйшаго культа Антіоха Сотера ⁶⁾. Разумѣется, Александръ

¹⁾ Aug. Mommsen (Neortologie стр. 114) полагаетъ даже, что учрежденіе культа Аммона было вызвано стремленіемъ азіянцевъ угодить царю, какъ признанному сыну египетскаго бога. В. В. Латышевъ, напротивъ, стоитъ за болѣе раннее почитаніе этого божества въ Афинахъ, но не отрицаетъ, что только во времена Александра культъ Аммона получилъ обще-государственное значеніе (Журн. Мин. Нар. Пр. янв. 1881 г. стр. 30).

²⁾ Arist. 'Αθ. πολ. гл. 61. Впрочемъ, связь между переименованіемъ тріеры и паломничествомъ Александра въ оазисъ Аммона не можетъ считаться вполне доказанной. См. В. П. Бузескуль, Азіяская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V вѣка (1895) стр. 126.

³⁾ Появленіе на монетахъ портрета Александра доказываетъ, какъ намъ кажется, совершенно противоположное тому, какъ это хочется Керсту. (Gesch. d. hellen. Zeit. II, 383 сл.). Изображеніе монарховъ было типичнымъ отличіемъ персидскихъ монетъ отъ греческихъ, гдѣ помѣщались обыкновенно боги-покровители даннаго города. Если-же на эллинистическихъ монетахъ Александръ изображаетъ собою не ходячій типъ властелина, какъ это было въ царствѣ Ахеменидовъ, а рѣзко выраженную индивидуальность, то послѣднее доказываетъ просто превосходство греческаго искусства, а вовсе не какой-то символическій переходъ власти полиса на отдѣльную личность.

⁴⁾ XIV, 1, 31.

⁵⁾ Dittenberger, Sylloge inscript. graec² 600.

⁶⁾ Dittenberger, Orientis Graeci inscriptiones selectae, 222.

почитался въ качествѣ *ἥρως χρίστης* и въ основанныхъ имъ городахъ, но едва-ли этотъ культъ могъ оказать такое огромное вліяніе на всеобщее обожествленіе царя, какъ это предполагаетъ, напримѣръ, Корпеманъ ¹⁾. Культъ героевъ, покровителей даннаго города, былъ неразрывно связанъ съ мѣстомъ ихъ погребенія, между тѣмъ какъ Александръ претендовалъ на универсальное распространеніе вѣры въ его божественность ²⁾, какъ правовое обоснованіе новой системы абсолютизма. Въ своихъ мечтахъ о владычествѣ надъ вселенной Александръ не могъ, разумѣется, удовлетвориться той скромной ролью, которая выпала на долю его предшественниковъ по героизаціи, — только египетское представленіе о царѣ—богѣ могло соотвѣтствовать его фантастическимъ планамъ.

Въ концѣ царствованія Александра былъ сдѣланъ еще одинъ шагъ, имѣющій, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, рѣшающее значеніе для возникновенія царскаго культа, — мы говоримъ о героизаціи Гефестіона, друга и сподвижника великаго завоевателя. Дѣйствительно, обожествленіе этого «полубога милостью Александра» ³⁾ не могло не оказать воздѣйствія на образованіе культа самого царя, но съ другой стороны, та обстановка, при которой совершилась героизація Гефестіона, показываетъ, насколько древне-греческій культъ героевъ отдалился въ то время отъ своихъ первоначальныхъ формъ. Почитаніе Гефестіона уже не ограничивается мѣстомъ его погребенія, но широко распространяется среди услужливыхъ городовъ и странъ ⁴⁾, — по крайней мѣрѣ на островѣ Саросѣ и въ Египтѣ можно констатировать существованіе этого культа. Самый фактъ обоготворенія ничемъ особенно не замѣчательнаго друга царя служить прекраснымъ доказательствомъ той высоты, которой достигла въ ту пору власть Александра, подобно тому какъ въ римское время культъ Антиноя былъ обусловленъ не его личными качествами, а волею могущественнаго императора Адріана. Въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о какой нибудь дальнѣйшей эволюціи на-

¹⁾ Klio, I, 58.

²⁾ Ср. Kaerst, ук. соч. II, 381.

³⁾ Пѣльманъ, Очеркъ греческой исторіи (русск. перев. подъ редакц. С. А. Жебелева 1910 г.) стр. 313.

⁴⁾ Diod. XVII, 115, 6: προσέταξεν (Ἀλέξανδρος) ἅπασιν θύειν Ἡφαιστίωνι θεῷ παρέρῳ.

ціонально-грецьких релігійних традицій,—обоготвореніє Гефестіона волею всемогущаго царя доказуєть полне торжество того чисто-восточнаго абсолютизма, который такъ характеренъ для послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра. Воля царя явно претендуєть теперь на доминирующее значеніе не только въ политической, но и релігійной жизни гражданъ, что было такъ характерно для деспотическихъ монархій древняго Востока.

Героизація Гефестіона представляется намъ чрезвычайно любопытнымъ фактомъ въ томъ отношеніи, что она какъ бы узаконяла переходъ культа Александра на его преемниковъ и этимъ подготовила позднѣйшее обоготвореніе діадховъ. Дѣйствительно, власть этихъ послѣднихъ въ значительной мѣрѣ вытекла изъ власти самого Александра и культъ эллинистическихъ монарховъ долженъ былъ такъ или иначе вести свое начало изъ обоготворенія великаго царя. Эту зависимость между культомъ Александра съ одной стороны и его преемниковъ съ другой легче всего прослѣдить именно въ той странѣ, гдѣ обожествленіе царствующаго монарха впервые было возведено на степень государственной религіи, въ Египтѣ. Среди обнаруженныхъ въ 1906—7 г. г. Grenfell'емъ и Hunt'омъ Hibeh—papyri и Rubensohn'омъ Elephantine-pap. находится нѣсколько папирусовъ, бросающихъ свѣтъ на возникновеніе эллинистическаго культа царей въ Египтѣ. Оказывается, въ послѣдніе годы Птолемея Сотера и въ началѣ царствованія Филадельфа въ Египтѣ существовалъ особый эпонимный культъ, причемъ имя божества, которому онъ былъ посвященъ, совершенно не упоминается и поэтому въ данномъ случаѣ возможны различныя предположенія. Этотъ культъ имѣлъ большое значеніе въ сакральной организаціи страны не только въ силу своей эпонимности, но и потому, что жрецами невидимаго бога были обыкновенно лица, занимавшія высокое положеніе въ государствѣ и даже принадлежавшія къ царской фамиліи,—такъ въ одномъ изъ актовъ (28^{5/4}) упоминается въ качествѣ жреца Менелай Лагъ, братъ Сотера. Βασιλεύοντος Πτολεμαίου... ἐφ' ἱερέως Μενελάου τοῦ Λάγου¹⁾. Учрежденіе эпонимнаго культа относится ко времени послѣ 311 года, такъ какъ въ одномъ изъ актовъ, датированномъ этимъ годомъ, ничего не упоминается о немъ и говорится просто:

¹⁾ Eleph. p. 2.

Ἀλεξάνδρου τοῦ Ἀλεξάνδρου βασιλεύοντος Πτολεμαίου σατραπεύοντος ἔτει τεσσαρεσκαίδεκάτῳ μηνὸς Δίου¹⁾). Датированіе государственныхъ актовъ именемъ жреца эпонимнаго культа встрѣчается нѣсколько разъ вплоть до 270 года, когда на смѣну невѣдомому божеству выступаетъ культъ Александра и θεῶν Ἀδελφῶν т. е. обожествленной царственной четы, Птолемея II и Арсинои. Короткій промежутокъ времени (272—270 г.г.) между культомъ невѣдомаго божества съ одной стороны и Ἀλεξάνδρου καὶ θεῶν Ἀδελφῶν съ другой заставляетъ предполагать, что въ 270 г. не произошло коренного преобразованія эпонимнаго культа, а просто къ нему были присоединены вновь обожествленные царственные супруги θεοὶ Ἀδελφοί. Божествомъ эпонимнаго культа былъ, такимъ образомъ, никто иной, какъ Александръ и, дѣйствительно, къ этому мнѣнію въ настоящее время склоняется большинство изслѣдователей²⁾. Лишь при этомъ предположеніи можетъ быть объяснено громадное значеніе эпонимнаго культа въ государственной организаціи эллинистическаго Египта, такъ какъ великій македонскій царь былъ не только творцомъ новаго порядка вещей, но и верховнымъ божественнымъ покровителемъ царствующей династіи Птолемеевъ. Самый фактъ учрежденія эпонимнаго культа Александра въ Египтѣ чрезвычайно важенъ для оцѣнки политическихъ пріемовъ Птолемея Сотера, который, какъ извѣстно, пытался не только прочно утвердиться въ древней монархіи фараоновъ, но и въ глазахъ грековъ слѣлаться непосредственнымъ преемникомъ и исполнителемъ завѣтовъ покойнаго властелина міра. Чрезвычайно характеренъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что культъ Александра въ данномъ случаѣ не имѣлъ рѣшительно ничего общаго съ почитаніемъ его, какъ героя-основателя Александріи, что совершенно неправильно предполагалъ Корнemann³⁾.

¹⁾ Eleph. 1.

²⁾ Только Otto (Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten II, 319) не согласенъ считать Александра божествомъ эпонимнаго культа и высказывается въ пользу Сараниса, что, однако, мало вѣроятно, т. к. послѣдній въ ту эпоху еще не игралъ рѣшающей роли въ сакральной организаціи Египта. Wilcken (Arch. f. Papyr. IV, 184) указывалъ на Гефестіона, какъ на невѣдомое божество, но этому противорѣчить отсутствіе эпонимнаго культа въ Eleph. 1. (311 г.). Впослѣдствіи (Arch. V, 202) Wilcken отказался отъ предложеннаго имъ взгляда и высказался въ пользу Александра. (Grundzüge. II. Стр. 98).

³⁾ Klio I, 62.

По свидѣтельству Павсанія (I, 6, 3), подтвержденному недавно открытыми фрагментами Паросскаго мрамора, тѣло Алекоандра было первоначально помѣщено Птолемеємъ Сотеромъ въ Мемфисѣ и только при Филадельфѣ перевезено въ Александрію, гдѣ для него былъ къ тому времени выстроенъ великолѣпный храмъ (τῆραξ Ἀλεξάνδρου). Такимъ образомъ, культъ царя не былъ связанъ съ мѣстомъ его погребенія, что было необходимымъ условіемъ для древне-греческаго почитанія героев. Еще при жизни великаго царя греки привыкли видѣть въ немъ не своего національнаго героя, а сына египетскаго Аммона, и какъ таковой онъ получилъ обожествленіе со стороны Птолемея Сотера, символически выражая собою проникновеніе восточныхъ началъ въ разлагающійся міръ классической государственности. Намъ не должно удивлять то обстоятельство, что культъ Александра и присоединенныхъ къ нему впоследствии Птолемеєвъ имѣлъ чисто эллинскія формы,—послѣднее вполнѣ понятно для Сотера, извѣстнаго своимъ панэллинскими симпатіями. Но подъ греческой оболочкой скрывался чисто восточный принципъ божественности монарха, подобно тому какъ въ римское время подъ формами полуреспубликанскаго принципата нерѣдко таился самый отвратительный азіатскій деспотизмъ. Обожествленіе Александра былъ тѣмъ средствомъ, при помощи котораго Птолемей намѣревался примирить грековъ съ принципами египетской государственности и вмѣстѣ съ тѣмъ легитимизировать въ глазахъ эллинскаго міра свою власть, какъ наслѣдника и преемника великаго завоевателя.

Но, разумѣется, Птолемей не могъ остановиться на учрежденіи культа Александра и долженъ былъ такъ или иначе подумать о собственномъ своемъ обоготвореніи. Въ этомъ отношеніи ему, конечно, не могло не помочь то обстоятельство, что какъ наслѣдникъ древнихъ фараоновъ онъ въ самомъ началѣ своего царствованія былъ обожествленъ со стороны туземнаго населенія своей монархіи. Теперь оставалось только распространить выполненіе культа царя и на греческихъ подданныхъ Египта, т. е. приучить грековъ смотрѣть на Птолемея не только, какъ на героя, но какъ на такого же царя—бога, какимъ уже давно являлся обожествленный Александръ. Ранѣе предполагали, что Птолемей былъ официально обожествленъ только послѣ смерти своимъ преемникомъ на царскомъ престолѣ

Птолемею II Филадельфомъ и умершая вскорѣ послѣ этого царица Береника была также присоединена къ культу, составивъ вмѣстѣ со своимъ супругомъ божественную чету θεῶν Σωτῆρων. Дѣйствительно, Филадельфъ, согласно свидѣтельству декрета изъ Аморга ¹⁾, устроилъ въ честь своего отца торжественныя пентетерическія игры, въ которыхъ должны были принять участіе и представители вассальныхъ отъ Египта греческихъ городовъ. Великолѣпный храмъ, сооруженный царемъ въ честь бога—спасителя (θεὸς σωτήρ) Птолемея, служить, по справедливому замѣчанію Керста ²⁾, прекраснымъ доказательствомъ того, насколько культъ царей отличался въ то время отъ древне-греческаго почитанія героев и, дѣйствительно, обоженіемъ послѣ смерти Сотеръ былъ уже богомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но въ настоящее время у насъ имѣются данныя, заставляющія предполагать о болѣе раннемъ обоготвореніи Птолемея Сотера въ Египтѣ, чѣмъ то, на которое указываетъ декретъ изъ Аморга. Въ числѣ надписей, опубликованныхъ Rubensohn'омъ въ Arch. f. Papyrusforschung V, 156 имѣется одна, дающая чрезвычайно любопытныя данныя о культѣ Птолемея I и Береники, и относящаяся ко времени при жизни Сотера: Βασιλέα Πτολεμαῖον καὶ βασίλισσαν Βερενίκην θεοὺς Σωτῆρας Ἡλιόδαρος Θουσίωδης Ἐρμιογένης σωθέντες εὐχῇ. Въ данномъ случаѣ интересно не только то, что Птолемей называется Сотеромъ при жизни, и что Береника является здѣсь богиней, вмѣсто обычной формы Β. τὴν βασιλέως Π. γυναικα, самый фактъ обоготворенія царствующей четы при жизни противорѣчитъ общепринятому равнѣ взгляду, по которому культъ θεῶν Σωτῆρων считался учрежденнымъ только Филадельфомъ ³⁾. Оказывается уже Птолемей I сдѣлалъ тотъ шагъ, въ силу котораго культъ царствующаго монарха получилъ обще-государственное значеніе. То обстоятельство, что именно онъ, наслѣдникъ древнихъ фараоновъ, изъ всѣхъ діадховъ первый рѣшился, такъ сказать,

¹⁾ Syll. I² 202.

²⁾ Ук. соч. II, 411.

³⁾ Опубликованной Rubensohn'омъ надписью окончательно рѣшается, какъ намъ кажется, и вопросъ о времени официальнаго введенія титула „Сотеръ“ въ Египтѣ. Предполагать, что послѣдній введенъ въ употребленіе только въ 261 г., въ настоящее время не имѣется никакихъ основаній. (См. объ этомъ Kaerst, ук. соч. II, 412 и Wendland, Σωτήρ, Zeitschr. f. neutestamentl. Wiss. V стр. 335 сл.).

уподобиться Александру, служить въ нашихъ глазахъ убѣдительнымъ доказательствомъ того могучаго вліянія, которое безпрестанно оказывали египетскіе элементы на образованіе эллинистическаго культа. Интересно, что культъ Сотера даже не былъ связанъ съ обоготвореніемъ Александра Великаго, — онъ существовалъ совершенно отдѣльно вплоть до Птолемея IV Филопатора, при которомъ θεοὶ Σωτῆρες были впервые включены въ общій культъ Птолемеевъ — небожителей. Такимъ образомъ едва-ли можно присоединиться къ мнѣнію Керста, ¹⁾ будто бы культъ Александра послужилъ единственнымъ источникомъ для позднѣйшаго обоготворенія Птолемеевъ — только Филадельфъ связалъ свой культъ съ именемъ Александра, первоначально же царствующій монархъ обожествлялся отдѣльно. Не столько Александръ, сколько древне-египетскія традиціи послужили, какъ намъ кажется, источникомъ этого обожествленія. — Разумѣется, помимо того обще-государственнаго культа, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, Птолемей могъ быть обожествленъ по греческому образцу въ качествѣ ἥρωας κτίστης того или иного города, что, дѣйствительно, имѣло мѣсто въ основанной имъ Птолемайдѣ. Но насколько героизація Птолемея отличалась отъ его культа, какъ царя Египта, видно изъ того факта, что почитаніе Сотера въ качествѣ κτίστης сохранилось до римскаго времени, ²⁾ когда объ обще-государственномъ культѣ этого царя, само собой разумѣется, не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ, къ Птолемею вполне можетъ быть примѣнено то, что говорили мы ранѣе объ Александрѣ: оба царя были не только богами, но и героями, но героизація ихъ не имѣла ничего общаго съ тѣмъ царскимъ культомъ, который является предметомъ настоящаго изслѣдованія.

Но несмотря на общегосударственное значеніе культа Сотера, послѣднему все же недоставало того, что имѣло такую громадную роль при обоготвореніи Александра, эпимности и только Филадельфъ рѣшился сдѣлать этотъ шагъ, навѣки упрочившій положеніе

¹⁾ Ук. соч. II, 397.

²⁾ Kenyon, Greek papyri in the British Museum III стр. 70. Едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ Otto (Hermes XLV 1910 стр. 444 слл. и 632 слл.), будто бы здѣсь подъ словомъ θεοὶ σωτῆρ подразумевается Августъ, т. к. мы нигдѣ не встрѣчаемъ обоготворенія римскаго императора въ такихъ неопредѣленныхъ формахъ. См. Plaumann (Leipz. hist. Abh. 18, 1910 г. стр. 50) и Blumenthal, Der ägyptische Kaiserkult (Arch. V, 324).

династїи въ глазахъ всего культурнаго міра. Самый процессъ обоготворенія Птолемея II представляется, по толкованію Prott'a ¹⁾, слѣдующимъ образомъ. Въ 270 году умерла царица Арсиноя, любимая жена и сестра царствующаго монарха. Умершая была обожествлена Филадельфомъ подъ именемъ «братолюбивой» — θεὰ Φιλάδελφος, имя, которое было присвоено царицѣ еще при жизни. Но царственный братъ не могъ остаться позади своей обоготворенной сестры и также былъ присоединенъ къ ея культу. Такимъ образомъ возникъ культъ θεῶν Ἀδελφῶν, который тутъ же былъ соединенъ царемъ съ ранѣе существовавшимъ культомъ Александра. Эта версія, раздѣляемая также Корнеманомъ ²⁾, Ад. Бауеромъ ³⁾, Вилькеномъ ⁴⁾, Белохомъ ⁵⁾ и Gruppe ⁶⁾, кажется намъ, однако, мало правдоподобной по своей очевидной натянутости и слишкомъ большому значенію, которое придаютъ ея сторонники совершенно случайному событію, каковымъ была преждевременная смерть Арсинои. Мы склонны присоединиться скорѣе къ версії, предложенной Керстомъ ⁷⁾, по мнѣнію котораго культъ самого царя возникъ раньше обоготворенія его сестры, что доказывается не только аналогіей съ учрежденіемъ царскаго культа въ Сиріи, но и тѣмъ, что канефоратъ Арсинои упоминается въ государственныхъ актахъ только лишь начиная съ 267 года, т. е. специальное женское жречество царицы было учреждено уже послѣ образованія общаго культа θεῶν Ἀδελφῶν. Мы позволимъ себѣ пойти еще нѣсколько дальше Керста и выставляемъ предположеніе, что Филадельфъ былъ обожествленъ непосредственно послѣ своего восшествія на престолъ, или, по крайней мѣрѣ, послѣ 279 года, когда имъ были учреждены торжественныя игры въ честь Сотера ⁸⁾. Только это объясненіе пред-

¹⁾ Mitteilungen d. Deutsch. Archaeol. Inst. zu Athen 27 (1902) стр. 466 слл.

²⁾ Klio, I, 71.

³⁾ Ук. соч. стр. 69.

⁴⁾ Grundz. I, стр. 99.

⁵⁾ Griech. Gesch. III, 373.

⁶⁾ Griech. Mythol und Religionsgesch. II (1906), 1511. Ср. также Otto, ук. соч. II, 274 и Bouché-Leclercq, Histoire des Lagides, т. I (1903) стр. 181 и 236.

⁷⁾ Ук. соч. II, 416. Ср. также ст. Plamann'a у Pauly-Wissowa, т. VIII (1913) стр. 1431.

⁸⁾ Последнее, пожалуй, болѣе вѣроятно, если принять во вниманіе аналогію съ слѣдующими царями, которые обоготворились только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего восшествія на престолъ. (Wilcken, Chrestomathie 110 стр. 136).

ставляется намъ возможнымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ придется предположить, что въ исторіи возникновенія царскаго культа въ Египтѣ съ воцареніемъ Филадельфа произошелъ регрессъ, и новый монархъ не рѣшился принять того обоготворенія, которымъ пользовался его предшественникъ. Такимъ образомъ наканунѣ 270 года въ Египтѣ существовало три божества, культъ которыхъ имѣлъ официальное значеніе,—это были Александръ, Сотеръ и Филадельфъ. Въ 270 году не произошло никакого переворота въ исторіи эллинистическаго культа царей, какъ это предполагалось равнѣе, а просто культъ царствующаго монарха былъ присоединенъ къ давно уже обоготворенному Александру, чему конечно могла способствовать и смерть Арсиной, хотя впрочемъ, послѣдняя, по аналогіи съ Береникой, была, быть можетъ, обожествлена еще при жизни. Такимъ образомъ, Птолемей II является не основателемъ, а только лишь реорганизаторомъ новаго культа и самый фактъ присоединенія Θεῶν 'Αδελφῶν къ Александру былъ необходимымъ условіемъ прочности царскаго обоготворенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ сакральной организаціи Египта получился-бы хаотическій беспорядокъ, какъ это имѣло мѣсто въ Римѣ, гдѣ культъ отдѣльных императоровъ не былъ связанъ между собой. Птолемей II, не могъ присоединить къ общему культу обоготвореннаго Сотера, такъ какъ послѣдній имѣлъ въ то время совершенно самостоятельное значеніе, какъ богъ—основатель династіи и не нуждался въ своемъ обоготвореніи въ качествѣ «сохранника» того или иного божества. Филадельфу оставалось присоединить свой собственный культъ или къ Птолемею I или къ Александру и, разумѣется, онъ выбралъ послѣднее уже въ силу его эпонимности. Благодаря этому, обоготворенные спасители, Сотеръ и Береника, были какъ бы оставлены за бортомъ и только Филопаторъ включилъ ихъ въ общій культъ царствующаго дома.

Въ исторіи обоготворенія царствующей династіи Птолемеевъ реформа Филадельфа имѣла рѣшающую роль¹⁾, такъ какъ всѣ послѣ-

¹⁾ Къ царствованію Филадельфа относится и древнѣйшая изъ известныхъ намъ клятвъ именемъ царя (*Maßaffy*, On the Flinders Petrie papyri III, 56). Впослѣдствіи въ этихъ клятвахъ на первомъ мѣстѣ ставились имена царствующей четы, къ которой были присоединены предшествующіе монархи и только послѣ этого упоминались „Сараписъ, Исида и остальные боги и богини“ (*Wilcken*, Chrest. 110).

дующіе монархи присоединяли себя въ качествѣ боговъ къ культу 'Αλεξάνδρου καὶ θεῶν Ἀδελφῶν. Такъ государственный актъ 239 года датируется: 'εφ ἱερέως 'Αλεξάνδρου καὶ θεῶν Ἀδελφῶν καὶ θεῶν Εὐεργετῶν, κανηφόρου Ἀρσινόης Φιλαδέλφου. Послѣдующія царицы точно также имѣли спеціальныя женскія жречества, которыя постоянно упоминаются въ актахъ, какъ напр.: κανηφόρος Ἀρσινόης Φιλαδέλφου, ἀλλοφóρος Βερενίκης Εὐεργέτιδος и т. д. Весьма вѣроятно, что обоготворенные въ самомъ началѣ эллинистической эпохи θεοὶ Σωτῆρες съ теченіемъ времени были забыты населеніемъ и поблекли передъ могуществомъ эпонимнаго культа Александра и всей династіи. Возстановить утраченное значеніе перваго царя и рѣшился Филопаторъ, который учредилъ культъ Сотера въ основанной послѣднимъ Птолемаидѣ въ верхнемъ Египтѣ¹⁾ и, кромѣ того, поставилъ Птолемея I и Беренику во главѣ всей обоготворенной династіи. Такимъ образомъ послѣ 215 года государственные акты датировались именемъ жреца 'Αλεξάνδρου καὶ θεῶν Σωτῆρων καὶ θεῶν Ἀδελφῶν καὶ θεῶν Εὐεργετῶν καὶ θεῶν Φιλοπατόρων καὶ θεῶν Ἐπιφανῶν и т. д.

Съ тѣхъ поръ какъ обоготвореніе египетскихъ монарховъ приняло официальный характеръ, культъ царствующей династіи сдѣлался обязательнымъ не только для греческихъ подданныхъ Египта, но также и для тѣхъ городовъ собственной Эллады, которые находились въ политической зависимости отъ Птолемеевъ. Мы уже видѣли, что Филадельфъ, учреждая въ честь своего покойнаго отца торжественныя игры, пригласилъ на нихъ представителей греческихъ городовъ, состоящихъ подъ протекторатомъ египетской державы. Въ этомъ приглашеніи не заключалось категорическаго требованія, но исполнить его было необходимо подъ опасеніемъ потерять покровительство могущественнаго царя, воля котораго была главной опорой существующихъ формъ правленія и независимости греческихъ городовъ. Такимъ образомъ, греки мало-по-малу свыкались съ принципами египетской государственности и это обстоятельство

¹⁾ Культъ Сотера въ Птолемаидѣ былъ по *Plaumann'y* (Ptolemais in Ober-ägypten стр. 51) и *Wilcken'y* (Grundz. I, 98) учрежденъ въ 215 г. Иного мнѣнія держится *Otto* (Priest и Temp. I, 460), относящій учрежденіе этого культа ко времени Филадельфа.

способствовало, какъ намъ кажется, постепенному исчезновенію стараго культа, который уступилъ свое мѣсто официальному обоготворенію царствующаго монарха. Александръ Великій былъ героизированъ со стороны нѣкоторыхъ зависимыхъ отъ него мало-азіатскихъ городовъ, но эта героизація не имѣла ничего общаго съ культомъ великаго царя, какъ сына Аммона и непосредственнаго преемника древнихъ царей—боговъ Египта. Изъ всѣхъ діадоховъ только Птолемей имѣлъ право считать себя наслѣдникомъ Александра, какъ бога, и дѣйствительно культъ Сотера широко распространяется въ Греціи уже въ ту эпоху, когда обоготвореніе другихъ властителей носило еще совершенно случайный характеръ. Мало того: воздвигая алтари въ честь царя, греческія общины пытаются даже оттѣнить восточное происхожденіе культа Птолемея, что, какъ мы видѣли, имѣло мѣсто при обоготвореніи Александра. Въ 304 году, когда родосцы рѣшили почтить Сотера постройкой ему великолѣпнаго храма, они предварительно спросили объ этомъ оракула Зевса-Аммона. Еще ранѣе граждане Галикарнасса, постановивъ воздвигнуть Птолемею храмъ, почтили царя и его дочь именемъ Сарapis и Исиды ¹⁾, выражая этимъ свое отношеніе къ Сотеру не какъ къ греческому герою, а какъ царю Египта, живому воплощенію древне-египетскихъ національных боговъ.

Но, повторяемъ, другіе діадокси не имѣли этого обаятельнаго восточнаго ореола, -- ихъ власть не могла быть легитимизирована учрежденіемъ того культа, который приличествовалъ только лишь египетскому царю и, благодаря этому, культъ первыхъ діадоховъ дѣйствительно мало отличался отъ стараго почитанія героевъ. Первоначально діадокси обоготворяются большею частью только послѣ смерти, притомъ главнымъ образомъ въ тѣхъ городахъ, которые были-бы обязаны имъ если не своимъ существованіемъ, то, по крайней мѣрѣ, восстановленіемъ стараго политическаго могущества и пресловутой *πάτριος πολιτεία*. Но, на ряду съ этимъ сходствомъ, нельзя не признать и глубокой разницы между старымъ культомъ героевъ съ одной стороны и обоготвореніемъ новыхъ властелиновъ

¹⁾ Ἀγαθὴ πόλις (τῇ) Πτολεμαίου τοῦ Σωτῆρος καὶ θεοῦ Σαράπι Ἰσι Ἀρσινόῃ τοῖς ἱεροῖς ἱδρύσασθαι.

съ другой. Культъ діадоховъ былъ, по справедливому замѣчанію Керста ¹⁾, лишь сакральнымъ выраженіемъ политической зависимости греческихъ общинъ отъ ихъ высокихъ покровителей и, какъ таковой, онъ выражаетъ собой новый принципъ эллинистической эпохи, принципъ, постепенно подготовившій позднѣйшее официальное обоготвореніе царствующаго монарха. Появленіе этого принципа, дѣйствительно, органически вытекало изъ предшествующаго хода греческой исторіи—стоитъ вспомнить обоготвореніе Лизандра,—но дальнѣйшая эволюція эллинистическаго культа не обошлась, какъ намъ кажется, безъ извѣстной доли восточнаго воздѣйствія и подражанія тѣмъ формамъ, при которыхъ былъ обожествленъ Птолемей Сотеръ.

Древнѣйшимъ свидѣтельствомъ обоготворенія эллинскаго властелина является декретъ скенсіевъ въ честь Антигона (311 г.) которому былъ воздвигнутъ алтарь и посвящены игры, какъ герою ²⁾. Четыре года спустя (307 г.) тотъ-же Антигонъ, совмѣстно со своимъ сыномъ Димитріемъ Поліоркетомъ, былъ обоготворенъ въ Аѳинахъ, куда онъ вступилъ въ качествѣ «освободителя». Статуи обоихъ царей были поставлены рядомъ со статуями Гармодія и Аристогитона и двѣ филы были названы именами новыхъ «боговъ-спасителей» (θεοὶ Σωτῆρες). Дальнѣйшее обоготвореніе діадоховъ относится уже къ болѣе позднему времени, — таковъ былъ, напр., культъ еракійскаго владѣтеля Лисимаха, засвидѣтельствованный въ Самоѳракіи ³⁾ и въ Пріенѣ ⁴⁾. Съ именемъ этого царя связанъ шагъ, представляющій собой переходъ къ настоящему официальному обоготворенію монарха, — мы говоримъ о эпонимномъ культѣ Лисимаха въ Кассандрѣ, существовавшемъ въ то время, когда онъ занималъ македонскій престолъ (286—281 г.) ⁵⁾. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что учрежденіе эпонимаго культа

¹⁾ Ук. соч. II, 404 сл.,

²⁾ O. G. I. 6.

³⁾ Syll. 1² 190.

⁴⁾ O. G. J. 12.

⁵⁾ Syll. 1² 196. Мнѣніе *Dittenberger'a* о эпонимномъ культѣ Кассандра въ Кассандрѣ не можетъ считаться доказаннымъ, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно, къ какому именно городу долженъ быть приуроченъ упоминаемый въ Syll 1² 178 эпонимный жрецъ ('Εφ' ἐρέως Κοβία).

Лисимаха является прямымъ подражаніемъ египетской политикѣ и стремленіемъ осуществить тѣ принципы абсолютной монархіи, которые были такъ характерны для царства Птолемеевъ. Впрочемъ, всѣ эти попытки оставались въ сущности безрезультатными: культъ царей распространялся въ отдѣльныхъ греческихъ городахъ, но въ Македонской монархіи онъ никогда не получилъ общегосударственнаго значенія. Несравненно важнѣе болѣе обоготвореніе діадховъ среди подвластныхъ имъ городовъ для возникновенія царскаго культа въ той державѣ, которая заняла второе мѣсто въ исторической жизни народовъ эпохи эллинизма, — въ Сиріи. Въ доэллинистическую эпоху здѣсь не существовало царскаго культа и поэтому обоготвореніе монарховъ явилось, въ противоположность Египту, актомъ правительственныхъ распоряженій. Но почва для культивироваія новыхъ идей божественности царя въ Сиріи была подготовлена тѣмъ восточнымъ абсолютизмомъ, который съ древнѣйшихъ временъ образовалъ глубокую пропасть между монархомъ и его подданными. Съ другой стороны, примѣръ Птолемеевъ не могъ не оказать вліянія на обоготвореніе сирійской династіи, тѣмъ болѣе, что принципы египетскаго абсолютизма скорѣе могли быть осуществлены въ царствѣ Селевкидовъ, чѣмъ въ той самой Греціи, гдѣ было еще немало пережитковъ республиканской свободы старыхъ временъ. Но первоначально культъ Селевкидовъ имѣлъ чисто греческій характеръ не только по формѣ, какъ это было въ Египтѣ, но и по содержанію, и обоготвореніе сирійскихъ монарховъ ничѣмъ не отличалось отъ культа другихъ діадховъ. Такъ основатель династіи Селевкъ Никаторъ былъ обоготворенъ въ Иліонѣ ¹⁾ и, можетъ быть, въ тѣхъ городахъ, гдѣ ранѣе существовалъ культъ Лисимаха. Впрочемъ, обоготвореніе Селевкидовъ въ греческихъ общинахъ имѣло нѣсколько своеобразный характеръ, что сближаетъ ихъ съ Птолемеями. Въ то время какъ культъ остальныхъ діадховъ ограничивался въ большинствѣ случаевъ обоготвореніемъ только самихъ царей, Птолеми и Селевкиды обожествлялись обыкновенно вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми, что выражаетъ собою торжество новаго, династическаго принципа. Такъ союзъ іонійскихъ городовъ, учрежда

¹⁾ O. G. J. 212.

культъ сирійскаго царя Антіоха Сотера, присоединилъ къ этому культу его жену Стратонику и сына Антіоха младшаго ¹⁾ Въ собственной Сиріи обоготвореніе царей первоначально ограничивалось лишь нѣсколькими городами и только въ послѣдствіи царскій культъ пріобрѣлъ обще-государственное значеніе. Скончавшійся въ 281 г. основатель династіи Селевкѣ I былъ обожествленъ своимъ сыномъ Антіохомъ подъ именемъ «Зевса—Непобѣдимаго» (Ζεὺς Νικητωρ). Умершему царю было воздвигнуто святилище «Никаторейонъ» въ основанной имъ Селевкіи. Антіонъ Сотеръ былъ въ свою очередь обоготворенъ послѣ смерти своимъ сыномъ Антіохомъ Теосомъ, и только этотъ послѣдній рѣшилъ официально обожествить себя еще при жизни, т. е. создать въ своемъ государствѣ тотъ порядокъ, который уже давно существовалъ въ Египтѣ. Но прошло еще много времени, прежде чѣмъ культъ сирійскихъ царей легъ въ основу общей государственной организаціи ихъ монархій,—только во 2-мъ вѣкѣ онъ широко распространяется по всей странѣ и получаетъ официальное значеніе. Изъ дурдуркарской надписи, относящейся, вѣроятно, ко времени Антіоха Великаго, мы узнаемъ о существованіи эпонимнаго культа царствующаго монарха, къ которому былъ присоединенъ культъ царицы ²⁾. Сходство съ Египтомъ обнаруживается также въ томъ, что культъ самого царя не имѣлъ большого значенія, гораздо важнѣе было почитаніе всей обоготворенной династіи, какъ это мы видимъ на примѣрѣ персидской Антіохіи ³⁾. Такимъ образомъ, едва ли можно утверждать, что въ обоготвореніи эллинистическихъ монарховъ главное мѣсто занималъ чисто личный элементъ: личность царя сама по себѣ не имѣла никакой роли въ сравненіи съ монархической идеей, она была лишь воплощеніемъ верховнаго божественнаго промысла, что говоритъ въ пользу восточнаго происхожденія царскаго культа. Каждый царь былъ только носителемъ монархическаго принципа, и

¹⁾ O. G. J. 222.

²⁾ O. G. J. 224.

³⁾ O. G. J. 233. Династическій характеръ царскаго культа въ Сиріи можетъ быть выведенъ и изъ дурдуркарской надписи, т. е. слова 28 строки: μετὰ τοῦς τοῦ (τὸ θεῶν καὶ τοῦ ἀρχιερεῖς указываютъ, повидимому, на обоготворенныхъ предковъ царя.

какъ таковой онъ получалъ божескія почести со стороны своихъ подданныхъ, а вовсе не какъ высоко—выдающаяся, богоподобная личность¹⁾.—Обоготвореніе царствующаго монарха перешло впоследствии и въ другія государства, образовавшіяся изъ имперіи Александра, какъ напримѣръ въ Пергамъ, Бактрію, Гиргانیю и т. д., пока наконецъ не было перенесено на римскихъ императоровъ, которые, въ свою очередь, пытались распространить свой культъ среди варварскихъ народовъ средней Европы, навѣки укрѣпляя такимъ образомъ идею божественнаго происхожденія монархической власти. Что касается той страны, которая была съ нашей точки зрѣнія родоначальницей этой идеи, Египта, то здѣсь уже въ концѣ 3-го вѣка первоначальныя греческія формы царскаго культа начали постепенно окрашиваться въ національныя цвѣта и туземное жречество стало понемногу играть видную роль въ процессѣ обоготворенія Птолемеевъ. Начиная съ Птолемея IV Филопатора²⁾, египетскіе цари титулуются какъ «вѣчно живущіе», «возлюбленные Фта», «цари верхняго и нижняго Египта», «подобные Геліосу»³⁾ и т. д. Такимъ образомъ, восточное вначалѣ только по содержанію обоготвореніе царствующаго властелина сдѣлалось впоследствии восточнымъ и по формѣ, какъ это было спустя нѣсколько столѣтій въ Римѣ, гдѣ на мѣсто первоначальнаго *divus* мало по мало появляется *dominus et deus*. Но какъ здѣсь подъ чисто римскими формами съ самаго начала скрывалось восточное содержаніе, точно также и обоготвореніе эллинистическихъ царей, не смотря на свои первоначально греческія формы, знаменуетъ собой торжество чисто—египетскаго представленія о богѣ царѣ. Наканунѣ Македонскаго

¹⁾ Если Керстъ (ук. соч. II, 210), противопоставляя древне-египетское почитаніе фараоновъ эллинистическому культу, говорить, что въ первомъ случаѣ было совершенно безразлично, назывался-ли царь Аменхотепомъ или Тутмосомъ, важно было лишь то, что онъ являлся воплощеніемъ божества, —то совершенно тоже самое можно сказать и о культѣ Птолемеевъ. Обоготвореніе этихъ послѣднихъ носить крайне шаблонный характеръ и прямо также поражаетъ отсутствіемъ всякой оригинальности, что несравненно болѣе похоже на восточныя, чѣмъ на греческія традиціи.

²⁾ Впрочемъ, уже Птолемей III приказывалъ изображать себя на монетахъ въ лучистой діадемѣ, подражая въ этомъ древнимъ царямъ Египта (*Head, hist. numm.* 1 изд. 714).

³⁾ См. надпись изъ Розетты (O. G. J. 90) и египетскую титулатуру Птолемея у Wilcken'a. (Chrest. 190).

владычества въ Греціи была подготовлена почва для проникновенія царскаго культа, но самый фактъ обоготворенія Александра и діадховъ является, какъ намъ кажется, первымъ симптомомъ начинающейся оріентализаціи эллинскаго міра. «Шагъ къ византизму» былъ сдѣланъ.

Евгеній Байбаковъ.

Лермонтовъ и античность.

Наши поэты-скорбники очень часто, въ поискахъ красивыхъ формъ для выраженія своихъ чувствъ, обращались къ античности. «Русская лирика при рожденіи своемъ была крещена въ языческую вѣру и долго молилась всѣмъ греко-римскимъ богамъ». (Котляревскій, Лит. напр. Ал. эп., 135). Особенно выдается въ этомъ отношеніи эпоха Александра I, когда наша поэзія обращалась къ классическому Парнасу не только ради риторическихъ украшеній и не во французской передѣлкѣ.

Наиболѣе яркимъ примѣромъ благотворнаго вліянія на душу поэта античной поэзіи и нѣкоторыхъ сторонъ античнаго міросозерцанія является Батюшковъ: очень рано имъ начала овладѣвать меланхолія, около 1822 г. окончательно сломявшая его; но передъ этимъ онъ на время успокоился въ животворящемъ общеніи съ античностью, а то небольшое, что явилось результатомъ этого общенія, создало его славу и теперь еще сохранило свою художественную цѣнность.

Была ли въ мятежной душѣ Лермонтова возможность такого тѣснаго общенія и взаимодѣйствія съ античностью? Чѣмъ объясняется, можно сказать, почти полное отсутствіе античныхъ образовъ, мотивовъ въ его поэзіи?

Когда Лермонтовъ выступилъ на литературное поприще, наши лирики отъ древнихъ классиковъ обратились къ чтенію Байрона; очень рано сталъ Байронъ знакомъ и Лермонтову, — быть можетъ, въ ущербъ другому чтенію.

Однако попытаемся сначала собрать то, что есть «античнаго» въ поэзіи Лермонтова, хотя бы тѣ имена, если не образы, которые Лермонтовъ любилъ вспоминать въ разное время.

Мы можемъ сдѣлать это только по печатному академическому изданію сочиненій Лермонтова, но чтобы познаться детально, что читалъ Лермонтовъ въ школьные годы, по какимъ источникамъ знакомился съ исторіей древней Греціи и Рима, — для этого нужно было бы обратиться къ рукописямъ или ждать, пока онѣ полностью будутъ напечатаны ¹⁾).

Такъ, напримѣръ, въ *Записной книжкѣ*, не позже 1827 г., хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, кромѣ стихотвореній, черновыхъ писемъ на французскомъ языкѣ, имѣются выписки изъ *Saint-Ange* и *La Harpe* — на античныя темы (V, 34) изъ «*Borée et Orithye*», «*Hero et Leandre*», «*Echo et Narcisse*», «*Orphée et Euridyce*» (лл. 4—7).

Въ *Общей тетради* 1829 г. — ученическія упражненія въ переводахъ съ латинскаго... и конспекты одиннадцати «лекцій» по всеобщей исторіи.

Въ ученическомъ сочиненіи «Панорама Москвы», написанномъ въ приподнятомъ патріотическомъ тонѣ, между прочимъ, находимъ сравненіе: «Москва не безмолвная громада камней холодныхъ... Какъ въ древнемъ римскомъ кладбищѣ, каждый ея камень хранитъ надпись, начертанную временемъ и рокомъ...»

Далѣе, интересно, описывается «Петровскій театръ... съ плоской кровлей и величественнымъ портикомъ, на коемъ возвышается алебастровый Аполлонъ, стоящій на одной ногѣ въ алебастровой колесницѣ, неподвижно управляющій тремя алебастровыми конями и съ досадою взирающій на кремлевскую стѣну, которая ревниво отдѣляетъ его отъ древнихъ святынь Россіи!»

Второй и послѣдній разъ упоминается имя Аполлона (Бельведерскаго) въ описаніи наружности чиновника Красинскаго («Княгиня Лягов.» IV, 106).

¹⁾ И пока вообще будетъ собранъ и разработанъ большій матеріалъ для его біографіи.

Въ XI тетради автографовъ Лерм. Музея очень интересная замѣтка:

«*Метор*. Написать трагедію: Марій...¹⁾».

Въ 1828 году Лермонтовъ въ письмѣ изъ пансіона къ теткѣ М. А. Шангирей сообщаетъ, что Дубенскій ²⁾ поставилъ ему «4 рус. и 3 лат.», далѣе пишетъ: «Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому, а *Геркулеса* и *Прометейя* взялъ инспекторъ, который хочетъ издавать журналъ «*Калліопу*»...

Подъ «*Геркулесомъ*» и «*Прометеемъ*», какъ это видно изъ дальнѣйшаго, подразумѣваются сочиненія на эти темы ³⁾.

Въ произведеніяхъ Лермонтова эти два имени (*Геркулесъ* и *Прометей*), которыми такъ удобно пользоваться въ цѣляхъ экономіи поэтической мысли, встрѣчаются всего 3 раза.

Въ ультра-романтической повѣсти 1832 г.:

1) «Онъ (Вадимъ) торжествовалъ, какъ *Геркулесъ*, побѣдившій змѣя» («Вадимъ», IV, 72).

2) Вадимъ ѣхалъ скоро, и глубокая, единственная дума, подобно *коршуну Прометейя*, пробуждала и терзала его сердце (38).

3) «... Но мощный умъ, крѣпясь и каменья, ихъ превращаетъ въ *пытку Прометейя*». (Измаиль-Бей, II, 59).

Такъ величайшій образъ древности почти не примѣнялся Лермонтовымъ, хотя, казалось бы, онъ такъ долженъ много говорить его мятежной душѣ: вѣдь мы привыкли, подъ вліяніемъ Эсхила, соединять съ этимъ образомъ и гуманную идею, и начала духовной свободы личности, и—что такъ любилъ изображать Лермонтовъ— воплощеніе *гордаго страданія*... (Изм.-Б., Мц.)

Въ самыхъ раннихъ стихотвореніяхъ изрѣдка мелькаютъ классическія имена, темы; упоминаются нѣсколько разъ традиціонные *музы, граціи, зефиры, лира*. Эти случаи нетрудно перечестъ.

¹⁾ Объ этомъ подробно—ниже.

²⁾ Преподаватель пансіона.

³⁾ Объ этихъ работахъ ничего неизвѣстно, ни объ ихъ источникѣ, ни обработкѣ сюжета, ни того, въ стихахъ или прозѣ онѣ были написаны. „*Геркулеса* и *Прометейя*“ звучитъ такъ, какъ-будто эти работы были извѣстны бабушкѣ Лермонтова и кругу его родныхъ раньше.

Къ 1828 году, когда Лермонтовъ, по его собственному выраженію, «началъ марать стихи» (IV, 349), относится стихотвореніе «Заблужденіе Купидона»: ¹⁾).

«Однажды женщины *Эрота* отодрали...
Досадой раздражёнъ, упрямое дитя,
Напрягши грозный лукъ и за обиду мстя,
Не смѣя къ женщинамъ, — къ намъ ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднѣйшей, стремить и т. д.

Интересно было бы указать источникъ этого стихотворенія.

Въ томъ же году написано сентиментальное стихотвореніе, очевидно, навлѣянное Жуковскимъ, но съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ ввѣшнихъ атрибутовъ классической лирики, что верѣдко и у Жуковского: «Цѣвница».

«На склонѣ горъ, близъ водъ, прохожій, зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? надъ ними сводъ акацій.
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь *и музъ и грацій*;
И кустъ прелестныхъ розъ, взлелѣянныхъ весной,
Тамъ нѣкогда, кругомъ черемухи млечной,
Струилъ свой ароматъ; шумя, съ прибрежной ивой
Шутилъ подъ часъ *зефиръ*, и рѣзвый и игривый;...

(*Зефиръ* встрѣчается еще въ стихотвореніи 1829 г. «Наполеонъ»).

Вліяніе Жуковского сказывается не только въ общемъ настроеніи, мало характерномъ для Лермонтова, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ (стихи 1—3).

Муза упоминается еще въ слѣд. стихотвореніяхъ: «Посвященіе NN» (1829 г.), «Пиръ» (1829 г.), «Къ Грузиняну» (1829), «Сашка» (1836 г.).

Лира: — «Поэтъ» (1828 г. «Когда Рафаэль вдохновенный», «Къ друзьямъ» (1829 г.), «Письмо» (1829 г.), «Къ генію»

¹⁾ Мы пользовались указателемъ именъ, помѣщен. въ V т. ак. изд. Л., но приходилось его дополнять; такъ, напр., не указаны: Аквилонъ и нѣкот. друг.

(1829 г.), Къ ** (1830 г.), Къ ** (О, полно извинять развратъ», 1830 г.), «Сашка» 1836 г.; 2 раза), «Манго» (1836 г.).

Имя *Феби* употреблено Лермонтовымъ одинъ разъ въ стих. «Пяръ» (1829 г.).

Парка,—кромѣ стих. «Письмо» (1829 г.) нигдѣ, кажется, больше не упоминается.

Парнасъ и *Пегасъ* по 1 разу («Портреты», 1829 г.).

Вакхъ—въ стих. «Война» (1829 г.) и еще разъ въ поэмѣ «Сашка» (1836).

Лета—въ «Пѣснѣ» (1829 г.) и въ письмѣ къ А. М. Верещагиной (IV, 315; 1832 г.).

Діана—въ стих. «Наполеонъ» (1829 г.), въ «Сашкѣ» (2 раза), въ «Казначейшѣ» (1837 г.).

Марсъ и *Венера*:—«Въ день рожденія NN» (1829).

Амуръ:—«Глупой красавецъ» («Амуръ спросилъ меня однажды...», 1830 г.).

Источникъ этого стихотворенія не указанъ.

Еще дважды (*Амуръ*) въ «Казначейшѣ» (1837 г.).

Аквилонъ—2 раза въ поэмѣ «Джюліо» (1830 г., I, 197 и 199).

Демосѣенъ—1 р. въ поэмѣ «Сашка» (II, 160).

Аврора—1 р. въ «Казначейшѣ».

Амфитріонъ—тамъ-же.

Въ стихотвореніи «Панъ» (1829 г.) видятъ вліяніе Мерзлякова¹⁾; сверху замѣчено: «Въ древнемъ родѣ». Стихотвореніе производитъ своей формой впечатлѣніе изящества, легкости, отсутствія силы, безпечнаго тихаго наслажденія, мало свойственнаго Лермонтову.

«Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ день,
Укрывшись лѣсовъ въ таинственную сѣнь,
Или подъ вѣтвями пустынныхъ рябины,
Смотрѣть на синія туманныя равнины
Тогда приходитъ Панъ съ толпою пастуховъ,
И плышутъ вокругъ меня на бархатъ луговъ.

¹⁾ Ак. I, Примѣчанія, 362. Интересно будетъ отыскать источникъ этого стихотворенія.

Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье...
Главу рогатую ласкаетъ легкий хмль,
Въ одной рукѣ его стаканъ, въ другой свирель,
Онъ учитъ пѣть меня, и я въ тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы» (I, 65).

Древній Римъ упоминается всего 5 разъ въ произведеніяхъ Лермонтова и еще—въ программѣ трагедіи «Марій» (IV, 357), о которой ниже.

Въ 2-хъ случаяхъ—въ связи съ патріотической мыслью о мощи Россіи. Измаиль-Бей, (1832 г.) ч. III, 1—3 строфа:

«Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?»
«Настанетъ часъ — и новый грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ!» (II, 62).

Стих. 1835 г. («Опять, народные витіи...»), проникнутое тоже патріотическимъ боевымъ характеромъ и написанное подъ сильнымъ вліяніемъ Пушкинскаго «Клеветникамъ Россіи», кончается слѣдующими словами:

«Но честь Россіи невредима,
И вамъ смѣясь внимають свѣтъ!
Такъ въ дни воинственнаго Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда триумфомъ шель *Фабрицій*,
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ,—
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ!» (II, 108).

Какъ не похожъ этотъ пафосъ на чувства Лермонтова къ родинѣ, выраженные позднѣе въ знаменитой «Отчизнѣ» (1841 г.).

«Буйный Римъ» и «развратный» — встрѣчается въ вольномъ переводѣ изъ Байрона, стих. «Умиравшій гладіаторъ» (1836 г.):

1-й ст.: «Ликуетъ буйный Римъ. .

Посл. ст.: Прости, развратный Римъ!..».

Наконецъ — мы читаемъ отрывокъ 1841 г.:

«Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима,
Царствовалъ грозный Тиверій и гвалъ христіанъ без-
пощадно...».

Кромѣ Тиверія и Августа (см. выше), изъ императоровъ римскихъ упоминается еще *Неронъ* въ «*Княжнѣ Мэри*» (ок. 1839—40).

Обращенія къ античности, какъ къ «дней минувшихъ анекдотамъ», у Лермонтова сравнительно съ Пушкинымъ, оч. рѣдки ¹⁾.

Въ «*Вадимѣ*» (1830 г.) находимъ: «бѣднякъ нимало не смутился и остался хладнокровнымъ, какъ *Сократъ*, когда жена вылила кувшинъ воды на его голову...» (IV, 3).

Другой разъ *Сократъ* упоминается въ «*Сашкѣ*»:

«Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
Съ улыбкою притворной, какъ *Сократъ*...» (II, 188).

Въ «*Вадимѣ*» еще греки — «*потомки Леонида*»; пытка *Тантала* (имя больше не употребляется Лермонтовымъ).

Въ «*Княгинѣ Лиговской*» — «*пятка Ахиллеса*».
(1836 г., IV, 134).

Въ «*Кн. Мэри*» (1839—40 г.): слова Печорина къ Грушницкому: «Берегитесь, не падайте заранѣе; это дурная примѣта: вспомните *Юлія Цезаря!*» (IV, 259).

Извѣстный Лермонтовскій «*Экспромтъ*» (1830 г.):

«*Три граціи* считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы — все три, а не четыре!»

связанъ съ античностью не только по упоминаемому тамъ граціямъ, но, какъ это показано М. А. Масловымъ, «*Экспромтъ*» въ цѣломъ есть варіація античной темы. Вопросъ только въ томъ, кто былъ посредникомъ между греческой эпиграммой и Лермонтовской передачей ²⁾.

¹⁾ Ср. отступленіе Пушкина о пиррахъ въ «Евг. Онег.», сравненіе «Елены палестинской» съ Татьяной тамъ же и т. д.

²⁾ Античные мотивы въ русск. лит. М. Масловъ. Сборникъ Харьк. И.-Ф. О. въ честь Дринова.

Вотъ всѣ упоминанія, такъ или иначе касающіяся античности.

«Какая малость», по сравненію съ Пушкинымъ, который любилъ обращаться къ античности, не только въ началѣ поэтической дѣятельности, подѣ влияніемъ Батюшкова и французскихъ классиковъ, но и подѣ конецъ своей жизни («Египетскія ночи» и замѣчательный отрывокъ «Цезарь путешествовалъ»).

Для отысканія источниковъ нѣкоторыхъ стихотвореній Лермонтова («Купидонъ», «Глупой красавицѣ», «къ Нэерѣ» и др.) требуется участіе специалистовъ-классиковъ, затѣмъ уже знатоковъ западныхъ литературъ, такъ какъ Лермонтовъ, вѣроятно же всего, пользовался переводами съ древнихъ языковъ. Эти поиски источниковъ прольютъ нѣкоторый свѣтъ на чтеніе Лермонтова, о чемъ намъ извѣстно очень мало.

Два замѣчанія на этотъ счетъ.

Обращаетъ на себя вниманіе стихотвореніе 1830 г. «Къ Нэерѣ». Это имя античное. У Горация есть стихотвореніе «Ad Nauegam»; ²⁾ упоминается также это имя и въ 14 одѣ, III кн. Стихотвореніе Лермонтова носить какой-то налетъ пластичности, мало свойственной его духу; нѣкоторые эпитеты, какъ «душистое ложе», тоже кажутся не совсѣмъ обычными.

Въ одѣ («Ad populum Romanum») окончаніе какъ-будто имѣть отдаленное сходство съ начальными стихами Лермонтовской пьесы:

«Скажи, для чего передъ нами
Ты въ кудри влетаешь цвѣты?
Себя ли украсишь ты розой,
Прелестной, минутной, какъ ты?
Зачѣмъ приводить намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увянуть, что взоръ твой забудетъ
Восторги надеждъ и любви?
Дивлюсь я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты смотришь впередъ,
Смѣешься надъ временемъ, будто
Нэеру оно обойдетъ...

²⁾ Кн. I, Эпода 15.

Ужель ты безумнымъ весельемъ
Прогнать только хочешь порой
Грядущаго тѣни? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лѣтъ протекутъ—ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою глазъ
Къ себѣ на душистое ложе
Опять не заманишь ты насъ.
О! лучше умри поскорѣе,
Чтобъ юный красавецъ сказалъ:
«Кто былъ этой дѣвы милѣе,
Кто раньше ея умиралъ?...

У Горация (переводъ Фета):

«Да и Нэерѣ скажи голосистой:
«Косу узломъ, да скорѣй собирайся!»
Если-жъ привратникъ докучный задержать—
Не дожидайся:
Волосъ бѣлѣющій духъ укрощаетъ,
Бойкость не та, и не та ужъ осанка—
Этого я не стерпѣлъ бы во время
Консула Планка».

Какъ и въ случаѣ, указанномъ выше М. А. Масловымъ, мы имѣемъ, можетъ быть, дѣло съ вліяніемъ французскаго или иного посредника; нужно отыскать болѣе близкія совпаденія.

Любопытно одно мѣсто въ юношеской поэмѣ «Джюліо» (1830 г.):

«Заботы выются въ сумракѣ ночей
Вкругъ ложа мягкаго, златыхъ кистей;
У изголовья совѣсть—скорпіонъ
Отъ вѣжды засохшихъ гонитъ сладкій сонъ;
Какъ вѣтръ преслѣдуетъ по небу вдаль
Оторванные тучки,—такъ печаль,
Въ одну и ту же съ нами свѣзъ ладью,
Не отстаютъ ни въ кушнѣ, ни въ бою».
Такъ римскій говорить поэтъ—мудрецъ.

(Лерм. I, 195).

Послѣднія слова не представляютъ ли вольной передачи нѣсколькихъ стиховъ Горация (Кн. III, ода 1, «Къ хору дѣвъ и мальчиковъ»):

«Jed Timor et Minae
Scandunt eodem, quo dominus, neque
Decedit aerata triremi et
Post equitem sedet atra Cura».

Въ переводѣ Фета:

...Страхъ и тоска идутъ тѣми-жъ слѣдами...
Онъ на корабль—и забота на палубѣ;
Онъ на коня—и печаль за плечами...»

(Стиху 215-му отчасти 213, 214-му у Лермонтова соотвѣтствуютъ слѣд. стихи у Горация, въ переводѣ Фета:

...—нѣтъ сласти въ богатыхъ
Яствахъ, и сна не вернуть богатнаго
Цитры напѣвы и голосъ пернатыхъ.
Сладостный сонъ не минуетъ убогаго
Сельскаго крова... (стр. 78)

Извѣстно, какъ внимательно читалъ Пушкинъ Тацита, какъ онъ прилежно изучалъ бытъ древнихъ римлянъ.

Анакреонъ, Тацитъ и Овидій—излюбленные античные писатели Пушкина; онъ зналъ ихъ, особенно 2-хъ послѣднихъ, они вызвали рядъ стихотвореній его, то подражаній, то оригинальныхъ по содержанию и замыслу, но обязанныхъ формой.

Мы видѣли, что у Лермонтова ничего этого не наблюдается; немногія имена и образы античные падаютъ преимущественно на первые годы его поэтической дѣятельности, —тѣмъ болѣе вниманіе наше не можетъ не привлечь отрывокъ, написанный *гекзаметромъ*, отрывокъ, единственный не только по размѣру, но и по содержанию и настроенію. Онъ относится къ 1841, т. е., послѣднему году жизни поэта. Мы рассмотримъ этотъ отрывокъ въ связи съ программой трагедіи «Марій». Программа сохранилась въ тетрадахъ поэта и составлена приблизительно за десять лѣтъ до упомянутаго отрывка.

Написать трагедію: *Марій*, изъ Плутарха. Дѣйствія:

1) Его жизнь въ Римѣ во время его консульства и изгнаніе Суллою.

2) Когда Марій въ изгнаніи бродить, и взять, и Цибрскій невольникъ не смѣетъ убить его.

3) Сынъ Марія при дворцѣ сатрапа освобождаетъ невольницею, и Марій въ Карфагенѣ.

4) Цинна въ Римѣ. Пришествіе Марія, тиранства, убійства, и проч. (между прочимъ: Антонія, оратора убили).

5) Марій предчувствуетъ гибель. Онъ умираетъ. Слостолюбивый сынъ его тиранствуетъ, но угрожаемъ Суллою, бѣжить изъ Рима и въ Пернестѣ убиваетъ себя. —

Сыну Марія, передъ смертію, въ 5 дѣйствіи, является тѣнь его отца и повелѣваетъ умереть, ибо родъ ихъ долженъ ими окончиться (XI тетр. автогр. Лерм. муз. л. 7; Акад. IV, 357).

Припомнимъ нѣкоторыя мѣста изъ Плутарха, чтобы увидѣть, что привлекло вниманіе Лермонтова, что поразило его воображеніе въ разсказѣ греческаго историка—моралиста. Намъ кажется, — прежде всего, *фонъ*, на которомъ разыгрываются всѣ событія жизни этого героя—времени Марія и Суллы, контрастъ силы и величія, высшей степени могущества и цивилизаціи—съ одной стороны, и разыгрывающіяся страсти выскочекъ, ни передъ чѣмъ не останавливающихся, заискивающихъ у народа или аристократіи, вражда ихъ — съ другой.

Плутархъ, по обыкновенію, подходитъ къ біографіи Марія, не какъ историкъ, но какъ моралистъ и психологъ; для него жизнь Марія, полная всякихъ превратностей, поднимавшая его на высочайшую степень славы и могущества и повергавшая его въ меньшія опасности, бѣдствія и униженія, для него эта жизнь 1) иллюстрація извѣстныхъ этическихъ истинъ, 2) результатъ не только опредѣленнаго душевнаго склада, но и воспитанія.

«Что касается до наружности Марія, то мраморная его статуя, видѣнная мною въ Равеннѣ,... прекрасно выражаетъ приписываемый ему мрачный и суровый характеръ. Храбрый отъ природы и воинственный, онъ получилъ образованіе, приличное скорѣй солдату, нежели мирному гражданину, поэтому не могъ, на верху

своего могущества, сдерживать своей вспыльчивости». (Ширръ и Марій, перев. Алексѣева, изд. Суворина, 149).

Какъ типиченъ для культурнаго грека такой отзывъ! Плутархъ и дальше не разъ подчеркиваетъ эту грубость души Марія — варвара, рядомъ съ его военнымъ геніемъ, неукротимой отвагой и энергіей.

Когда Марій узналъ о захватѣ Антонія — оратора, котораго искалъ, онъ громко вскрикнулъ и отъ радости *захлопалъ въ ладоши*. Онъ едва не выскочилъ изъ-за стола, чтобы побѣжать на то мѣсто; но друзья его удержали...¹⁾ (209 стр.).

Марію было въ это время около 70-ти лѣтъ. — Продолжимъ нашу выписку изъ Плутарха.

«Говорятъ, онъ никогда не занимался греческой литературой и не говорилъ по-гречески... онъ считалъ смѣшнымъ изучать литературу, преподаватели которой были рабами другихъ...

Платонъ часто говорилъ нѣсколько угрюмому философу Ксенократу: «Дорогой Ксенократъ, привноси жертвы харитамъ». Если бы и Марію лосовѣтовали «приносить жертвы» греческимъ музамъ и харитамъ, онъ не окончилъ бы своихъ громкихъ подвиговъ во время войны и мира такъ позорно, не сдѣлался бы въ старости такимъ кровожаднымъ звѣремъ, вслѣдствіе своей вспыльчивости, несвоевременнаго честолюбія и ненасытной алчности» (св., 149 — 150).

Такъ приступаетъ Плутархъ къ жизнеописанію Марія, который «хотѣлъ быть первымъ, не заботясь быть лучшимъ». Съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности Марій показываетъ себя человѣкомъ, «неспособнымъ дрожать ни передъ кѣмъ или принимать въ расчетъ свое уваженіе къ кому-либо...» (152).

Марій не былъ ни богатъ, ни краснорѣчивъ, но его «гордость, упорное трудолюбіе и простота жизни имѣли въ глазахъ народа нѣкоторую цѣну... Марію приписываютъ строгій образъ жизни и *самообладаніе*».

Передается, какъ Марій, желая избавиться отъ безобразившей его ноги опухоли, «вытянулъ ему (врачу) ногу и несвязаннымъ,

¹⁾ Ср. знаменитую сцену въ «Ревизорѣ», изображающую торжество городничаго послѣ отъѣзда Хлестакова.

не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, не испустилъ ни одного стона, со спокойнымъ лицомъ, молча перенесъ страшную боль отъ ножа...» (154).

«...Марій не боялся самыхъ большихъ трудовъ, какъ не пренебрегалъ и самыми малыми. Онъ стоялъ выше равныхъ себѣ званіемъ—своимъ благоразуміемъ и благодѣтельной предусмотрительностью, съ солдатами—спорилъ воздержанностью и храбростью и пріобрѣлъ этимъ себѣ горячую любовь. Повидимому, трудящагося утѣшаетъ, вообще, то, что другіе добровольно дѣляютъ съ нимъ трудъ... Ничто не можетъ быть пріятнѣе для римскаго солдата, какъ видѣть полководца, который ѣсть, въ присутствіи всѣхъ, простой хлѣбъ, спитъ на простой постели или работаетъ вмѣстѣ съ другими при рытьѣ рва или устройствѣ частокола вокругъ лагеря. Солдаты не такъ уважаютъ полководца, который даетъ имъ награды и деньги, какъ того, кто раздѣляетъ ихъ труды и опасности, любятъ больше того, кто работаетъ вмѣстѣ съ ними, нежели позволяетъ себѣ сидѣть сложа руки. Поступая такимъ образомъ во всемъ, Марій привлекъ на свою сторону войско, и такъ же скоро наполнилъ славою своего имени Африку, какъ скоро наполнилъ ею Римъ». (155).

Послѣ избранія консуломъ... его дерзкія слова, соединенныя съ гордостью и презрѣніемъ, ¹⁾ оскорбляли аристократію. Онъ громко говорилъ, что его консульство—добыча, отнятая имъ у изнѣженныхъ аристократовъ и богачей, и что онъ можетъ хвастаться передъ народомъ своими ранами, а не гробницами умершихъ или чужими бюстами...» (157).

— Марій, когда всѣ сожалѣли о казненномъ Турпиліи, не краснѣя говорилъ всѣмъ и каждому, что это дѣло его рукъ... (156). Рассказывая о возникновеніи вражды Марія съ Суллой, Плутархъ объясняетъ ее прежде всего тѣмъ, что Марій честолюбивый, суровый, «не умѣлъ дѣлиться славою съ другими»...

Зато военная слава, по праву, должна остаться за нимъ. Его изобрѣтательность на войнѣ не имѣла границъ. Тутъ Марій дѣйствовалъ, прежде всего, на психику солдатъ. Съ неослабѣвающимъ интересомъ читаются эти строки у Плутарха. Когда Марій далъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

солдатамъ изучить лично его... «суровость Марія вначалѣ и его безпощадность въ наказаніяхъ показалаcя имъ справедливой и спасительной. Его *неукротимый гнѣвъ*, его *грубый голосъ и дикій взглядъ*, къ которымъ они постепенно привыкли, были, въ ихъ глазахъ, страшны не имъ, а непріателямъ...» (164). Постигнувъ ту психологическую истину, что «новость впечатлѣнія придавала страннымъ на видъ предметамъ много свойствъ, какихъ у нихъ нѣтъ въ дѣйствительности, и что сила привычки дѣлала нестрашнымъ даже страшное отъ природы», — Марій добился того, что, «ежедневно глядя на непріателей, ¹⁾ солдаты не только переставали удивляться имъ, — ихъ сердца горѣли яростью и желаніемъ сразиться съ ними»... ²⁾ (167).

Послѣ побѣды надъ тевтонами и кимврами, «3-й основатель Рима» достигъ вершинъ своей славы: «Каждый справлялъ праздникъ у себя въ домѣ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, при чемъ приносилъ Марію наравнѣ съ богами, начатки обѣда и совершалъ въ честь его возліянія...» (174).

Но вотъ наступаетъ мирное время, и Марій превращается изъ героя въ самаго неразборчиваго интригана и предателя лучшихъ людей своего времени. Путемъ всякихъ злодѣйствъ и двуличія, онъ добывается 7-кратнаго избранія въ консулы. Марій «*не былъ созданъ для мирной жизни... въ бездѣйствіи и тиши слабли его силы и увядала слава*, — и онъ сталъ искать случая для новой дѣятельности». (190). «*Есть сила*», говоритъ Плутархъ, «*которая не даетъ тому, кто испыталъ большое счастье, чистой, ничѣмъ несмущаемой радости*». Этой силѣ былъ подверженъ Марій.

«Сдѣлавшись изъ бѣдняка страшнымъ богачемъ, изъ ничтожества достигнувъ высшихъ должностей, онъ не зналъ мѣры своему счастью. Ему было мало, что его уважали, что онъ могъ спокойно пользоваться настоящимъ, — у него какъ-будто ничего не было, и, послѣ триумфовъ и славы, онъ, въ глубокой старости, рѣшился ѣхать...

¹⁾ Тевтоновъ, страшныхъ своей дикостью, многочисленностью и воинственности.

²⁾ Ропотъ солдатъ описанъ у Плутарха такъ, что невольно вспоминается соответственное мѣсто знаменитаго Лермонтовскаго „Бородина“:

„Досадно было, боя ждали; роптали старики...“

Бояться, что ли, командиры чужіе изорвать мундиры о русскіе штыки!..“

попытать счастье въ борьбѣ съ сатрапами Митридата....» (193). Злоключенія Марія послѣ торжества Суллы, опасности умереть съ голода, быть брошеннымъ въ море, убитымъ врагами, которые всюду его преслѣдовали, униженія Марія («Марій плакалъ и умолялъ матросовъ»..., «онъ упалъ къ ногамъ рыбака и умолялъ его быть спасителемъ и защитникомъ»), казалось, должны были положить конецъ этой жизни. «Нагой, покрытый грязью, онъ былъ вытащенъ (изъ болота, гдѣ скрывался) и уведенъ въ Минтурны, гдѣ было рѣшено немедленно умертвить плѣнника, согласно приказамъ изъ Рима. Лермонтовъ предполагалъ отвести второе дѣйствіе скитаніемъ Марія, которыя поразили его ¹⁾, какъ и знаменитая слѣдующая сцена:

«Никто изъ гражданъ не рѣшился привести въ исполненіе ихъ намѣренія; нашелся всадникъ, галлъ или кимвръ, — относительно его происхожденія историки говорятъ различно. Онъ взялъ мечъ и вошелъ къ Марію. Говорятъ, солдату почудилось, что изъ глазъ Марія вырвался цѣлый снопъ пламени. Изъ темнаго угла раздался громкій голосъ: «И ты, несчастный, дерзнешь поднять руку на Гая Марія!...». Варваръ тотчасъ же выбѣжалъ вонъ, бросилъ мечъ и, уходя изъ дому, кричалъ одно: *«Нѣтъ, я не могу убить Гая Марія!...»*.

Не менѣе эффектную, даже величественную минуту въ жизни Марія описываетъ Плутархъ, когда, высадившись на берегу Африки, онъ, рассчитывая на пріютъ здѣсь, неожиданно получилъ отъ пропретора запрещеніе оставаться въ этой странѣ подъ угрозой «поступить съ нимъ, какъ съ врагомъ римскаго народа».

«Когда Марій услышалъ это, онъ отъ горя и досады не могъ произнести ни слова. Онъ долго оставался недвижимъ, сурово смотря на раба. На вопросъ, что прикажетъ онъ отвѣчать пропретору, Марій тяжело вздохнулъ и произнесъ: *«Скажи, что ты видѣлъ изнаника Гая Марія сидѣвшимъ на развалинахъ Карфагена»*, — *отвѣтъ*, какъ нельзя лучше *напоминавшій объ участи этого города и перемѣнчивости счастья въ жизни самого Марія...*». Освобожденіе сына Марія невольницей сатрапа, полюбившей его, описано у Плутарха кратко.

¹⁾ Возможно, что отголоски этого чтенія отразились въ «Вадимѣ» (скитанія Палицыныхъ).

Счастье, благодаря Циннѣ и неожиданному союзу съ нимъ, въ послѣдній разъ улыбнулось Марію. Передъ вступленіемъ въ Римъ обѣихъ *«вѣчно суровое выраженіе его лица и мрачный взглядъ Марія говорили, что онъ скоро наполнитъ столицу потоками крови»*... Дѣйствительно, если Цинна цѣлымъ рядомъ убійствъ насытилъ свою кровожадность, то ярость Марія не имѣла границъ.

Плутархъ останавливается на 2-хъ трогательныхъ случаяхъ преданности слугъ къ 2-мъ гонимымъ. Одного изъ нихъ, знаменитаго оратора Антонія, это, впрочемъ, не спасло отъ тѣлохранителей Марія. Марій ¹⁾ отправилъ Аппія съ отрядомъ солдатъ и приказалъ ему немедленно принести голову Антонія.

Убійцы подошли къ дому. Аппій остановился въ дверяхъ, солдаты... вѣзли по лѣстницѣ въ комнату, гдѣ находился Антоній. При взглядѣ на Антонія никто не рѣшился убить его, одинъ побуждалъ другого исполнить данное имъ порученіе. *Такъ велика была прелесть и сила его слова, что никто не посмѣлъ взглянуть ему даже въ лицо, когда онъ сталъ говорить и умолялъ оставить ему жизнь. Всѣ стояли съ опущенными головами и плакали. Произошла остановка. Аппій вошелъ и увидѣлъ, что Антоній говоритъ рѣчь, солдаты же поражены и очарованы его словами. Онъ выругалъ ихъ, бросился на Антонія и самъ отрубилъ ему голову...*» (209 стр.).

Избранный въ 7-ой разъ консуломъ, Марій не измѣнился. А между тѣмъ старость и усталость брали свое.

«Ночью ему грезились призраки; ему снились страшные сны; ему чудилось всегда, что онъ слышитъ голосъ, который говоритъ: «Страшно логовище льва, хотя въ немъ и нѣтъ льва»... (211).

Конецъ Марія, его смерть и размышленія Плутарха по поводу описанной жизни:

«...во время этой болѣзни вполнѣ обнаружилось его честолюбіе. Въ бреду, ему казалось, что онъ командуетъ въ войнѣ съ Митридатомъ; онъ дѣлалъ различныя тѣлодвиженія и обороты и громко кричалъ; изъ его устъ часто раздавался военный кличъ. Вотъ какъ глубоко вкоренилась въ его сердце страстная жажда

¹⁾ См. выше—радость Марія при обнаруженіи Антонія.

почестей, жажда, имѣвшая своимъ источникомъ честолюбіе и ревность! Онъ прожилъ семьдесятъ лѣтъ, былъ семь разъ консуломъ, — чего не случилось ни съ кѣмъ — имѣлъ домъ и состояніе, котораго хватило бы для многихъ взятыхъ вмѣстѣ царей, и все-таки плакался на свою судьбу и жалѣлъ, что умираетъ, не приведя въ исполненіе своихъ плановъ.

Иначе умиралъ Платонъ.

Передъ приближеніемъ смерти, онъ благодарилъ своего генія и судьбу... Говорять, и Антипатръ Тарскій... За всякій даръ со стороны счастья онъ горячо благодарилъ его, считалъ этотъ даръ полученнымъ какъ бы отъ добраго друга и всю жизнь удерживалъ его въ своей памяти, самомъ вѣрномъ хранилищѣ благъ для чело-вѣка. Но неблагодарные и глупцы незамѣтно забываютъ современемъ все, что было съ ними.. Они собираютъ, копятъ внѣшнія блага, не положивъ имъ прочнаго основанія, фундамента, разсудкомъ и воспитаніемъ, вслѣдствіе чего не въ состояніи насытить своей алчной души.

Марій умеръ въ семнадцатый день своего седьмого консулства. Избавившись отъ жестокой тиранніи, Римъ былъ внезапно охваченъ радостью и довѣріемъ къ своимъ силамъ, но черезъ нѣсколько дней населеніе убѣдилось, что старика-деспота замѣнилъ молодой, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, — такой жестокостью и кровожадностью отличался сынъ его, Марій, убивая аристократовъ и лучшихъ изъ гражданъ. Сперва думали, что онъ мужественно, презирая опасности, встрѣтитъ непріятеля, вслѣдствіе чего ему дали прозвище «сына Марса»; но вскорѣ онъ своими поступками обманулъ это ожиданіе и получилъ другое прозвище — «сына Венеры». Наконецъ Сулла заперъ его въ Пренестѣ... и онъ покончилъ самоубійствомъ». (213 стр.).

Не только самыя событія жизни, но и освѣщеніе, данное Плутархомъ, должно было произвести впечатлѣніе на Лермонтова. Мы видимъ, какъ близокъ онъ въ своей программѣ къ Плутарху. У Плутарха заимствованы самыя эффектные моменты разсказа: то моментъ высшей славы Марія и его могущества (1-е дѣйствіе), то, наоборотъ, Лермонтовъ, пораженный превратностью судьбы Марія, привлеченъ его необычными приключеніями, опасностями, въ кото-

рыхъ Марій проявляетъ какую-то сверхъестественную неугасимую увѣренность въ конечномъ успѣхѣ и почти демоническое вліяніе силой и суровостью своей необыкновенной личности. (2-е дѣйствіе, эпизодъ съ «Цибрскимъ» невольникомъ). 3-е дѣйствіе должно было передавать переходныя событія въ жизни Марія. Въ 4-мъ Марій снова на верху могущества; бѣдствія не исправили его, онъ остается попрежнему неукротимо жестокимъ, а въ ряду стихійныхъ злодѣйствъ Марія Лермонтовъ остановился на величайшемъ, по его мнѣнію, на убійствѣ Марка-Антонія, вдохновеннаго оратора, римскаго Орфея, столь неотразимаго въ красотѣ своей рѣчи, что суровые солдаты плакали, не рѣшаясь поднять на него руку.

Эта смерть какъ-будто должна была истощить терпѣніе боговъ, — въ 5-мъ дѣйствіи гибнетъ не только онъ, но и сынъ его, а съ нимъ — и родъ Марія.

Только конецъ трагедіи долженъ былъ отступить отъ повѣствованія Плутарха, у котораго нѣтъ «тѣни отца, повелѣвающей умереть, ибо родъ ихъ долженъ ими окончиться» (см. выше) (357, IX).

Но и на это данъ намекъ у Плутарха. См. подчеркнутое нами мѣсто о снахъ Марія, призракахъ, мучившихъ его во время болѣзни ¹⁾.

Разрушительная сила, живущая въ вѣчно мятежной душѣ человека, не дающая ему успокоиться, рано стала предметомъ раздумья Лермонтова. Въ 1832 г., 18-ти лѣтъ, онъ уже почувствовалъ себя въ состояніи образно, не риторически, описать ее въ знаменитомъ стихотвореніи «Парусъ».

«Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,

Надъ нимъ лучъ солнца золотой...

А онъ, мятежный, проситъ бури,

Какъ-будто въ буряхъ есть покой!» (II, 16).

Общезвѣстны дальнѣйшія варіаціи этой же темы, ставшія классическими:

...Жалкій человекъ...

Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,

¹⁾ Еще доказательство, какъ внимательно читалъ Л. Плутарха: предполагаемая сцена о «сластолюбивомъ» молодомъ Маріи, о которомъ у Плутарха — всего нѣсколько словъ («сынъ Венеры»).

Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...»

(Валерикъ, 1840 г.; II, 304).

Однако сдѣлать иллюстраціей этой мысли трагедію,—да еще изъ римской жизни,—16-ти лѣтній поэтъ былъ не въ силахъ; замыселъ, очень широкій, остался невыполненнымъ.

Въ 1841 г. Лермонтовъ снова обращается къ древнему Риму, задумавъ написать поэму изъ жизни первыхъ христіанъ при императорѣ Тиберіи. Отъ задуманной поэмы остался одинъ отрывокъ, но въ высшей степени интересный для характеристики той перемѣны въ настроеніяхъ поэта, которая замѣчается къ концу его жизни. Припомнимъ его.

«Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.

Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ

безпощадно;

Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.»

(II, 334).

Такъ начинается неоконченная поэма съ опредѣленія мѣста и времени событій, съ краткой характеристикой эпохи гоненій на христіанъ, гоненій безпощадныхъ, но тщетныхъ. 3-й и 4-й стихи художественно даютъ предчувствовать торжество христіанской идеи.

Въ стихахъ 5—8 мы знакомимся съ христіаниномъ подвижникомъ-старцемъ: ¹⁾).

„Въ тайной пещерѣ надъ Тибромъ ревущимъ скрывался
въ то время

Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;

Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославилъ;

Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ

И отъ страданій душевныхъ». (ib.).

Такимъ же ровнымъ тономъ, поддерживаемымъ величаво-степеннымъ гекзаметромъ, ведется весь отрывокъ — 32 стиха.

¹⁾ Не анахронизмъ?.

Настроение тихое, благочестивое, несколько грустное, но оптимистическое—словомъ, христіанское.

Лермонтовъ уже «Пѣсню про царя Ивана Васильевича» заявилъ себя мастеромъ повѣствовать въ эпическомъ тонѣ, уже тогда (1836—7 г.) онъ умѣлъ съ обычнымъ въ народномъ эпосѣ спокойствіемъ соединять затаенную грусть; особенно замѣчательна этимъ 3-я часть «Пѣсни». Въ настоящемъ отрывкѣ мастерство Лермонтова достигло высшей степени, къ прежнимъ качествамъ присоединилась еще необыкновенная сжатость и содержательность.

Въ языкѣ обращаетъ на себя вниманіе обиліе эпитетовъ—то живописныхъ, то эмоціональныхъ, особенно послѣднихъ.

Кромѣ языка и построения, мастерство сказывается въ гениальномъ умѣнии ввести сразу въ кругъ особыхъ настроеній, въ особый міръ, гениально раскрываемый 2—3-мя штрихами.

Разбирая отрывокъ «Цезарь путешествовалъ» Пушкина, г. Черняевъ говоритъ: «Поэтъ сдѣлалъ всего нѣсколько штриховъ, а Петровій стоитъ передъ нами, какъ живой» (Крит. ст. и зам. о П., 423). То же самое можно сказать объ отрывкѣ Лермонтова. Въ 8^{1/2} стихахъ, приведенныхъ выше, поэтъ гениально нарисовалъ фонъ для будущей поэмы и фигуру подвижника—главнаго виновника будущихъ событій.

Дальше 4 стиха представляютъ завязку:

«...Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простого
Званья; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Просить она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтъ
Дѣвственной жизни умершую»...

Дальше идетъ рѣчь матери, распадающаяся на нѣсколько частей:

1) рассказъ ея о несчастьѣ:

«Вотъ ужъ два дня и двѣ ночи,—
Такъ она говорила,—мы нашихъ боговъ неотступно
Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,
Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... но все бесполезно!»!

2) Описаніе Виргиніи, впечатлѣнія ея на окружающихъ и того, чѣмъ она была для родителей:

«Если бы зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила-бы Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя кудри, На темныя очи ея, молодѣли; юноши страстнымъ Взоромъ ее провожали, когда напѣвая простую Пѣсню, амфору держа надъ главою, осторожно тропинкой Къ Тибру спускалась она за водою, вль въ пляскѣ, Передъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала искус-
ствомъ».

Но вотъ въ безпечной красавицѣ — дѣвушкѣ происходитъ рѣзкая перемѣна; неподражаемо передается и недоумѣніе матери передъ недоступнымъ ея пониманію переворотомъ, и огорченіе ея, и безпомощность:

«Только въ послѣднее время примѣтно она измѣнилась: Игры наскучили ей, и взоръ отуманился думой; Изъ дому стала она уходить до зари, возвращаясь Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила».

Мать видѣла однажды Виргинію на молитвѣ:

«При свѣтѣ Поздней лампы я видѣла разъ, какъ она, на колѣняхъ, Тихо, усердно и долго молилась... кому?.. *неизвѣстно*»...

Картина растерянности и грустнаго недоумѣнія дополняется. — Тогда рѣшено было принять мѣры:

Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...

(II, 334)

На этомъ обрывается рѣчь матери.

Чеховъ говорилъ о языкѣ Лермонтова: «Я не знаю языка лучше, чѣмъ у Лермонова. Я бы такъ сдѣлалъ: взялъ бы его разсказъ и разбиралъ бы, какъ разбираютъ въ школахъ, по предложеніямъ, по частямъ предложенія... Такъ и учился бы писать». («Русск. М.» 1911 г., X, 46). То же самое можно сказать и о приведенномъ отрывкѣ; продолжи его Лермонтовъ, — и онъ далъ бы

идеальный образец эпического стиля, воскресивъ во всей прелести и простотѣ «гекзаметра священные напѣвы». А между тѣмъ Лермонтовъ единственный разъ только обратился къ этому любимому размѣру античной поэзіи.

Обращаясь теперь снова къ юношеской программѣ трагедіи «Марій», мы узнаемъ въ этомъ планѣ юношу-Лермонтова, автора нѣсколькихъ драмъ, очень мрачныхъ по событіямъ и судьбѣ дѣйствующихъ лицъ. Любопытно, что Лермонтовъ задумалъ не одну историческую трагедію; изъ *римской* исторіи, кромѣ «Марія», была мысль написать, какъ это видно по той же XI тетр. автографовъ Лермонтовскаго музея, еще трагедію «Неронъ»: *Ecrire une tragédie «Neron»* (V, 359). Возбужденная фантазія искала обстановки и героевъ съ печатью величія и силы — то въ Римѣ, то въ древней Руси, то на Кавказѣ.

Римъ республиканскій, когда героизмъ былъ, такъ сказать, общей чертой многихъ, не такъ привлекателенъ,¹⁾ какъ Римъ передъ началомъ имперіи или императорскій, когда онъ сдѣлался ареною борьбы честолюбивыхъ личностей за власть.

Но мѣръ того, какъ созрѣвалъ Лермонтовъ, его вниманіе останавливалось на иныхъ предметахъ, на иныхъ сторонахъ жизни. Этотъ переходъ къ инымъ настроеніямъ охарактеризованъ Лермонтовымъ въ стихотвореніяхъ 1840 г. (II, 295 и въ другихъ).

Поэтъ послѣдовательно то переживалъ состояніе *отчужденнаго* одиночества,²⁾ то признавалъ наиболѣе разумнымъ *эгоистическое* отношеніе къ людямъ, то становился во *враждебное отношеніе* къ жизни, индифферентное, наконецъ, въ послѣднихъ стихотвореніяхъ Лермонтова звучить нерѣдко нота *грустно-смиренная*, отчасти *религіозная* (Котляревскій, М. Ю. Лер. 324). Мы не можемъ не связать съ этой эволюціей и той разницы, которая замѣчается въ разсмотрѣнной выше программѣ и такъ много обѣщавшемъ отрывкѣ. Что интересовало Лермонтова въ древнемъ Римѣ около 1830 г., то черезъ 10 лѣтъ перестаетъ его интересовать. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ хотѣлъ изобразить столкновеніе 2-хъ различныхъ міросозерцаній: языческаго и христіанскаго. Передъ нами начало поэмы изъ

¹⁾ Для юноши Лермонтова.

²⁾ Пользуемся опредѣленіями Нестора Котляревскаго.

древне-христіанской жизни. Замѣчательно, что эта задача привлекала и Пушкина: въ «Галубѣ» Пушкинъ предполагалъ вывести христіанскаго миссіонера; въ программѣ отрывка «Цезарь путешествовалъ» на это указываютъ слова: «*рабъ-христіанинъ*».

На зарѣ своей юности Лермонтовъ увлекается личностью Маріа, яркаго представителя «железнаго» Рима, силы и ненасытимой жажды власти. А когда «душевные бури истомили Лермонтова, и потребность примиренія начала переселявать въ немъ всѣ титаническіе порывы его сердца» ¹⁾,—поэтъ обратился къ тому же «могучему Риму», но теперь онъ его беретъ, какъ фонъ, на которомъ хочетъ выявить психологію христіанскаго смиренія и всеполюбящей любви; въ настоящемъ случаѣ онъ заговорилъ такимъ проникновеннымъ стихомъ, столько простоты и грусти звучить въ его рѣчи, что мы не знаемъ, почему этотъ отрывокъ не ставится на ряду съ его 2-мя «Молитвами». «Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима»—своеобразное соединеніе христіанскаго строенія и пластичности формы античной поэзіи ²⁾.

Въ жизни Лермонтова сыграли огромную роль неблагоприятно сложившіяся обстоятельства; послѣдними объясняется много печальнаго въ его жизни,—не только натурой пессимиста...

Въ 1822 г. Пушкинъ писалъ Гнѣдичу изъ Кишинева: «пожалѣйте обо мнѣ: живу между готовъ и сарматовъ, никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха, пишу какъ-нибудь, не слыша ни живительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній...» Лермонтовъ всю жизнь не имѣлъ ихъ.

Фатально не везло Лермонтову въ университетѣ, гдѣ лучшіе профессора или ушли или появились съ уходомъ Лермонтова (Грановскій). Такъ же неблагоприятно было и время поступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Къ этому надо присоединить

¹⁾ Н. Ботляревскій.

²⁾ Въ 32-хъ стихахъ дано такъ много, что этотъ маленькій отрывокъ можетъ выдержать сравненіе съ цѣлой поэмой изъ той же жизни другого поэтичнѣшаго поэта, поэмы чрезвычайно риторическаго характера («Христіанка» Надсона). Между прочимъ, показателемъ художественности отрывка служить количественное отношеніе образныхъ и необразныхъ словъ, по приблизительному подсчету удовлетворяющее т. н. «золотой пропорціи». См. статью Бол. Прусса о «Фарисѣ» Мицкевича въ Сб. 1898 г. въ честь послѣдняго.

еще одно обстоятельство: Лермонтовъ былъ лишентъ одного животворнаго источника, который могъ бы обогатить его поэзію и, возможно, повліять на ускореніе того процесса умиротворенія душевнаго, которое все чаще обнаруживается къ концу его жизни: мы разумѣемъ общеніе съ античнымъ міромъ. Какая громадная разница сравнительно съ Пушкинымъ!

А. Краковъ.

Замѣтки по исторіи финансоваго управленія въ Гетманщинѣ.

Работники на нивѣ украинской исторіи всегда съ любовью вспоминають и съ признательностью отмѣчаютъ заслуги покойнаго А. М. Лазаревскаго въ дѣлѣ изученія прошлаго родного края. Значеніе работъ этого скромнаго ученаго дѣятеля было въ свое время по достоинству оцѣнено въ спеціальной научной литературѣ¹⁾. Онъ не былъ выдающимся ученымъ, совершающимъ переворотъ въ установившихся научныхъ взглядахъ или создавшимъ цѣлую школу послѣдователей, онъ не стремился въ своихъ работахъ къ оригинальнымъ построеніямъ, къ смѣлымъ обобщеніямъ: его работы большею частью носятъ описательный характеръ, но онѣ содержатъ богатый матеріалъ для выработки опредѣленныхъ сужденій о прошломъ края. А. М. Лазаревскій привлекъ къ изученію огромный рукописный матеріалъ, не отступивъ передъ трудностями предварительной черной работы, и освѣтилъ многія темныя стороны внутренней жизни Гетманщины. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ онъ познакомилъ насъ съ жизнью людей старой Малороссіи, съ ихъ радостями и горестями, съ судьбами многострадальнаго крестьянства, съ состояніемъ суда, бытомъ горожанъ, съ социальными и экономическими отношеніями. Къ трудамъ «историка старой Малороссіи» всегда будутъ обращаться изслѣдователи, какъ необходимой настольной книгѣ при научныхъ занятіяхъ. Онъ возбудилъ большой интересъ къ изученію внутренней исторіи Гетманщины, и по стопамъ его пошли другіе изслѣдователи. Въ трудахъ Д. И. Багалъя, Д. П. Миллера, А. Я. Ефименко, В. А. Мякотина, И. В. Луцицкаго, Теличенка, Н. П. Василенка

¹⁾ Д. И. Багалъй. А. М. Лазаревскій (некрологъ). Ж. М. Н. Пр. 1902 г. № 9.

были разработаны важные вопросы внутренней истории старой Малороссии: магдебургское устройство городовъ, судебная реформа Разумовскаго, превращеніе старшины въ дворянство, эволюція посполства, кодификація малорусскаго права и главные моменты въ исторіи землевладѣнія. Дѣятельное изученіе исторіи Гетманщины происходило и въ Галиціи подъ руководствомъ проф. М. С. Грушевскаго; немало цѣнныхъ свѣдѣній по исторіи бурныхъ политическихъ событій конца XVII и нач. XVIII ст. и взаимоотношеній между Украиной и Московскимъ государствомъ можно найти въ статьяхъ Доманицкаго, Корженца, Герасимчука, Джиджоры, А. Грушевскаго и др.

Поступательный ходъ украинской исторіографіи, хотя медленно, но неуклонно продолжается и по настоящее время. За истекшее пятилѣтіе предметомъ историческаго изслѣдованія являлись слѣдующія темы: административное устройство областного дѣленія Гетманщины—полка¹⁾, различные вопросы по исторіи малорусскаго права и судебного процесса въ XVII и XVIII вв.²⁾, экономическая политика Русскаго правительства по отношенію къ лѣвобережной Украинѣ въ первой половинѣ XVIII в.³⁾ и дѣятельность Румянцева-Задунайскаго въ качествѣ малороссійскаго генералъ-губернатора⁴⁾. Разработка украинской исторіи благодаря трудамъ названныхъ изслѣдователей принесла свои плоды: намъ извѣстны частію въ главныхъ чертахъ, частію и въ деталяхъ устройство управленія въ Гетманщинѣ, судебная организація и сословныя отношенія. Правда, имѣющіяся въ научномъ обиходѣ свѣдѣнія по указаннымъ вопросамъ нельзя признать достаточными, но и за нихъ нужно быть благодарными.

Нѣкоторымъ вопросамъ внутренней исторіи Гетманщины—и при томъ вопросамъ важнымъ—не посчастливилось въ исторіографіи, такъ какъ они не вызвали, не говоря уже о спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, даже значительныхъ статей. Здѣсь мы имѣемъ въ виду такіе

¹⁾ М. Е. Слабченко. Малорусскій полкъ въ административномъ отношеніи. Одесса. 1909.

²⁾ Ею же. Опыты по исторіи права Малороссіи XVII и XVIII в.в. Одесса. 1911.

³⁾ І. Джиджора. Економічна політика Російського правительства супроти України в 1710—1730 рр. У Львові. 1911.

⁴⁾ Г. А. Максимовичъ. Дѣятельность Румянцева-Задунайскаго по управленію Малороссіи т. I. Нѣжинъ. 1913.

вопросы — какъ экономическій строй и финансовое управленіе. Этотъ пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ ощущается не только лицами, спеціально интересующимися указанными вопросами, но и всѣми вообще изслѣдователями въ области исторіи Гетманщины въ виду важнаго значенія экономическихъ условій въ общемъ ходѣ историческаго процесса. Изучая сословныя отношенія, исторію посольства или казначества, мы не можемъ выполнить успѣшно своей задачи, если не знаемъ ихъ экономического положенія, ихъ платежной дѣеспособности. Г-жа Радакова въ своей статьѣ о ревизіяхъ высказала мнѣніе, что причину ухудшенія положенія посольства во второй половинѣ XVIII ст. нужно искать въ нераціональной постановкѣ финансовой системы, крайне тяжело отзывавшейся на производительныхъ классахъ населенія¹⁾.

Вполнѣ принимая *a priori* это положеніе, какъ совершенно правильное, мы тѣмъ не менѣе не можемъ обосновать его достаточными фактическими данными въ виду неизученности вопроса. Нельзя сказать, чтобы на пути къ рѣшенію этого вопроса стояли непреодолимые затрудненія въ видѣ недостатка матеріала. Задачу эту надо признать вполнѣ выполнимой; при чемъ одинъ изслѣдователь можетъ взять на себя разработку одного періода въ исторіи финансоваго управленія, другой — другого и т. д. Если трудна для разработки вторая половина XVII в., когда изслѣдователю вслѣдствіе недостатка данныхъ приходится блуждать въ потемкахъ или прибѣгать къ гипотетическимъ построеніямъ, то для XVIII ст. матеріала вполнѣ достаточно какъ въ столичныхъ, такъ и въ провинціальныхъ архивахъ. До насъ дошли подлинныя дѣла нѣкоторыхъ учреждений, исполнявшихъ функціи финансоваго вѣдомства. Особенно богатъ матеріалами этого рода архивъ Черниговскаго губернскаго правленія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своей работѣ о Черниговскихъ архивахъ М. Плохинскій²⁾.

Но это дѣло будущаго, а пока мы имѣемъ по интересующему насъ вопросу лишь отрывочныя данныя въ нѣкоторыхъ историческихъ трудахъ и крупицы опубликованнаго матеріала.

¹⁾ О ревизіяхъ въ Малороссіи въ XVIII ст. Труды XI Археологическаго съѣзда т. II М. 1901, стр. 112, 114.

²⁾ Архивы Черниговской губерніи. М. 1899. стр. 118—124.

Въ предлагаемой нынѣ вниманію читателей статьѣ мы имѣемъ въ виду, не претендуя на полноту изложенія, дать краткій историческій очеркъ финансоваго управленія въ Гетманщинѣ за время отъ 1654 г. по 1727 г., когда Верховный Тайный Совѣтъ своими «рѣшительными пунктами» внесъ существенныя измѣненія въ финансовую систему, установленную малороссійской коллегіей. Въ основу настоящей статьи легли какъ печатныя данныя, такъ и архивныя, собранныя нами во время занятій въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ и библіотекѣ Университета св. Владиміра. Въ этой статьѣ мы хотимъ остановиться исключительно на внѣшнемъ механизмѣ обложенія, т. е. другими словами, выяснить тѣ виды податей, сборовъ по актовой терминологіи, которые уплачивало населеніе въ центральныя и мѣстныя учрежденія.

Юридическимъ основаніемъ для сбора податей съ населенія лѣвобережной Малороссіи служили пресловутые пункты Богдана Хмельницкаго, на которые такъ часто въ противоположныхъ цѣляхъ ссылались Московское и мѣстное правительство: первое для подтвержденія своихъ централистическихъ стремленій, второе для охраны своихъ привилегій. «Въ городѣхъ урядники изъ нашихъ людей чтобъ были обираны на то достойные, которые должны будутъ поданными Твоего Царскаго Величества испраляти и приходить надлежащій вправду въ казну Твоего Царскаго Величества отдавати .. Указалъ Государь и бояре приговорили быть по ихъ челобитью, а быти бѣ урядникамъ, войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ и доходы денежныя и хлѣбныя и всякіе на Государя собирать имъ и отдавати въ государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ Государь прищлетъ надъ тѣми сборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду», — такъ гласитъ 4-й пунктъ договорныхъ статей 27 марта 1654 г.¹⁾ Нельзя не признать, что пунктъ этотъ редактированъ крайне неясно: предоставляя Московскому правительству право получать доходы съ жителей присоединившейся страны, договорныя статьи не указываютъ, какіе именно слои населенія должны нести податное бремя и каковы принципы обложенія. Очевидно, творцы договора не стремились къ детальной разработкѣ отдѣльныхъ пунктовъ договора: ихъ задача заключалась въ установленіи общихъ основъ соглашенія.

¹⁾ Д. Бактышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Изд. 4-е. Кіевъ. 1903, стр. 531.

Съ другой стороны для представителей Малороссіи голословный характеръ статей былъ выгоденъ во многихъ отношеніяхъ: онъ допускалъ возможность различнаго пониманія предѣловъ внутренней самостоятельности страны. Пунктъ 17-й, который гарантируетъ непоколебимое сохраненіе казацкихъ и шляхетскихъ вольностей, выдвигаетъ такой принципъ: «Кто казакъ, тотъ будетъ вольность казацкую имѣть, а кто пашенной крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыкшую Его Царскому Величеству отдавать» ¹⁾. Умолчаніе въ этомъ пунктѣ объ обязанностяхъ казаковъ и шляхты и порученіе взиманія денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ пунктомъ 4-мъ должностнымъ лицамъ магистратскаго управленія заставляетъ предполагать, что творцы договора, если и допускали возможность привлеченія населенія къ податному обложенію, то хотѣли это бремя возложить на мѣщанъ и крестьянъ. Цитированные нами пункты вошли въ такой же неясной редакціи и въ послѣдующія договорныя гетманскія статьи.

Вопросъ объ юридической природѣ соединенія Украйны съ Московскимъ государствомъ въ спеціальной литературѣ вызывалъ различныя толкованія: въ немъ видѣли то личную ²⁾, то реальную унію ³⁾, то вассальную зависимость ⁴⁾. Какъ бы ни рѣшался вопросъ о характерѣ соединенія, для насъ является несомнѣннымъ, что въ составѣ Московскаго государства Малороссія представляла собою область, хотя и находившуюся въ его державномъ обладаніи, но пользовавшуюся широкой автономіей. Она осуществляла посредствомъ своихъ органовъ административную и судебную власть, обладала своимъ бюджетомъ и пользовались какъ обычнымъ, такъ и писаннымъ правомъ ⁵⁾. Судъ и финансы являются наиболѣе существенными выраженіями государственнаго властвованія, которыя народъ ревниво оберегаетъ отъ всякихъ посягательствъ на ихъ уменшеніе ⁶⁾. Въ виду этого понятны стремленія гетманскаго правитель-

¹⁾ Ibidem, стр. 533.

²⁾ В. И. Сертсевичъ. Лекціи и изслѣдованія. СПб. 1883, стр. 107.

³⁾ М. Дяконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, изд. 2-е. СПб. 1908, стр. 247.

⁴⁾ М. Е. Слабченко. Малорусскій полкъ, стр. 27.

⁵⁾ Б. Э. Нолде. Очерки русскаго государственнаго права. СПб. 1911, стр. 322.

⁶⁾ Ibidem, стр. 320.

ства сохранить руководство финансовымъ дѣломъ въ своихъ рукахъ, такъ какъ подчиненіе его контролю Московскаго правительства свѣдѣтельствоваало бы о начавшемся паденіи внутренней самостоятельности страны.

Несомнѣнно, что до учрежденія малороссійской коллегіи денежныя и хлѣбныя доходы не поступали въ царскую казну, если не принимать во вниманіе попытки гетмана Брюховецкаго. Какъ извѣстно, въ 1665 г. въ Москвѣ съ почетомъ принятый царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ гетманъ ударилъ Государю челомъ «всѣми малороссійскими городами и мѣстами съ уѣзды и со всякими доходы». Очевидно, до Брюховецкаго въ Московскую казну не собирались доходы съ жителей Гетманщины, иначе было бы непонятнымъ челобитье гетмана. Попытка Брюховецкаго провести финансовую реформу не имѣла успѣха: едва только московскіе воеводы произвели перепись населенія и стали собирать подати съ посполитыхъ и мѣщанъ, народное возстаніе, во главѣ котораго сталъ возведенный въ боярскій чинъ гетманъ, смѣло заведенные воеводами порядки. Памятникъ полуоффиціальнаго происхожденія—«Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учреждений», составленный въ Сенатѣ въ 1786 г., говоря о времени до 1722 года, замѣчаетъ: «Однако же и въ то время, чтобъ какіе доходы, збираемые съ малороссіянъ, присылаемы были въ казну государеву, по дѣламъ виду нѣтъ»¹⁾. Генеральная старшина въ своемъ отвѣтѣ на пункты малороссійской коллегіи 11 августа 1722 г. по этому вопросу высказалась рѣшительно въ такомъ же смыслѣ: «А чтобъ денежныя, хлѣбныя и другіе зборы за гетмана Богдана Хмельницкаго въ казну государеву были збыраны, мы о томъ неизвѣстны, толко слышно намъ всимъ з давняго поведенія, якъ прежде было, что за гетманство Богдана Хмельницкаго жадныхъ зборовъ въ казну государеву не збирано»²⁾.

Политическія осложненія въ краѣ въ теченіе второй половины XVII в. мѣшали Московскому правительству основательно познаться съ внутренними дѣлами Гетманщины т. е. съ характеромъ управленія, соціальнымъ строемъ и экономическою жизнью, подчи-

¹⁾ Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій... 1786 г. Черниговъ, 1902 г., стр. 3.

²⁾ Библіотека Университета св. Владиміра. Рукописи А. М. Лазаревскаго.

нять ихъ своему руководству и привлечь къ общегосударственнымъ тяготамъ платежныя силы страны. Рѣшительные шаги въ этомъ направленіи были приняты въ гетманство Скоропадскаго Петромъ Великимъ. Въ секретныхъ пунктахъ, данныхъ 27 іюля 1709 года ближнему стольнику Измайлову, назначенному для присутствія при гетманѣ, между прочимъ, вмѣнялось въ обязанность «навѣдаться ему подлинно тайнымъ обычаемъ, по скольку прежнему гетману измѣннику Мазепѣ всякихъ доходовъ со всего малороссійскаго краю збиралось и нинѣшнему збиратися будетъ также и генеральной старшинѣ и полковникамъ и протчимъ урядникамъ по скольку доходовъ съ чего есть»¹⁾. Указомъ 29 апрѣля 1722 г.²⁾ учреждена была при гетманѣ во главѣ съ бригадиромъ Вельяминовымъ малороссійская коллегія изъ 6 лицъ для смотрѣнія за правильнымъ теченіемъ суда и управленія. Коллегія учреждалась для охраны простого народа и казаковъ отъ притѣсненій мѣстныхъ властей, для укрѣпленія законности во всѣхъ проявленіяхъ гражданской жизни края; учрежденіе коллегіи Петръ I считалъ вполне законнымъ съ точки зрѣнія малороссійскихъ правъ и вольностей, выраженныхъ въ пунктахъ Богдана Хмельницкаго. Коллегія, по его мнѣнію, замѣняла установленную по пунктамъ Хмельницкаго «верхнюю аппеляцію у воеводъ великоросейскихъ». «Всепопданѣйше доношу»³⁾—писалъ старый гетманъ въ своемъ любопытномъ, проникнутомъ искреннимъ чувствомъ прошеніи отъ 2 мая 1722 г.—что хочай тое въ волѣ и силѣ В. И. В. залежить, однако за Богдана Хмельницкаго и за другихъ гетмановъ, таковыхъ судей и хлѣбныхъ и денежныхъ въ казну зборовъ не было... Со слезами молю, да изволите Вы, Великій Государь, не повѣряя ложнымъ и завистнымъ доношеніямъ, своею благопремѣнительною монаршою волею подлугъ премошнихъ своихъ съ обнадеживаніемъ о явленіи къ намъ непремѣнно по окончаніи войны милости грамотъ при прежнихъ нашихъ правахъ и порядкахъ содержать». Конечно, просьба гетмана не могла измѣнить состоявшагося рѣшенія Государя, и коллегія открыла свою дѣятельность

¹⁾ М. Гл. А. М. Ин. Д. 1709 г. № 43.

²⁾ И. С. З. т. VI, 3988. Учрежденіе Коллегіи „въмѣсто одной воеводской перемы, для лучшей вѣрности и управленія“ было подтверждено указомъ 16 мая 1722 г. (Иб., 4010).

³⁾ Ibidem, 1722 г. № 23.

еще при жизни гетмана¹⁾. На основаніи пункта 2-го²⁾ инструкции Вельяминову коллегія затребовала отъ наказнаго гетмана Полуботка и генеральной старшины свидѣній, какіе прежде въ Малой Россіи собирались доходы и куда они въ расходъ употреблялись. 11 августа на всѣ вопросы или пункты коллегіи генеральная старшина представила отвѣтъ; для насъ интересенъ 1-й пунктъ его, гдѣ говорится, что при прежнихъ гетманахъ «бываль заборъ денежный з арендованыхъ доходовъ для заплаты войску, при гетманахъ будущому, охотному и для протчихъ войсковыхъ расходовъ и потребъ, а за покойнаго гетмана збирались съ полковъ для платы сердюкамъ и компанейцамъ и для другихъ потребъ войсковыхъ покуховніе гроши, не приключая до оного збору державскихъ маетностей и ихъ шинковыхъ дворовъ»³⁾. На содержаніе гетмана и его двора были опредѣлены маетности и особые сборы. «А сколько тыхъ грошей въ которомъ году было въ зборѣ и въ расходѣ и за расходомъ въ остаткѣ—пишетъ генеральная старшина—о томъ мы неизвѣстны, а извѣстенъ о томъ дворъ гетманскій, понеже тые гроши присланы з полковъ до двора гетманскаго и тамъ онымъ расходъ чиненъ по его ж собственной волѣ». Очевидно, доходы собственно гетманскіе и войсковые замѣтнымъ образомъ не различались въ виду господства частноправной точки зрѣнія надъ государственной. «Тотъ зборъ бываль—читаемъ мы въ рѣшительныхъ пунктахъ 1728 г.—подъ веденіемъ гетманскаго дома людей; какова порядка ни въ которомъ государствѣ нѣтъ, что съ народа государственные доходы собирать и оными партикулярнымъ персонамъ користоваться»⁴⁾. О такомъ же порядкѣ свидѣтельствуетъ въ своемъ доношеніи въ коллегію Андрей Кондзеровскій, завѣдывающій финансовыми дѣлами въ домѣ Скоропадскаго⁵⁾; но онъ добавляетъ, что деньги расходовались по распоряженіямъ гетмана, «на что есть книги въ дому гетманскомъ». Такова была система веденія денежнаго хозяйства, свободная отъ бюрократической процедуры и формальностей, хотя въ то же время и лишенная строгой отчетности. Само собою понятно, что такой

¹⁾ Скоропадскій скончался 3 июля 1722 г. (П. С. З. т. VI, 4049).

²⁾ Харьк. Истор. Архивъ, Черниг. отд. № 1478. П. С. З. т. VI, 4010.

³⁾ Библіот. Унив. св. Влад. Рукописи А. М. Лазаревскаго, № 46 т. 5.

⁴⁾ Экстрактъ, стр. 132.

⁵⁾ Рукописи А. М. Лазаревскаго, № 46 т. 5.

порядокъ нельзя разсматривать, какъ сплошное злоупотребленіе, поэтому и мнѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта нужно призвать очень строгимъ и не выполнѣвающимъ дѣйствительности. Несомнѣнно, такой порядокъ веденія государственнаго хозяйства былъ господствующимъ въ XVII столѣтіи, если мы находимъ его въ 20 годахъ XVIII столѣтія при гетманѣ, за которымъ наблюдало бдительное око резидента при гетманскомъ дворѣ стольника Протасьева.

Кромѣ перечисленныхъ выше доходовъ, генеральная старшина въ своемъ отвѣтѣ отмѣчаетъ въ качествѣ отдѣльной группы городскіе (градскіе) доходы, поступавшіе въ пользу ратушъ, и церковные. Такова картина финансовой системы Гетманщины по изображенію старшины: она отличается схематичностью и неполнотою, такъ что по ней нельзя составить яснаго представленія о податяхъ и налогахъ, уплачиваемыхъ населеніемъ. Отвѣтъ генеральной старшины не удовлетворилъ русское правительство, и оно потребовало присылки изъ каждаго полка по одной знатной персонѣ, а изъ городовъ и мѣстечекъ по 2 человека для сбора податей съ народа малороссійскаго и для представленія вѣдомостей о финансовомъ строѣ до учрежденія Коллегіи. Если бы вѣдомости сборщиковъ всѣхъ полковъ были въ нашемъ распоряженіи, мы имѣли бы богатый матеріалъ для изученія нашего вопроса. Не надо забывать, что въ каждомъ полку были свои мѣстныя особенности въ податномъ обложеніи, такъ какъ полковники своею властію могли вводить новые сборы на войсковыя нужды.

По мѣсту поступленія сборы дѣлились на гетманскіе, skarboвые, ратушные и церковные. При Скоропадскомъ гетманскіе доходы были слѣдующіе: индукта т. е. пошлина съ ввозившихся товаровъ на сумму 8000—9000 руб. въ годъ, тютюнная (табачная) десятина съ посполитыхъ людей, сѣявшихъ табакъ ¹⁾, пчельная десятина, при Скоропадскомъ собиравшаяся не только съ посполитыхъ, но и рядовыхъ казаковъ Переяславскаго и 3 сотенъ Нѣжинскаго полка ²⁾, денежная стачія съ Лубенскаго полка отъ 200 до 600 руб. въ годъ

1) Рукописи Лазаревскаго, Малорос. Сборникъ, № 46, т. 5-й.

2) Моск. Гл. Ар. М. Ин. Д. Малорос. дѣла, 1723 г. № 30. Взиманіе пчельной десятины съ казаковъ вызвало съ ихъ стороны нареканія, и вслѣдствіе этого незадолго до смерти гетмана казаки были освобождены отъ этой повинности.

и съ Полтавскаго на 300 руб., отъ мельниковъ Лубенскаго полка покабанщина и поколющина, показанщина съ Черниговскаго и Кіевскаго полковъ (кое-гдѣ эту подать платили и рядовые казаки) и ярмарковое съ 6 сотенъ Черниговскаго полка ¹⁾).

Воспользовавшись вѣдомостью о сборахъ въ Черниговскомъ полку, составленной по гетманскому указу 10 іюля 1729 года согласно 7 рѣшительному пункту, мы представимъ картину историческаго движенія сборовъ въ этомъ полку. Опять таки приходится пожалѣть, что намъ не удалось найти такихъ же вѣдомостей о другихъ полкахъ.

Въ Черниговскомъ полку при гетманѣ Многогрѣшномъ въ войсковой скарбъ поступала индукта, собиравшаяся съ товаровъ, какъ ввозившихся, такъ и вывозившихся, по 2 коп. съ рубля. Посполитые, кутившіе горѣлку, платили въ скарбъ показанщину по 8 грошей въ годъ отъ казана, рядовые казаки, равно какъ духовные и свѣтскіе владѣльцы, были отъ нея освобождены. При Самойловичѣ показанщина увеличилась: сначала брали по 1 руб., а потомъ по 40 коп. съ казана. При Самойловичѣ была введена аренда на горѣлку, деготь, и табакъ «и не вольно было ихъ никому по домамъ и шинкамъ продавати, а продавали одни только арендари, которые тую аренду у гетмана брали на откупъ». Свободные посполитые мѣст. Сосницы и Березной давали на дворъ гетманскій, какъ и при прежнихъ гетманахъ, годовую стацію хлѣбомъ, скотомъ и другими съѣстными припасами. Эта натуральная повинность называлась въ актахъ податью на гетманскую кухню. Посполитые—мельники платили поколющину и покабанщину не въ одинаковомъ размѣрѣ: такъ—въ Бѣлоуской сотнѣ поколющина взималась въ размѣрѣ 60 коп. отъ «кола тягучого», въ Седневской и Городницкой сотняхъ—40 коп., а покабанщина—въ суммѣ 1½ руб. и т. д. Рядовые казаки, старшина и духовные владѣльцы не платили этихъ податей. Въ гетманство Самойловича была введена дегтевая подать въ войсковой скарбъ въ размѣрѣ 1½ руб. отъ коня въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились въ лѣсахъ дегтевые заводы, а въ полковую артиллерию взималось по 20 коп. и по 4 ведра дегтю. Посполитые, вла-

¹⁾ Рукописи Лазаревскаго, Малорос. Сбор. № 46, т. 5-й.

дѣвшіе борными ухажаями, платили неравномѣрный налогъ какъ деньгами, такъ и натурой: въ сотнѣ Любецкой отъ каждаго ухажая 9 руб. въ годъ и 5 бѣльцовъ меду, а на каждаго участника (ухажая очень часто принадлежали на сябренномъ правѣ цѣлой группѣ лицъ), приходилось по 2, 3, 4, 5 гр. и даже по 1 руб., въ Седневской сотнѣ по 20, 40 коп., 1 руб. и 1½ р. отъ ухажая. Казаки платили медовую подать только въ Городницкой сотнѣ. Черниговскій полковникъ Борковскій установилъ особую показанщину, собиравшуюся въ полковой скарбъ, съ винниковъ и отъ казановъ казацкихъ и мужицкихъ по ½ копы въ годъ, однако винники старшинскіе и духовныхъ владѣльцевъ не платили этой подати. Съ привозной соли взимался налогъ натурою въ пользу полковника по 100 гусокъ отъ мажи, въ пользу войтовъ по 12 гусокъ. Эти данныя говорятъ объ обширной компетенціи полковничьей власти въ XVII в. При Мазепѣ остались тѣ же сборы, какіе собирались при его предшественникахъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями. Стація съѣстными припасами была замѣнена денежной: въ Березинской и Менской сотняхъ она исчислялась въ суммѣ 100 р. въ годъ, въ Смоленской — 20 руб. и т. д. При немъ также была аренда ¹⁾ на горѣлку, табакъ и деготь. Посполитые, имѣвшіе табачные огороды, смотря по ихъ качеству, платили по 1, 2 и 3 гр. Черниговскіе полковники, преемники Борковского по уряду, ввели новыя подати: съ шинковыхъ ледниковъ по ½ и 1 копѣ въ годъ, отъ пивныхъ казановъ по копѣ и по талеру и отъ солодовень по копѣ. На средства, составлявшіяся изъ винницкой показанщины и указанныхъ выше доходовъ, установленныхъ полковниками, содержались полковая артиллерія и канцелярія.

Въ гетманство Скоропадскаго собирались всѣ доходы, какъ и прежде, «безъ всякой прибавки, равнымъ числомъ» — говорятъ въ домострой 1729 г. Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ — именно, въ Менѣ и Синявкѣ — гетманъ отмѣнилъ денежную стацію вслѣдствіе «убоже-ства посполитыхъ». Въмѣсто аренды онъ велѣлъ собирать въ войско-вой скарбъ покуховное по 2 р. отъ вышинкованной кuffy горѣлки, и по золотому отъ носатки только съ тѣхъ лицъ, которыя шинко-

¹⁾ Она была отмѣнена вслѣдствіе народнаго ропота, но спустя одинъ годъ восстановлена: мотивомъ служило содержаніе охотничьяго и компанейскаго войска.

вали покупною горѣлкою; рядовые казаки и посполитые, которые курили горѣлку въ своихъ казанахъ и шинковали дома, вмѣсто покуховнаго за право винокуренья платили по 4 зол. въ годъ отъ казана. На ярмаркахъ съ каждаго проданнаго коня или скотины взималось ярмарковое по 1 коп., а съ воза у прїѣзжихъ торговцевъ по 6 и 10 коп. Нашъ источникъ не отличается полнотою при перечисленіи сборовъ въ гетманство Мазены и Скоропадскаго: онъ не упоминаетъ о цѣломъ рядѣ сборовъ, которые, какъ мы знаемъ по указаніямъ другихъ источниковъ, въ то время существовали. 12 пунктомъ указовъ 16 апрѣля и 3 іюня 1723 года¹⁾ отмѣнены «непотребные и обременительные» для народа сборы, какъ: записное отъ казановъ, отъ прїѣзжихъ купцовъ за мѣсто, мазенщина съ посполитыхъ людей, праздничное отъ казаковъ и мужиковъ, стація отъ подсуѣдковъ конныхъ и пѣшихъ, подать съ бобылей, не имѣющихъ грунтовъ и др. Одни изъ этихъ сборовъ были введены при Мазенѣ, другіе существовали еще раньше; хронологія ихъ для насъ неизвѣстна.

Ратушные и церковные сборы составляли, какъ мы уже говорили, отдѣльную группу и не смѣшивались съ войсковыми. Они употреблялись на содержаніе органовъ мѣстнаго самоуправленія и церковныя нужды. Къ ратушнымъ и церковнымъ относятся такіе сборы: осенщина, помѣрное, ваговое, торговое и др. Всѣ эти сборы были неравномѣрны, такъ какъ ихъ размѣръ зависѣлъ отъ мѣстныхъ условий и обычаевъ. Въ Черниговской сотнѣ въ пользу ратуши взималось въ годъ осенщины отъ пары воловъ по $\frac{1}{2}$ осмачки жита, по осмачкѣ овса и по золотому денегъ, въ м. Любечѣ помѣрного бралось по шелягу съ мѣры, а въ м. Березной по 2 коп. съ воза, въ м. Седневѣ вагового съ пуда по 2 коп., въ м. Березной съ подсуѣдковъ казачьихъ и посполитскихъ осенщина взималась по 6, 10 и 25 коп., смотря по имуществу и т. д. Въ тѣхъ мѣстечкахъ, гдѣ не было ратушъ, перечисленные выше сборы поступали въ пользу церкви «на вино, ладанъ и оправу», но и въ ратушныхъ мѣстечкахъ извѣстная часть доходовъ отдавалась церкви²⁾.

Крутой поворотъ въ финансовомъ дѣлѣ Гетманщины сдѣлала малороссійская коллегія, взявъ его въ свои руки и подчинивъ строгой

¹⁾ И. С. З. т. VII, 4196. Харьк. Ист. Арх. Черн. отд. № 995.

²⁾ Рук. Лазаревскаго, Малорос. Сбор., № 46 т. 5.

отчетности. Въ дѣятельности коллегіи въ интересующей насъ области были темныя стороны, но въ нашу задачу не входитъ говорить здѣсь о нихъ. Реформы, произведенныя коллегіей, въ основныхъ своихъ чертахъ извѣстны, и мы на нихъ не будемъ останавливаться подробно ¹⁾. Сборы на булаву и кухню гетманскую указомъ 11 августа 1722 года ²⁾ велѣно было собирать по прежнему и хранить въ коллегіи. Согласно указамъ 22 ноября 1722 г., 16 апрѣля и 3 іюня 1723 г. установлены были такія главные основанія податной реформы: 1) доходы съ малороссійскаго народа нужно собирать согласно пунктамъ Богдана Хмельницкаго и вѣдомостямъ сборщикамъ; 2) сборы, введенные при Мазепѣ и Скоропадскомъ, отмѣнены; 3) сборы съ куфѣ, казановѣ, пчельная и табачная десятина, войсковая часть съ мельницъ, которые прежде собирались съ посполитыхъ и убогихъ казаковъ, «брать со всѣхъ равно отъ вышнихъ і до нижнихъ чиновъ, не выключая никого»; 4) съ обывателей, продающихъ вино пріѣзжимъ изъ великороссійскихъ городовъ и платившихъ только скатное по 20 и 25 коп., брать столько же, какъ съ вышинкованныхъ куфѣ; 5) церковные и ратушные доходы должны собираться по прежнему, 6) натуральная стадія гетману замѣняется денежною ³⁾. Затрудненія, встрѣтившіяся Вельяминову при проведеніи въ жизнь реформы, были представлены имъ въ видѣ 12 пунктовъ 31 марта 1723 г. Императору Петру I, и Государь 5 апрѣля на каждый изъ нихъ положилъ свою резолюцію ⁴⁾.

Такимъ образомъ податное дѣло въ Гетманщинѣ взяло подъ свое руководство центральное правительство. 7 іюня 1723 года малороссійская коллегія постановила дать сборщикамъ подробную инструкцію о сборѣ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ, обязавъ ихъ ежемѣсячно и по третямъ года по установленной формѣ представлять въ кол-

¹⁾ *И. Джиджора*. Реформи малоросійської колегії на Україні въ 1722—3 рр. (Науковий Збірник, присвячений М. Грушевському. У Львові, 1906). Я. III. Павелъ Полуботокъ, полковникъ Черниговскій. „Кіев. Стар.“ 1890 г. № 12, А. М. Лазаревскій. Павелъ Полуботокъ, „Рус. Арх.“ 1880 г. № 1.

²⁾ Харьк. Ист. Ар., Черниг. отд., № 1478.

³⁾ *Ibidem*, № 876 и 995. П. С. З. т. VII, 4196.

⁴⁾ Пункты изданы *А. Я. Ефименко* въ видѣ приложенія къ статьѣ: „Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова“ въ „Южная Русь“ т. II Спб. 1905. Болѣе исправное изданіе пунктовъ далъ *Джиджора* въ приложеніи къ указанной выше своей статьѣ.

легію рапорты подъ опасеніемъ за всякое уиущеніе «жестокаго штрафа» ¹⁾. Малороссійскіе доходы, хотя и на короткое время, появились въ общегосударственномъ бюджетѣ ²⁾.

Какія же нововведенія внесла коллегія въ податное обложеніе? Налоговое бремя, падавшее раньше главной тяжестью на необезпеченные слои населенія — посполство и отчасти казачество, она возложила на все населеніе, въ томъ числѣ на старшину и духовныхъ владѣльцевъ. Интересный вопросъ о томъ, облегчила ли коллегія положеніе простого народа, отмѣнивъ согласно указу 3 іюня 1723 года нѣкоторые сборы, труденъ для рѣшенія въ виду недостатка матеріала. Несомнѣнно одно — коллегія предъявляла серьезныя требованія къ платежнымъ силамъ всего населенія, а не только одного посполства, и въ сборѣ податей проявляла больше настойчивости, чѣмъ гетманское правительство.

Вѣдомость 1729 года такъ описываетъ нововведенія коллегіи. «Когда стала въ Глухове коллегія, опредѣлила такую же показанщину, что брано на гетмановъ з одныхъ посполитыхъ людей з казана въ годъ по 4 зол., покуховную дачу, якую брано при гетм. Скоропадскомъ з тыхъ толко однихъ посполитыхъ, хто покушною горѣлкою шинкуеть, з кухвы по 2 руб., винницкую показанщину з казана по 25 коп. — брать всю тую дачу со всѣхъ равно якъ з значковаго и бунчуковаго товариства, такъ и з старшины, владѣльцовъ духовныхъ и мирскихъ». Коллегія установила новые сборы, которыхъ, по выраженію вѣдомости, «никогда ни на кого не брано»: по 2 алтына съ улья домашнихъ пчель, по 2 р. съ проданной въ отвозъ кuffy горѣлки, по 2 руб. — съ вышинкованной буты волоскаго вина, съ «млыновъ тягучихъ» ^{1/4} помола и по 2 зол. съ млыновъ вешняковъ».

При преемникахъ Петра I въ петербургскихъ правительственныхъ кругахъ стало обнаруживаться теченіе, склонное къ уступкамъ по отношенію къ Украйнѣ въ виду опасенія войны съ Турціей. Верховный Тайный Совѣтъ въ засѣданіи 11 февр. 1726 г. вынесъ принципіальное рѣшеніе объ отмѣнѣ сборовъ, введенныхъ коллегіей,

¹⁾ Харьк. Ист. Арх. Черн. отд. № 995.

²⁾ П. Н. Милюковъ. Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго. Изд. 2-е. СПб. 1905, стр. 485.

и объ избраніи гетмана ¹⁾. 3 іюня 1726 г. Имп. Екатерина I въ именномъ указѣ, объявленномъ изъ Верх. Т. Сов., велѣла прислать вѣдомость о сборахъ, установленныхъ Коллегіей и впредь до указу ихъ не собирать ²⁾. Однако, указомъ 21 іюля того же года коллежскіе сборы были возстановлены ³⁾ и распространены на новую категорію плательщиковъ — дворцовыхъ крестьянъ въ Малороссіи. При Имп. Петрѣ II, повидимому, были устранины всѣ препятствія на пути новаго правительственнаго курса по отношенію къ Украинѣ. Указомъ 12 мая 1727 г. ⁴⁾ вмѣстѣ съ обнадеживаніемъ малороссійскаго народа въ томъ, что «къ нимъ въ Малую Россію гетманъ и старшина будутъ опредѣлены вскорѣ», и приказаніемъ президенту коллегіи Вельяминову «съ приходными и расходными книгами быть въ С.-Петербургѣ немедленно» было опредѣлено денежные и хлѣбные сборы собирать по пунктамъ Богдана Хмельницкаго, «а которые положены съ опредѣленія коллегіи по доношеніямъ Вельяминова вновь, тѣ оставить вовсе и впредь не собирать». 22 іюля 1727 г. былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о возстановленіи гетманства, и на Украину для выбора гетмана былъ посланъ тайный совѣтникъ Наумовъ ⁵⁾. Правительствомъ былъ намѣченъ единственно желательный кандидатъ въ гетманы; это—былъ старый миргородскій полковникъ Даниилъ Апостолъ, человекъ, много выдавшій на своемъ вѣку. Въ рѣшительныхъ пунктахъ Верх. Тайн. Сов. 1728 г. 22 августа ⁶⁾ былъ затронутъ вопросъ и о податномъ обложеніи: по 7 пункту велѣно было собирать доходы только съ промысловъ, а именно: «покуховное и скатное, съ продажнаго вина въ шинки и въ отвозъ въ великороссійскіе города, да съ деітню, также покуховное и скатное съ винокуренныхъ казановъ, съ пчелъ и за табачную десятину, кромѣ каза-

¹⁾ Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ. т. 55. СПб. 1886, стр. 25. Противъ мнѣнія о желательности избранія гетмана выступилъ въ засѣданіи 23 февр. гр. Толстой, находившій, что такая политика противорѣчитъ завѣтамъ Петра I, «который гетмана въ Украинѣ не учинилъ и у подковниковъ и старшинны власти убавилъ, дабы Малую Россію въ рукавъ прибрать» (Ibid, стр. 60).

²⁾ П. С. З. т. VII, 4902.

³⁾ Харьк. Ист. Арх. Черн. отд. № 876.

⁴⁾ П. С. З. т. VII, 5073.

⁵⁾ Ibid., 5127.

⁶⁾ Ibid, т. VIII, 5324. Для руководства въ 1729 г. подскарбіямъ былъ данъ специальный наказъ. (М. Гл. Ар. М. Ии. Д. 1730 г. № 2).

ковъ, въ ярмарки и въ торги съ купецкихъ людей, съ продажныхъ товаровъ и съ хлѣба мѣрки, съ мостовъ, перевозовъ и гребель съ проѣзжающихъ людей, съ откупныхъ разныхъ статей, съ ратушныхъ сель годовой платежъ и за живность и собирать тѣ сборы со всѣхъ владѣльцевъ и съ монастырскихъ». Всѣ перечисленные сборы признавались такими, которые «надлежить собирать по пунктамъ Богдана Хмельницкаго».

На этой грани въ исторіи финансовъ Гетманщины мы заканчиваемъ свои посильныя замѣтки.

В. А. Барвинскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	III
Къ тридцатилѣтнюю научную дѣятельности В. П. Бузескула.	V—IX
Проф. В. П. Бузескулъ, какъ историкъ античнаго міра	X—XVII
Печатные труды проф. В. П. Бузескула	XVIII—XXIII
1. Э. Р. фонъ-Штернъ. Къ оцѣнкѣ дѣятельности Тиверія Гракха	1—27
2. П. В. Нептушилъ. Отраженіе катилинарской смуты въ традиціи о Тарквиніяхъ	28—45
3. Г. Э. Зенгеръ. Критическія замѣтки	46—63
4. Б. В. Варнеке. Къ исторіи типа хвастливаго воина	64—70
5. М. И. Мандесъ. Къ теоріи познанія Гераклита	71—83
6. Н. Н. Бороздинъ. Къ вопросу о современныхъ направленіяхъ въ изученіи древней исторіи	84—91
7. С. П. Синалевицъ. Совѣтъ г. Оксиринха III вѣка по Р. Хр.	92—104
8. В. И. Веретенниковъ. Нѣсколько словъ объ исторической критикѣ	105—118
9. Д. Н. Егоровъ. По поводу новаго типа семинарскаго пособия	119—123
10. В. М. Панина. Новый источникъ Anonymi Laudunensis	124—150
11. В. И. Савва. Нѣсколько случаевъ изученія иностранныхъ языковъ русскими людьми во второй половинѣ XVI вѣка	151—162
12. Ю. А. Кулаковскій. Къ вопросу о датѣ возвращенія Креста Господня въ Іерусалимъ изъ персидскаго плѣна	163—171
13. Е. П. Трифилевъ. Къ біографіи В. Н. Каразина	172—177
14. Н. П. Граціанскій. Крѣпостное крестьянство на помѣстьяхъ аббатства св. Германа въ началѣ IX ст.	178—205
15. В. В. Латышевъ. Къ вопросу о культѣ богини Дѣвы въ Херсонисѣ Таврическомъ	206—211
16. Е. Г. Кагаровъ. Спорные вопросы, связанныя съ псевдоксено- фонтовой „Аѳинской политіей“	212—221
17. С. А. Жебелевъ. Когда и кѣмъ издана исторія Фукидида?	222—232
18. Н. И. Карчевъ. Было ли парижское возстаніе 13 вандемьера IV года роялистическимъ?	233—246
19. А. А. Мазонъ. Страничка изъ исторіи русской цензуры въ концѣ 50-хъ годовъ	247—253
20. Г. Ю. Ирмеръ. Іоганнъ Августъ Метлеркамъ, какъ лирикъ	254—276
21. Е. А. Черноусовъ. Изъ византійскаго заходустья XIII вѣка	277—295
22. Н. И. Новосадскій. Нѣсколько замѣтокъ о греческихъ христіан- скихъ надписяхъ	296—309

23. *В. К. Малмберг.* Воннъ, защищающій павнаго товарища, на чертомлыцкихъ ножнахъ и другихъ памятникахъ греческаго искусства 310—317
24. *Θ. Π. Шмитъ.* Мозаики монастыря преподобнаго Луки . . . 318—334
25. *А. А. Захаровъ.* Ἀἰτιολογία Πολιτείας Псевдо-Ксенофонта. . . 335—365
26. *М. И. Ростовцевъ.* Страбонъ, какъ источникъ для исторiи Боспора 366—380
27. *В. П. Клинггеръ.* Объ одномъ элегическомъ фрагментѣ Симонида Кейскаго 381—389
28. *Н. Ф. Сумцовъ.* Слово о бездождiи 390—396
29. *А. А. Васильевъ.* Ласкаръ Кананъ, византийскiй путешественникъ XV вѣка по Сѣверной Европѣ и въ Исландiю 397—402
30. *Π. Η. Ардависъ.* Конецъ Лангдокскаго птендантства 403—414
31. *Б. А. Тураевъ.* Изображенiе Воскресенiя на египетскихъ памятникахъ 415—422
32. *М. М. Хвостовъ.* Общественныя работы въ эллинистическомъ Египтѣ 423—437
33. *Θ. Ε. Корнъ.* De quodam Xenophontis Hellenicorum loco, ut videtur, interpolato 438—445
34. *М. В. Бречкевичъ.* Высшiй классъ славянскаго населенiя въ западно-поморскомъ княжествѣ XII—XIII в.в. 446—455
35. *Н. С. Гольдинъ.* Къ исторiи взаимныхъ отношенiй монархiи и земства въ Пруссiи въ XVII—XVIII вѣкахъ 456—502
36. *Н. Н. Кнорринкъ.* Мiросозерцанiе гр. А. К. Толстого 503—534
37. *Н. А. Щербаковъ.* Апулiйская ваза 535—542
38. *Π. Γ. Риттеръ.* „Облако-Вѣстникъ“ (Meghadûta), древнеиндiйская элегiя Калидасы 543—586
39. *А. И. Блещкiй.* Стихотворенiя Симеона Полоцкаго на темы изъ всеобщей исторiи 587—668
40. *Б. В. Фармаковский.* Аканѳовая вѣтвь на серебряномъ сосудѣ съ Таманскаго полуострова. 669—681
41. *А. П. Кадлубовскiй.* Галицко-русскiй вариантъ сказанiя о крестникѣ 682—692
42. *Н. Н. Дуриновъ.* Легенда объ Авдакеѣ святой мученицѣ . . . 693—696
43. *В. С. Розжицынъ.* Развитие въ греческой политической литературѣ ученiя о формахъ государственнаго устройства 697—733
44. *Κ. Э. Гриневичъ.* По Элладѣ 734—766
45. *Ε. И. Байбаковъ.* Происхожденiе эллинистическаго культа царей . 767—791
46. *А. Я. Краковъ.* Лермонтовъ и античность 792—815
47. *В. А. Барвинскiй.* Замѣтки по исторiи финансоваго управленiя въ Гетманинѣ 816—831

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка:	Напечатано:	Нужно читать:
33	7 снизу	ἀναγκαίαν	ἀναγκαίαν
43	12 "	время	время
52	2 "	Сравнить	Сравнить
66	13 "	Ὁ μὴ γένοιτ' ἀλλ' εἰσώμεν	Ὁ μὴ γένοιτ' ἀλλ' εἰσώμεν
69	14 "	ἐψευσμένα	ἐψευσμένα
72	8 "	ἀνθρώπων	ἀνθρώπων
77	5 и 19 снизу	οἷσις	οἷσις
82	8 сверху	ῤῥῶς	ῤῥῶρ
82	11 "	εἶνα:	εἶνα:
82	19 снизу	δόξας	δόξας
82	13 "	ἐπίστασθαι	ἐπίστασθαι
86	14 сверху	Θυκιδита	Θυкидида
88	16 снизу	Гульемо	Гульельмо
89	12 "	Римасъ	Рима съ
89	3 "	Savants	Savants
92	14 сверху	εἰσεμῆρατε	εἰσεμῆρατε
93	2 снизу	dy	by
94	15 "	römische	römischen
167	7 "	Anastasioi	Anastasioi
181	14 "	назанные	незанные
232	1 снизу	С. Б. Жебелев.	С. А. Жебелев.
301	17 сверху	New-york	New-York
352	5 снизу	свой	своей
355	10 сверху	не позволять	ни позволять
357	11 снизу	посылаемыхъ	посылаемыхъ
357	4 "	онѣ	вныя
360	6 сверху	тѣ	тѣмъ
360	1 снизу	ихъ себѣ	ихъ къ себѣ
362	3 сверху	не зло	на зло
367	12 снизу	Quellen	Quellen
389	2 сверху	αὐτίχ' ὑπερκρέματα	αὐτίχ' ὑπερκρέματα:
432	18 "	αἰσίο	αἰσίο
484	17 "	идеолоγία	идеолоγία
504	4 "	редакцій	редакцій
508	1 снизу	Неиз. даянписьмо	Неизд. письмо
525	8 "	1073	1078

IV

Стр.	Строка:	Напечатано:	Нужно читать:
527	20 сверху	раскрытыми	закрытыми
533	10 снизу	откровенно, считаетъ	откровенно счѣтаетъ
534	8 сверху	либерализмъ	либерализмъ
545	2 "	или вѣриѣ	или, вѣриѣ,
545	12 "	является пожалуй	иляется, пожалуй,
555	1 "	отрѣченіемъ	отреченіемъ
560	5 снизу	пастушекъ	пастушекъ
598	22 сверху	воспріяли	воспріяли
628	2—3 "	hortus pastus	hortus pastorum
776	12 "	Но но	Но на

4

